

НОРВЕЖСКИЕ КЕЛЬТСКИЕ И ТЕВТОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Вильгельм
Вагнер

Беовульф прибил
оторванную лапу Гренделя
над дверью зала
и вознес хвалу
Всевышнему за то,
что тот даровал ему силы
противостоять чудовищу.

◀ «Тристан и Изольда» — известный цикл средневековых легенд. Этот сюжет очаровал многих авторов, которые возвращались к нему в течение последующих столетий.

Вильгельм Вагнер

НОРВЕЖСКИЕ,
КЕЛЬТСКИЕ
И ТЕВТОНСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

Wilhelm Wagner

GREAT NORSE,
CELTIC AND
TEUTONIC
LEGENDS

Вильгельм Вагнер

НОРВЕЖСКИЕ,
КЕЛЬТСКИЕ
И ТЕВТОНСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 398.2
ББК 82.3(3)
В12

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Вагнер Вильгельм
В12 Норвежские, кельтские и тевтонские легенды /
Пер. с англ. Т.В. Китаиной. — М.: ЗАО Центрполи-
граф, 2009. — 285 с.

ISBN 978-5-9524-4121-7

В книге Вильгельма Вагнера собраны давно знакомые многим легенды: о короле Артуре и Святом Граале, о Тристане и Изольде, Беовульфе, Нибелунгах — и малоизвестные сказания: о Хегелингах, Лоэнгрине, Дитрихе и Гильдебранде. Доступная и увлекательная форма изложения делает богатейшее историческое наследие древних германцев и кельтов интересным для всех без исключения. Мир отважных рыцарей и прекрасных дам, всемогущих богов и своенравных валькирий, кровожадных драконов и добрых волшебниц открыт для каждого, но в то же время непостижим и таинствен.

УДК 398.2
ББК 82.3(3)

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2009

ISBN 978-5-9524-4121-7

ВВЕДЕНИЕ

Легенда — не история, но в легенде нашли свое отражение исторические факты; обычаи и нравы прошедших веков; давно забытые верования и предрассудки, которые история как таковая не рассматривает. Под романтическими одеждами, изменив имена и обстоятельства, легенда сохранила для нас живые образы героев и героинь, которые жили и страдали, боролись и побеждали или, не дрогнув, встречали свою смерть. Мы видим, как зло, торжествующее в начале, в конце концов встречается с добром, превосходящим его силой и могуществом, и терпит поражение.

Когда я пишу эти строки, перед мысленным взором предстают туманные образы ужасного Альбоина, поднимающего кубок из королевского черепа; благородного Зигфрида, любящей Кримхильды и оскорбленной Брунгильды. Мы видим смелого короля Дитриха; нежную, терпеливую Кудруну и ее мать — красавицу Хильду. Эти образы складываются в яркие картины, подобные тем, что жили в воображении наших предков, воодушевляя их на благородные дела и удерживая от неблаговидных поступков. Во все века поэты воспевали победу добра над злом, но разным народам эта победа виделась немного по-разному. Хотя наши представления о добре и зле изменились и усложнились, но и впредь все народы будут воспевать благородных и отважных героев, следуя

лишь своему собственному выбору, не всегда понятному для других.

В этой книге собраны главные герои шести средневековых героических эпосов германских народов. Во Франции, наряду с прочими рыцарскими поэмами, был также известен цикл бретонских легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, куда впоследствии вошли также сказания о Святом Граале. Эти легенды дошли и до Германии, где миннезингеры придали им отточенную поэтическую форму. Хотя иностранные заимствования так и не стали популярны у германцев, их собственные героические сказания, пусть не столь совершенные по форме и замыслу, пройдя через века, благополучно дожили до сегодняшнего дня. До сих пор в Германии и Англии почти на каждом рынке можно отыскать прилавки, на которых будут разложены книжечки с этими знаменитыми сюжетами: и про битву Зигфрида с драконом, и про Розовый сад, и про приключения Альбериха и Эльбегаста, и многие другие чудесные эпизоды германского героического эпоса. Однако устная традиция эпоса быстро исчезает, если уже не исчезла. Лишь в Исландии и на Фарерских островах традиция по-прежнему сильна. Там и в наши дни из уст в уста передаются предания о повелителе людей Одине, о Хёнире и коварном Локки, о Торе и Фрейре, о прекрасной волшебнице Фрейе, о волке Фенрире и о мировом змее Йормунганде. Там долгими зимними ночами весь народ, от седобородых старцев до безусых юнцов, затаив дыхание, слушает песни скальдов о подвигах отважного Сигурда; о горе Гудрун, потерявшей любимого; и о Гуннаре, игравшем на арфе во рву со змеями. Эти рассказы передаются от отцов к детям из поколения в поколение. И с такой бережностью хранят там старинные легенды, что пылкие юноши заклинаяют своих возлюбленных любить их «любовью Гудрун», мастер может в сердцах сказать бесчестному подмастерье, что тот «лжив, как Регин», а отважный молодой человек услышит в свой

адрес от стариков, что он «истинный наследник Вельсунгов». На танцах по-прежнему можно услышать песни о Сигурде, а на святочных гуляньях увидеть среди ряженных огромного гротескного Фафнира. Так исчезающая германская традиция нашла себе прибежище на дальнем севере, теснимая со своих родных земель пришельцами с юга — мифами Греции и Рима. Сегодня каждый школьник может рассказать о Зевсе и Гере, Ахилле и Одиссее, а каждая школьница — о Гесперидах, Елене и Пенелопе, но и среди взрослых немного найдется таких, для кого Зигфрид, Кримхильда и Брунгильда не просто имена.

Необходимо отметить, что в настоящее время в Англии и Германии снова возник интерес к старинным легендам и верованиям наших общих предков. Да, у нас есть Уильям Моррис, а у них — Рихард Вагнер, но, возможно, обеим нациям следовало бы уделять больше внимания своему историческому наследию. В старинных мифах и преданиях нет сухих исторических фактов, но в них есть нравы и обычаи предков, их радости и горести, труды и досуг, праздники и религиозные верования, битвы, победы и поражения, их добродетели и пороки. У нас под ногами — непаханое поле, которое мы оставили в запустении и рискуем скоро потерять совсем.

Сейчас трудно сказать, в какой степени эти легенды оказывали влияние на религиозные воззрения. Более поздние по происхождению и утонченные в поэтическом смысле, они имеют такое же отношение к древним германцам, как более поздние греческие героические легенды к историческим грекам. Некоторые, и в том числе такие знатоки, как братья Гримм, утверждают, что герои — это исторические личности, возвышенные до звания богов, другие говорят, что герои — это боги, приобретшие черты людей, но, по-видимому, ни одна из этих теорий до конца не верна. В персонажах легенд мы отчетливо видим черты определенных богов, и возникает желание отождествить их с богами, но нам представля-

ется, что божественные качества нужно рассматривать скорее как дар свыше, а не обожествлять его получателей. Точно так же дела обстояли у греков и, возможно, у других народов, чьи герои составляли существенную часть их верований. Боги — не герои, а герои — не боги, но они настолько близки друг другу, что мы зачастую ошибочно принимаем одних за других.

У.С.У. Ансон

НОРВЕЖСКИЕ,
КЕЛЬТСКИЕ
И ТЕВТОНСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

АМЕЛУНГИ

ГЛАВА 1

Гугдитрих и прекрасная Гильдбурга

В те времена, когда предки Ортнита владели Ломбардией, в Константинополе жил великий император Анзий, который правил Грецией, Болгарией и другими землями. Умирая, он поручил своего сына, Гугдитриха, заботам своего преданного друга, Берхтунга, герцога Меранского, которого он в свое время сам вырастил, а затем осыпал почестями.

Берхтунг полагал своей первейшей обязанностью в отношении воспитанника выбрать ему жену. Он рассудил, что стать спутницей жизни столь могущественному государю может лишь принцесса, равная ему по рождению, столь же мудрая, сколь и прекрасная. Он много путешествовал в дальних странах, но среди всех принцесс, что ему встретились, лишь одна годилась в жены его господину. Но он столкнулся с неожиданным препятствием. Берхтунг поведал о своей беде Гугдитриху, рассказал ему, как сильно он хочет заключить союз между ним и Гильдбургой, дочерью Вальгунта, короля Фессалоник, но добиться этого почти невозможно, поскольку Вальгунт так сильно любит дочь, что заключил ее в высокую башню и никому не разрешает говорить с ней, кроме старого стражника, его самого, ее матери и горничной. А все из-за страха, что она выйдет замуж и покинет его.

Гугдитрих выслушал эту историю с огромным интересом и решил во что бы то ни стало взглянуть на Гильдбургу. Для этого он постарался узнать все, что только возможно, о женском рукоделии и обычаях и даже зашел так далеко, что переоделся в женскую одежду. Затем он объявил о своем намерении отправиться в Фессалоники, чтобы познакомиться с прекрасной Гильдбургой.

Гугдитрих прибыл в Фессалоники под видом знатной дамы с множеством женской прислуги. Узнав о приезде знатной незнакомки, король и королева пригласили ее ко двору. Она приняла приглашение и сказала их величествам, что ее зовут Гильгунда; она сестра императора Гугдитриха, но попала у брата в немилость и теперь вынуждена скрываться. Она попросила у короля защиты и позволения жить во дворце и в знак своих добрых намерений подарила королеве драгоценную вышивку. Король согласился. Королева попросила гостью научить ее придворных дам этому искусству.

Прекрасная Гильдбурга узнала об этом и упросила отца позволить ей взглянуть на вышивки и мастерицу, которая их сделала. Увидев их, она сразу же захотела научиться этому мастерству. Вальгунт не возражал, посчитав, что чужестранка будет для принцессы подходящей наставницей, и Гильдбурга с удовольствием проводила время в ее обществе. Прошло немало времени, прежде чем она узнала, кто ее учительница на самом деле, и после этого их дружба стала еще крепче и скоро переросла в любовь.

Но они боялись, что об их тайном браке станет известно.

— Что с нами будет? — воскликнула Гильдбурга. — Отец никогда не простит нас. Он прикажет казнить нас обоих.

— По крайней мере, мы умрем вместе, — ответил Гугдитрих. — Но я надеюсь на лучшее. Охрана и слуги на твоей стороне, и я думаю, что скоро Берхтунг вернется и заберет меня домой в Константинополь, сославшись на то,

что мой брат простил меня. Тогда я пошлю посла просить твоей руки, и, когда твой отец узнает наш секрет, он не откажет в этой просьбе.

Как Гугдитрих и планировал, Берхтунг приехал и увез его домой. Но сватовство пришлось до поры отложить, поскольку на границе началась война и император был вынужден стать во главе войска. А в это время прекрасная Гильдбург у себя дома подвергалась большей опасности, чем ее супруг в гуще сражения. Дело в том, что она родила сына. О его появлении на свет знали лишь трое преданных слуг, охранявших принцессу. Но вот прошло несколько месяцев, и королева-мать прислала гонца с известием, что она собирается навестить принцессу. Она сама явилась тотчас следом за гонцом. Охранник притворился, что никак не может открыть дверь, и к тому времени, когда ему это наконец удалось, стражник уже переправил ребенка в безопасное потайное место рядом со рвом. На следующее утро, когда королева удалилась, верный слуга поторопился к тому месту, где он оставил дитя, но там его не оказалось. После долгих и безуспешных поисков он вернулся к хозяйке, но не открыл ей правды, а сказал, что нашел ребенку няньку, которая будет его беречь и воспитывать.

Вскоре после этого Берхтунг прибыл в Фессалоники поблагодарить короля от имени своего владыки за прием, оказанный его сестре, и попросить руки прекрасной Гильдбурги, в которую император влюбился по описанию Гильгунды. Король не стал давать ответа сразу, а вместо этого пригласил Берхтунга на охоту, которую он устраивал в его честь.

На следующее утро охотники отправились в лес. В тот день они славно поохотились и приятно провели время. В конце дня король и Берхтунг случайно оказались рядом с башней, в которой печальная Гильдбург проводила томительные дни в ожидании мужа. Проезжая мимо, они наткнулись на свежий след волка, ведущий к ручью. Они двинулись по следу, и тот привел их к логову, укрыто-

му в зарослях. Там их глазам открылось необычное зрелище.

Прямо перед норой в окружении выводка слепых еще волчат лежал чудесный младенец. Он играл с волчатами, таскал их за уши и что-то лопотал на детском языке, понятном лишь матерям да нянькам. Но его товарищам, очевидно, такие знаки внимания не нравились, и мать-волчица так рассвирепела, что, казалось, еще чуть-чуть — и она набросится на ребенка и положит конец его играм. В тот же момент появился волк-отец, и опасность многократно увеличилась. При виде этого оба охотника метнули копья с таким мастерством, что убили обоих взрослых волков на месте. Потом король нежно взял ребенка на руки, как если бы он был его собственным сыном.

— Удивительно, — сказал он, — какую привязанность я испытываю к этому младенцу. Но он, наверно, голоден, бедняга. Башня, в которой живет моя дочь, находится неподалеку отсюда, там для него найдется свежее молоко, да и она будет рада поиграть с малышом. Бедняжка так любит детей и так редко их видит.

Они шли медленно: Брехтунг нес мальчика, а король внимательно изучал волчьи следы.

— Как интересно, — заметил он, — следы ведут от берлоги прямо к крепостному рву. Думаю, волк стащил ребенка откуда-то неподалеку.

Прекрасная Гильдбурга была очень удивлена, когда услышала рассказ отца. Она взяла ребенка на руки и тотчас узнала его по красному родимому пятну на руке в форме креста. Она постаралась ничем не выдать своих чувств и предложила позаботиться о ребенке, попросив отца лишь об одном — как можно скорее прислать няньку.

Вернувшись домой, король рассказал королеве о своем приключении, и ей захотелось увидеть ребенка. Она послала за нянькой и вместе с ней поехала к башне. Она нашла дочь играющей с младенцем.

— Как бы я хотела, — сказала королева, беря ребенка на руки, — узнать, кто его мать. Наверно, она сейчас без ума от горя.

— О да, — ответила Гильдбурга, — но посмотрите, как красиво он одет! Его одежда указывает на царственное происхождение.

— Как я была бы счастлива, — вздохнула королева, — если бы у меня был такой внук!

Гильдбурга не смогла больше сдерживаться. Она бросилась к матери и со слезами призналась ей, что она тайно вышла замуж за Гугдитриха и это их ребенок.

Королева была поражена и рассержена, но сделанного не воротишь. Мысль, что отец ребенка — могущественный император, также послужила ей утешением. Она обещала дочери сохранить ее тайну и подумать, что можно сделать в такой ситуации.

А Вальгунт тем временем все больше привязывался к младенцу. Он приходил в башню почти каждый день, чтобы повидаться с ним и дочерью. В один из таких визитов королева обмолвилась, что ей бы очень хотелось иметь зятя и внуков. В их преклонном возрасте они легко могут стать жертвой варварских племен, обитавших по соседству, и было бы хорошо бы иметь на своей стороне молодого сильного мужчину, способного защитить их. А Гугдитрих — подходящий выбор, добавила она. Другими словами, королева подготовила почву, и, когда Берхтунг от имени своего господина официально попросил руки принцессы, король после недолгого колебания дал свое согласие, с условием, что Гильдбурга не откажется взять Гугдитриха в мужья. Тогда королева рассказала своему повелителю всю правду.

— Невероятно! — воскликнул он в таком удивлении, что уже не мог сердиться.

Вскоре после этого Гугдитрих приехал и открыто женился на принцессе Гильдбурге. Когда свадебные празднества закончились, он отправился в Константинополь

в сопровождении красавицы жены и маленького сына, которого назвали Вольфдитрихом в память о его первом приключении.

Вместе с императрицей в Константинополь отправился Забен, один из знатных людей Фессалоник, поскольку отец Гильдбурги очень доверял его мудрости и хотел, чтобы тот был ей советчиком в трудных вопросах. Он проявил себя столь полезным, что скоро стал ей совершенно необходим, а кроме того, настолько вошел в доверие честного герцога Берхтунга, что тот убедил короля, который отправлялся на войну, оставить Забена регентом в его отсутствие.

Получив благодаря доброте герцога высокий пост, вероломный слуга стал еще более наглым и самоуверенным. Однажды он зашел так далеко, что осмелился неподобающим образом разговаривать с императрицей. Она строго его отчитала, и он упал к ее ногам, прося о прощении и умоляя не рассказывать императору о его дерзости. Она согласилась, но приказала ему больше не появляться ей на глаза.

Когда Гугдитрих вернулся с победой, Забен был первым, кто его встретил. Он дал ему отчет о своем правлении и в конце, как был случайно, заметил, что среди народа ходят слухи, будто наследник трона Вольфдитрих вовсе не королевский ребенок, а эльф или, что еще хуже, альраун, подкинутый в королевскую семью ведьмами. Гугдитрих только посмеялся, посчитав все эти рассказы детскими сказками. Это привело лишь к тому, что император решил забрать своего сына из-под опеки Забена и отдать его на воспитание верному Берхтунгу. Отныне мальчик жил в доме герцога и постигал рыцарское искусство вместе с шестнадцатью его сыновьями.

Время шло, и императрица подарила мужу двух других сыновей, которых называли Боген и Ваксмут, и их также послали учиться к Берхтунгу. Старый герцог любил всех своих учеников, но Вольфдитриха особенно, поскольку у

него были все задатки настоящего рыцаря и благородного воина. Среди трудов и забот император редко находил время посетить замок Мерано, а Гильдбурга бывала там еще реже, поэтому Вольфдитрих привык считать Берхтунга своим отцом, а герцогиню — матерью. Его братья давно вернулись в Константинополь, где хитрый Забен сделал все, чтобы добиться их дружбы и расположения. Их матери было больно на это смотреть, и она, видя в том меньшую беду, рассказала мужу обо всем, что случилось между ними много лет назад. Гугдитрих разгневался, и Забен едва успел бежать. Он нашел прибежище у своей родни в землях гуннов.

Гугдитрих, изнуренный волнениями и битвами, состарился до срока. Когда он почувствовал, что конец его близок, он привел свои дела в порядок с величайшим тщанием. Константинополь и большую часть своей империи он завещал старшему сыну, двум младшим — королевства, расположенные далее к югу, а следить за выполнением его последней воли поручил императрице и Берхтунгу. Но едва лишь императора положили в могилу, как нотабли собрались на совет и потребовали вернуть Забена, потому что в противном случае он выполнит свою угрозу и приведет с собой диких гуннов. Императрица была не в силах противостоять требованиям нотаблей, поэтому послала за предателем.

Вольфдитрих и одиннадцать его соратников

Едва вернувшись, Забен снова принялся строить козни. Он распустил среди народа старые глупые слухи о происхождении Вольфдитриха. Будто бы, когда императрица жила в одинокой башне, она тайно вступила в брак с эльфом, и именно эльфийские чары не позволили волкам разорвать ребенка в клочья. И чем невероятней

выглядели эти истории, тем охотнее народ в них поверил и потребовал, чтобы Вольфдитрих оставался в Меране. Даже королевских братьев, Ваксмута и Богена, Забен заставил поверить в правдивость этих сплетен, что дало ему в руки власть, которой он так жаждал. Уверенный в крепости своей позиции, он повел себя по отношению к императрице весьма сурово. Он приказал ей покинуть дворец и отправляться к сыну в Мерано. Ей разрешено было взять с собой только служанку, коня и платье. Все, что ей досталось в наследство от мужа или от отца, она должна была оставить во дворце. Двое молодых королей не вступились за нее, поскольку Забен объяснил им, что ее сокровища еще пригодятся им, когда придется снаряжать армию, полагая, что Вольфдитрих и герцог Меранский пойдут на них войной.

Когда Гильдбурга приехала в Гугенварт — окраину Лилленпорта, она была вся в дорожной пыли и совершенно измучена. Сначала герцог отказался ее принять, потому что она вопреки его совету призвала Забена. Но потом, проникшись жалостью к несчастной женщине, он привез ее к себе в замок, где принял с королевскими почестями. Герцогиня приняла ее в окружении семнадцати юношей, которые обращались к ней «матушка». Императрица не сразу узнала своего сына, который был самым высоким и крепким среди них, но, поняв, кто перед ним, Вольфдитрих заключил ее в свои объятия и пообещал возвратить ей бывшее величие.

Герцог Берхтунг сначала советовал уладить дело миром, поскольку позиция двух королей казалась ему сильной и неуязвимой, но в конце концов он уступил желанию своего приемного сына и не только дал свое согласие, но и предоставил в распоряжение принца отряд в шестнадцать тысяч человек.

Было решено, что, пока идут сборы, герцог и Вольфдитрих отправятся в Константинополь и попробуют уладить дело миром.

На следующий день после прибытия они встретились с Забеном и его рыцарями на совете. Берхтунга приняли со всеми почестями, но его спутника никто не замечал. Когда Вольфдитрих встал и потребовал причитающейся ему по праву части отцовского наследства, Боген ответил, что подменыш не имеет право ни на какую долю, а Забен добавил, что ему следует обратиться к своему отцу — альрауну, чтобы тот выделил ему королевство в подземном царстве. Вольфдитрих положил руку на рукоять меча, и только слова и умоляющие взгляды приемного отца удержали его от открытого выражения своего гнева. Короли и Забен сделали все, что было в их силах, чтобы убедить старого герцога стать на их сторону, но тщетно; и, когда совет окончился, старик двинулся прочь, стараясь скрыть свое неудовольствие. Он и Вольфдитрих сели на коней и без промедления возвратились в Лилленпорт.

Через несколько дней они снова выехали в Константинополь, но на этот раз в боевом порядке. На границе герцогства Меранского они встретили королевские силы, вышедшие им навстречу. Поскольку день уже клонился к вечеру, они встали лагерем в широкой долине, со всех сторон окруженной лесами. Утро застало оба войска отдохнувшими и уверенными в победе.

Боевой клич перекатился по горам гулким эхом, словно гром. В следующий момент армии сошлись. Вольфдитрих, который все время был перед войском, повернулся к Берхтунгу и воскликнул:

— Видишь Забена и моих братьев на том холме? Я доберусь до них, и мы еще посмотрим, кто лучший воин — они или сын альрауна!

С этими словами он пришпорил коня и ринулся на врагов. Старый Берхтунг, который тщетно пытался его удержать, последовал за ним со своими сыновьями и небольшой группой рыцарей.

Достигнув холма, они оказались со всех сторон окружены греческими воинами. Сражение было ужасно. В этой

битве пало шесть из шестнадцати сыновей Берхтунга, Вольфдитриха ударил по шлему камень, пущенный из пращи, и он упал без сознания. Но старый герцог и те из его сыновей, кто оставался в живых, подобрали его и вынесли с поля боя. Они скакали всю ночь и, отдохнув лишь несколько часов с наступлением дня, продолжили свой путь.

Прибыв в Лиленпорт, они узнали, что многие их воины добрались туда раньше них.

— Мы будем ждать предателей здесь, — сказал Берхтунг. — Они обломают зубы о наши каменные стены и пойдут прочь несолоно хлебавши. У нас запасов на четыре года, и мы можем их не бояться.

Вскоре после этого враг появился перед крепостью. Забен потребовал, чтобы ему выдали принца, и угрожал, что, если они откажутся, он сожжет замок и всех, кто в нем. Единственным ответом была вылазка под руководством лично Вольфдитриха. Он по-прежнему верил в победу, но силы были неравны. Ему пришлось отступить, и не без труда он вернулся в крепость. С этого дня он утратил дерзновение и веселость, свойственные юности, его вера в непреходящий успех справедливого дела пошатнулась. Его оставила надежда на божественную справедливость, и он посчитал себя жертвой безжалостной силы, которую зовут судьбой.

Зигмина

Осада длилась уже три года, и надежды почти не осталось. Еда подходила к концу. Все понимали, что противник решил сделать своим союзником голод и поэтому рано или поздно замку придется сдаться. Тщетно старый герцог пытался придумать план спасения. Однажды Вольфдитрих пришел к нему и сказал, что хочет под покровом ночи выбраться из замка и, пробравшись через вражеский лагерь, отправиться в Ломбардию, чтобы попросить

помощи у Ортнита, могущественного императора Запада. Старик пытался отговорить его этой затее, напоминая, что провизии хватит еще на год, а враг, ослабленный болезнями, может в любой момент снять осаду. Но юный герой не отказался от своего плана, и в полночь он покинул своего приемного отца и верных друзей.

— Господь да сохранит вас, мой повелитель! — воскликнул Берхтунг, обнимая его на прощание. — Вам придется пройти через пустынные земли Румелии, где живут лишь дикие звери и злые духи. Там живет Косматая Эльза, что сидит в засаде и поджидает молодых воинов. Опасайся ее, ибо она — ведьма, искушенная в колдовстве. А ежели судьба будет к тебе милостива и ты доберешься до императора Ортнита, не забудь о своих верных сторонниках — обо мне и десятирех моих оставшихся сыновьях.

На том они и расстались. Дабы отвлечь внимание врага, осажденные устроили вылазку через главные ворота, а тем временем Вольфдитрих выбрался наружу через заднюю дверь. Он уже почти прошел через весь неприятельский лагерь, когда его узнали. Он тут же вскочил на коня, выхватил меч и, прорубив себе дорогу через гущу врагов, оказался в густом темном лесу, где его уже никто не мог преследовать. Вольфдитрих слышал, как вдалеке выли волки-оборотни, но на него они нападать не стали. На рассвете он увидел, что стоит на берегу болотистого озера. От воды поднимались странные, невероятные существа, чтобы перегородить ему дорогу. Двоих он убил, а остальные разбежались. Юноша бродил по пустыне три дня, не находя никакой пищи ни для себя, ни для коня. У него в котомке оставался лишь последний кусок хлеба, и он отдал его коню. Но это были жалкие крохи, и бедное животное так ослабло, что не могло нести его дальше. Пришлось спешиться и вести его под уздцы.

На четвертый вечер усталость одолела его, и он вынужден был остановиться, чтобы отдохнуть. Он набрал хвороста и разжег костер. По всей земле стелился холодный ту-

ман, и от тепла он немного приободрился. Он и его конь утолили жажду водой из ближайшего ручья, после чего он лег, положив седло под голову вместо подушки. Сон уже начал овладевать его чувствами, когда он вдруг услышал в сухой траве шелест. К нему подкрадывалось что-то черное и ужасное. Чудовище поднялось в полный рост, и размеры его были ужасающи. Оно заговорило, но не человеческим голосом: звук его речи был похож на рычание рассерженного медведя.

— Как посмел ты расположиться здесь на ночлег? — воскликнуло чудовище. — Я Косматая Эльза, и эти земли принадлежат мне. И у меня есть еще одно богатое королевство. Вставай и убирайся отсюда, или я брошу тебя в трясины.

Вольфдитрих с радостью бы подчинился ей, но он слишком устал и не мог двигаться. Поэтому он попросил королеву-медведицу дать ему что-нибудь поесть, сказав, что коварные братья лишили его наследства и что теперь он вынужден голодать в пустыне.

— Так ты — Вольфдитрих, — прорычала медведица. — Судьба предназначала тебя мне в мужья, поэтому ты можешь рассчитывать на мою помощь.

После этого она дала ему сочный корень, и едва съел он один кусочек, как мужество вернулось к нему, а силы удесетерились. Он даже подумал, что сможет в одиночку одолеть силы греков и освободить одиннадцать своих верных слуг. Подчиняясь приказу Косматой Эльзы, он дал остатки корня своему коню. Тот тщательно обнюхал, а потом охотно съел. И едва он это сделал, как стал рыть копытом землю и всем своим видом показывать, что готов снова двинуться в путь.

— Скажи, согласен ли ты стать моим возлюбленным? — спросила королева-медведица, приближаясь к юноше и готовясь обнять его своими ужасными когтями.

— Держись от меня подальше! — воскликнул он, вытаскивая меч. — Ты — дьяволица и ищи себе мужа в аду, только там ты найдешь себе подходящего супруга.

— Разве я не накормила тебя и не помогла тебе? — спросила Косматая Эльза. — Стала бы я это делать, если бы была демоном? Я долго ждала, когда ты придешь и освободишь меня от злых чар. Полюби меня — и спаси.

— Ладно, ладно, — пробурчал он. — Вот если бы ты только не была такой страшной и косматой...

Едва он это сказал, как черная шкура медленно соскользнула к ее ногам и перед ним предстала прекрасная женщина; ее чело было увенчано диадемой, зеленое шелковое одеяние перехвачено поясом с драгоценными камнями. Волнующим, мелодичным голосом она повторила свои слова:

— Скажи, герой, согласен ли ты стать моим возлюбленным?

Вместо ответа, он заключил ее в свои объятия и поцеловал.

— Знай же, — сказала она, — здесь, в пустыне, меня знали как Косматую Эльзу, но мое настоящее имя — Зигмина. Я — королева Старой Трои. Твое согласие освободило меня от злых чар, и теперь мы можем отправиться в мои владения, где ты станешь королем.

Радостные и счастливые, они двинулись в путь, и конь Вольфдитриха пошел следом за ними. Наконец они услышали шум волн, разбивающихся о берег, и спустились к морю. Там их ждало странное судно. Нос был сделан в форме заостренной рыбьей головы, а руль — в виде водяного, вытянутая рука которого служила рычагом, поворачивающим лопасть — русалочий хвост. Парусами служили крылья грифона, что позволяло в случае необходимости плыть против ветров и приливов. Водяной, искусно выточенный из ливанского кедра, мог сам, без помощи путешественников, держать курс. На борту были и другие чудеса: шапка-невидимка; кольцо, приносившее своему обладателю успех в любой битве; рубашка из золотистого шелка и многое другое. Рубашка, казалось, была сшита на маленького ребенка, но, когда Зигмина надела ее на свое-

го возлюбленного, она становилась все больше и больше, пока не стала ему в пору.

— Береги эту рубашку, — сказала Зигмина возлюбленному, — и надевай всякий раз, когда тебе будет грозить опасность. Она защитит тебя от клинка и камня, от огня и зубов дракона.

Движимое крыльями грифона, судно быстрее ветра преодолело западное море и доставило путешественников в Старую Трою. Народ встречал свою королеву всеобщим ликованием, а когда она представила статного витязя Вольфдитриха как своего будущего супруга, разразился приветственными кликами. Свадьбу справили с большой торжественностью, и для нового короля наступила счастливая жизнь. Рядом с красавицей женой он забыл обо всех своих бедах и несчастьях и даже об одиннадцати верных друзьях, которых он оставил в смертельной опасности. Время от времени, когда Вольфдитрих был один, то вспоминал их, как давний забытый сон, и упрекал себя за пренебрежение долгом, но стоило Зигмине взять его за руку, он сразу же забывал, что честь и долг требуют от него действия.

Однажды, когда Вольфдитрих, его жена и придворные были на охоте, из кустов выскочил чудесный олень с золотыми рогами. Он, по-видимому, не испугался, но, оглядев охотников, повернулся и скрылся в чаще.

— За ним! — вскричала Зигмина. — Кто убьет этого оленя и принесет мне золотые рога — удостоится многих милостей и получит кольцо с моей руки.

Множество охотников бросилось в погоню, и первый среди них — Вольфдитрих. Олень долго петлял по лесу, но в конце концов исчез. Вольфдитрих вернулся к лагерю разочарованный и обнаружил там все в смятении: ужасный волшебник, великан Друзиан со множеством вооруженных карликов, напал на лагерь в его отсутствие и похитил королеву. Никто не знал, куда он ее унес. Вольфдитрих снова был одинок в этом мире и пришел в такое же отчаяние,

как в тот ужасный день в пустыне. В голове у него была только одна мысль — о Зигмине. Он должен отыскать ее, где бы она ни была, а если он не сможет этого сделать, то лучше ему умереть.

Вольфдитрих сменил королевский наряд на одежды пилигрима и спрятал меч в полый посох, на который он опирался в пути. Снаряженный таким образом, он обошел многие земли, всюду ища замок великана Друзиана. В конце концов какой-то карлик сказал ему, что человек, которого он ищет, живет высоко в горах над морем и что карлики признают его своим господином. Он снова тронулся в путь и шел вперед и вперед, пока наконец вдали не показался замок. Вольфдитрих сел отдохнуть у ручья, нетерпеливо глядя на замок, где он надеялся найти свою жену. Но усталость его была так велика, что он уснул и увидел ее во сне.

Он проснулся от грубого окрика и пинка под ребро.

— Эй, пилигрим, — раздался чей-то голос, — давно ты тут храпишь? Пойдем ко мне, я тебя покормлю. Моя жена пожелала взглянуть на тебя.

Вольфдитрих вскочил на ноги и последовал за великаном, который разбудил его так грубо. Войдя в просторный зал, Вольфдитрих понял, что достиг цели своего паломничества, и сердце его наполнилось благодарностью и ликованием.

Перед ним сидела Зигмина, с глазами красными от слез. Едва она взглянула на него, Вольфдитрих понял, что она его узнала, и изо всех сил старался не выдать себя и ее.

— Смотри, жена, — прорычал Друзиан, — вот священник, с которым ты хотела поговорить о вере. Полное ничтожество, да к тому же нем как рыба. Эй, костяной мешок, — обратился он к пилигриму, — садись к огню, и посмотрим, сможет ли добрая пища разогреть твою жидкую кровь.

Пилигрим сделал, как было приказано, поскольку, несмотря на усталость и волнение, есть ему очень хотелось.

Карлики внесли еду и напитки, и Вольфдитрих смог утолить голод. Великан стал задавать ему вопросы, но он отвечал коротко и, разумеется, не слишком правдиво.

Когда сгустились сумерки, Друзиан схватил даму за руку и стащил ее с места, сказав:

— Не надейся, сын альрауна, что освободил тебя от медвежьей шкуры, на этот раз тебя не спасет. Он слишком боится расшибить голову о скалы. Срок, о котором ты просила, прошел, идем со мной.

Он поволок Зигмину из комнаты, но тут пилигрим, сбросил лохмотья и вытащил меч из посоха.

— Прочь, чудовище, — закричал он, — не смей прикасаться к моей жене!

С этими словами он бросился на великана. От внезапности нападения тот отпрыгнул назад, воскликнув:

— Что, подменыш, ты и есть Вольфдитрих? Тогда мы все сделаем по справедливости. Ты возьмешь оружие и сразишься со мной, если у тебя, конечно, хватит смелости. Зигмина будет женой победителя.

Герой согласился, и карлики принесли ему три доспеха: один — золотой, другой — серебряный, а третий — железный, старый и ржавый, но очень тяжелый. Он выбрал последний, но меч оставил свой. Друзиан также облачился в кольчугу и взял свой топор.

Они стали сражаться, и вскоре противнику удалось мощным ударом разбить щит Вольфдитриха. Казалось, поражение неизбежно, но герой уклонился от следующего удара и, схватив обеими руками меч, обрушил его на врага с такой силой, что острое лезвие рассекло шею и плечо. Великан рухнул на пол, но в ту же минуту карлики всей толпой набросились на победителя со своими маленькими кинжалами и копьями, чтобы отомстить за своего хозяина. Тонкие иголки прошли его доспехи насквозь, но благодаря рубашке из золотистого шелка витязь остался цел и невредим. Он обратил карликов в бегство, и наконец муж с женой смогли обняться и заверить друг друга в вечной любви.

— Скорее уедем из этого проклятого дома, — воскликнул герой, — кто знает, какие еще испытания готовят нам эти полчища гномов!

Вольфдитрих и его жена спешно спустились во двор, в котором не было ни души, и отыскиали конюшню, где нашли двух оседланных коней. Они сели и поскакали прочь.

После долгого и утомительного путешествия они вернулись в Старую Троию, возвращение королевы и ее храброго мужа было встречено ликованием.

Зигмина правила своим народом милостиво, но твердо и справедливо, и поэтому народ любил ее. После своего возвращения она стала даже добрее и сострадательней, чем раньше, но была слаба и бледна и, что еще хуже, с каждым днем все больше бледнела и худела. Однажды вечером, когда она и ее муж сидели вместе вдвоем, она подняла к нему свое милое лицо и сказала:

— Когда я умру, ты должен вернуться в свою страну. Здесь ты всегда будешь чужим, и из-за этого могут начаться распри.

Мысль о скорой смерти жены поразила Вольфдитриха в самое сердце, но он старался не подавать вида, чтобы не огорчать ее. Он заботился о ней с удвоенным вниманием, но все тщетно: ее участь была предопределена. Когда для ее спасения нужно было сразиться с великаном, он не дрогнул, но на этот раз спасти ее было не в его власти. Она умерла у него на руках, и он положил ее в раннюю могилу.

Метатель ножей

Однажды, когда Вольфдитрих грустно стоял над местом последнего успокоения жены, он внезапно вспомнил, что она просила его вернуться на родину, когда ее не станет, и сразу же в голове у него мелькнула мысль о матери и верных одиннадцати друзьях. Он вспомнил, что так и не

привел в исполнение свой план — призвать на помощь императора Ортнита.

— Я никогда не забуду тебя, моя дорогая жена, — проворчал он, — но я бы не стоил твоей великой любви, если бы не отправился на помощь тем, кто был мне верен до самой смерти.

Он повернулся прочь и поспешил поскорее собраться в путь.

Вольфдитрих проехал через многие страны — богатые и бедные. Однажды он увидел перед собой красивый замок и спросил проезжающего мимо путешественника, кто в нем живет.

— Сударь, — ответил человек, осеняя себя крестом, — если вы христианин, скажите мимо замка во весь опор. В нем живут магометанский король Белиган и его дочь Марпилия, которая обучалась искусству колдовства. Он убивает всех христиан, что попадают ему в руки, и насаживает их головы на пики, приставленные к зубцам крепостной стены для этой цели. Вон, одно место до сих пор пусто. Смотрите, как бы там не оказалась ваша голова.

Но витязь объяснил, что ему нечего бояться: у него хорошие доспехи, и пробить их сможет лишь тот, кто владеет острым оружием. Но путешественник принялся его убеждать, что король так хорошо овладел искусством метания кинжалов, что никто не сможет уйти от него живым.

На том они расстались. Вольфдитрих проехал бы мимо замка, но его владелец вышел ему навстречу и пригласил провести эту ночь у него в гостях, а герой был слишком храбр, чтобы отклонить это приглашение. Дочь хозяина, молодая и красивая девушка, приветствовала его у ворот, а потом провела в зал. За ужином Вольфдитрих, отвечая на вопросы хозяина, рассказал, куда он идет и откуда, и по его ответам Белиган понял, что он христианин. Тогда король-язычник с дьявольской улыбкой сообщил своему гостю, что он появился как раз вовремя, поскольку ему

не хватает одной головы, чтобы украсить оставшийся пустым зубец стены. Вольфдитрих понял, к чему тот клонит, но не подал виду. Он поднял к губам кубок и выпил за здоровье хозяина и его дочери.

Настало время ложиться спать, и Белиган, отведя его в сторону, сказал, что его дочь Марпилия прониклась к нему симпатией и что он может жениться на ней, взяв замок и все королевство в приданое, но только при одном условии — он должен принять магометанство. Вольфдитрих попросил времени на раздумье, но язычник улыбнулся и сказал:

— На раздумье у тебя есть сегодняшний вечер, это и так слишком большой срок.

Потом он предложил ему кубок вина, в который тайно подсыпал порошок.

— Выпей, мой друг, и ты будешь спать спокойно этой ночью.

Герой уже готов был подчиниться, когда Марпилия, которая снова вошла в комнату, выхватила кубок из рук отца и вылила его содержимое на пол, воскликнув:

— Нет, отец! Этой ночью я покажу незнакомцу кое-что получше.

Она отвела гостя в его комнату и сказала:

— Я уберегла тебя от страшной опасности. Мой отец собирался дать тебе сонное зелье, чтобы войти к тебе в комнату, когда ты уснешь, и отрубить тебе голову, как он обычно поступает с христианами. Я предлагаю тебе мою руку и королевство, если ты согласен перейти в нашу веру.

Вольфдитрих подумал о Зигмине и, повернувшись к Марпилии, в свою очередь, постарался обратить ее в христианство. Они проговорили об этом всю ночь.

На следующее утро Белиган пришел и пригласил гостя позавтракать с ним, а потом поиграть в одну игру — метание кинжалов, уверяя, что таков их обычай. Когда завтрак был закончен, они вышли во двор, где слуги встали вокруг них. Как полагалось, витязь отложил в сторону меч и до-

спехи, а взамен получил небольшой круглый щит и три острых тонких кинжала. Язычник встал напротив него, вооруженный тем же манером. Белиган метнул первый кинжал в ногу противника, но Вольфдитрих вовремя отпрыгнул в сторону.

— Клянусь бородой пророка! — воскликнул магометанин. — Ты искусный игрок! Кто тебя научил? А может, ты Вольфдитрих, от чьей руки мне предсказано погибнуть?

Вольфдитрих не открыл ему своего имени, но стоял, готовый к сражению. Второй кинжал чиркнул его по голове, срезав кусок кожи; третий он поймал своим щитом.

Теперь настала очередь Вольфдитриха. Первый кинжал пригвоздил ногу магометанина к земле, второй слегка оцарапал ему бок, но третий, который витязь бросил с криком «Я — Вольфдитрих!», поразил его в самое сердце. Слуги набросились на него со всех сторон, но ему удалось стравить их между собою. Он вернулся в замок, надел свои доспехи, вывел коня из конюшни и уже собирался сесть в седло, когда заметил, что теперь замок со всех сторон окружен водой, и порывы бури вздымали волны такой высоты, что, казалось, нет никакой надежды на спасение. У кромки воды стояла Марпилия и чертила на земле круги волшебной палочкой, время от времени что-то бормоча про себя. Он подъехал к ней и, схватив ее за руки, усадил на коня перед собой.

— Если я утону, то и тебе не спастись.

С этими словами он пришпорил коня и направил его прямо в ревушие волны. Воды расходились все дальше и дальше, пока не стали морем. Вольфдитрих огляделся и увидел, что у него осталось лишь одно, последнее средство. Он схватил ведьму и сбросил ее с коня — шторм сразу прекратился, воды отступили, и он снова стоял на твердой земле.

Но Марпилия не утонула. Она снова явилась перед витязем во всей своей красе, простирая к нему руки, как если бы хотела его обнять, но он пригрозил ей мечом. Тогда она

обернулась сорокой, взлетела на вершину высокой скалы и оттуда постаралась опутать его новыми чарами, еще более ужасными, чем предыдущие. Наконец, совершенно обессиленный, он воскликнул:

— Помоги мне, Святая Троица, или я погибну!

Едва произнес он эти слова, как ведьма исчезла, солнце снова засияло над горами и долинами, и перед ним легла широкая дорога, ведущая в Ломбардию.

Пережив множество приключений на суше и на море, Вольфдитрих оказался в стране высоких гор, где он встретил великаншу, которая была дружна еще с его отцом. Она встретила его приветливо и, среди прочего, рассказала ему о том, какая печальная судьба постигла Ортнита и Либгарту. Хотя ее рассказ почти лишил его надежды на помощь, он все же не оставил своих намерений. Великанша заявила, что если он и дальше будет двигаться так медленно, то путешествие займет целую вечность. Лошади — такие тихоходы! С этими словами она взвалила коня вместе с всадником себе на плечи и за один день перенесла их на триста пятьдесят миль, через горы, реки и долины, в прекрасную страну Ломбардию.

Дракон

Стояла прекрасная лунная ночь, когда Вольфдитрих подъехал к Гарде. Он слез с коня, встал в тени оливы и огляделся. Он увидел двух женщин, гуляющих по берегу моря. Когда одна из них, высокая и стройная, повернулась к нему лицом, он едва не закричал от удивления — перед ним была вылитая Зигмина. Могила отдала ее назад или коварный эльф принял любимый облик, чтобы заманить его в ловушку?

Он, не дыша, прислушался и услышал, как королева Либгарта, ибо это была она, жалуется служанке на печали и унижения, выпавшие на ее долю.

— Трусливые вассалы! — воскликнула она. — У них хватает мужества сражаться со слабой женщиной, но ни один из них не отваживается сделать то, чего я желала бы больше всего на свете, — отомстить гнусному чудовищу за смерть своего короля. И все равно мне пришлось пообещать, хотя и против воли, что я отдам свою руку тому герою, который на это решится.

— Есть только один человек, — сказала служанка, — которому по силам этот подвиг, — это грек Вольфдитрих, чья слава распространилась по всему свету.

— Мститель явился, великая королева, — сказал герой, выходя из тени. — Я готов рискнуть своей жизнью, чтобы победить дракона.

Обе женщины в тревоге отступили назад.

— Это Вольфдитрих, — воскликнула служанка. — Он однажды спас меня от банды рабителей.

— Спасибо, благородный герой, — ответила Либгарта, — вознагради тебя небо за твою доброту. Однако чудовище погубит тебя, как погубило моего мужа. Нет, лучше иди себе с миром и предоставь меня моей судьбе.

Но когда греческий витязь убедил ее, что его решение остается неизменно, Либгарта дала ему кольцо, которое, как сказал ей карлик, приносит удачу обладателю, пожелала ему успеха и вернулась к себе в замок.

Герой без промедления повернул коня в сторону гор и поскакал к норе, где жил дракон. Подойдя к норе, он заглянул в темную пещеру и увидел пять драконьих головок, которые смотрели на него и шипели. Это были детеныши дракона, а их мать отправилась на поиски пищи. Витязь уже было собрался прикончить их на месте, но ему вдруг пришла в голову мысль, что будет лучше, если его нападение будет для драконихи неожиданностью, а убив мать, он сможет легко прикончить детенышей. Поэтому он снова сел на коня и отправился на поиски чудовища. Он медленно ехал по дороге, когда увидел прекрасного ребенка, стоящего на высокой скале.

— Ты пришел отомстить за моего сына Ортнита — смотри же не спи! Если ты уснешь, мой сын останется неотомщенным, а ты станешь добычей дракона.

— Мой юный друг, — рассмеялся витязь, — ты слишком мал, чтобы быть отцом. Я бы на твоём месте поостерегся — для дракона ты гораздо более лакомый кусочек, чем я.

С этими словами он пришпорил коня и поскакал прочь, весело смеясь. Как и Ортнит, он сначала взобрался на высокие скалы, а оттуда спустился на луг, в изобилии поросший клевером и цветами. Под раскидистой липой можно было найти укрытие от палящего полдневного солнца. После долгого путешествия и бессонной ночи витязь почувствовал усталость. Он прилег в тени, а его конь тем временем пасся на лугу. От свежего воздуха и пения птиц на ветвях его он погрузился в дремоту и в конце концов крепко уснул.

Вокруг все было мирно и спокойно. Казалось, так продлится вечно, но внезапно тишину пронзил свист, грохот камнепада и треск ломающихся деревьев. Приближалось страшное чудовище, ужас этих мест. В эту секунду Альберих воскликнул:

— Проснись, благородный витязь, не время спать, дракон уже здесь!

Карлик повторил предупреждение несколько раз, но все напрасно. Верный конь галопом прискакал к хозяину и стукнул его копытом, но тот не просыпался. И только когда дракониха издала ужасный рев, от которого задрожала земля и потрескались камни, герой стряхнул с себя оцепенение. Он вскочил на ноги и бросился на чудовище, но его оружие тут было бессильно: меч сломался о кожу дракона, как тростинка, не причинив мерзкой твари никакого вреда. Он швырнул обломанную рукоятку чудовищу в морду и предал себя воле Божьей, поскольку теперь он был беззащитен. Червь обвил его кольцами, а огромными челюстями схватил коня. Потом он отнес свои жертвы

к норе и швырнул вниз, детенышам, и снова улетел на поиски пропитания. Маленькие дракончики попробовали было разорвать Вольфдитриха на куски, но не смогли — так хорошо защищала его рубашка из золотистого шелка. Тогда они оставили лежавшего без сознания витязя и принялись за коня и быстро с ним расправились.

Среди ночи Вольфдитрих пришел в себя и огляделся. В лунном свете, проникавшем в пещеру, он заметил вдалеке какое-то красное свечение. Осторожно, чтобы не разбудить маленьких дракончиков, он подобрался поближе и обнаружил, что свет исходит от огромного карбункула, вделанного в рукоятку меча. Он сразу же догадался, что это — знаменитый меч Розен, и взял его вместе с остальными доспехами Ортнита, что лежали в целости и сохранности в куче разбитых кольчуг. Рядом с доспехами он нашел кольцо и надел его на палец. Едва он закончил свои приготовления, в пещеру проникли первые лучи солнца, а с ними и старая дракониха. Он сразу же кинулся в бой и благодаря волшебному мечу сумел, после долгой битвы, убить ее и истребить все ее потомство. Совершенно обессиленный, он упал под деревом и лежал, тяжело дыша. Там нашел его Альберих и дал подкрепиться едой и питьем.

Прежде чем отправиться в обратный путь, Вольфдитрих вернулся в драконье логово, чтобы взять с собой головы убитых чудовищ, но, уже отрубив их, он решил, что ноша слишком тяжела, и удовлетворился лишь тем, что вырезал их языки. Сложив их в кожаный мешок, принесенный карликом Альберихом, герой пустился в обратный путь, какой оказался длиннее и утомительней, поскольку теперь Вольфдитриху приходилось идти пешком. Он часто сбивался с дороги в горах, и прошло еще немало дней, прежде чем он достиг цели.

Когда он, наконец, пришел в Гарду, в замке царили радость и веселье. Озадаченный, он пришел к благочестивому отшельнику, что жил неподалеку, и спросил его, по

какому поводу праздник. Отшельник сказал ему, что граф Герхарт убил дракона и сегодня же вечером прекрасная Либгарта станет его женой. Вольфдитрих попросил святого отца одолжить ему монашескую одежду. Отшельник дал ему рясу своего предшественника, брата Мартина; витязь надел ее поверх доспехов, что он нашел в логове дракона, и в таком виде снова вернулся в замок.

Он вошел в пиршественный зал и увидел, что граф Герхарт, по прозвищу Ястребиный Клюв, сидит рядом с бледной королевой, а она и ее служанки наливают гостям вина. Над креслом графа висели драконьи головы — знак его победы. Когда королева увидела мнимого отшельника, она послала ему кубок с вином, каковой он тут же осушил, а затем вернул, опустив на дно кольцо, что она дала ему в тот вечер, когда он отправился на поединок с драконом. Либгарта заметила кольцо только, когда вернулась на свое место рядом с Герхартом. Она вся задрожала, но, овладев собой, повелела отшельнику приблизиться и сказать, кто дал ему это кольцо.

— Ты сама дала его мне, моя госпожа, — сказал он, отбрасывая монашеские одежды.

Все взгляды обратились к стоящему посреди зала Вольфдитриху. В чудесных доспехах Ортнита он был больше похож на бога, чем на простого смертного. И тогда, приблизившись к королеве, он вложил в ее руку кольцо ее мужа и сказал, когда и где он его нашел. И тогда сразу несколько голосов воскликнуло:

— Слава победителю дракона! Наш король отомщен! Да здравствует новый король Ломбардии.

Но граф Герхарт был не намерен так легко отступить. В доказательство своей правоты он указал на драконьи головы, висевшие у него по правую руку, но тут Вольфдитрих достал из кожаного мешка вырезанные языки, и графу Герхарту не осталось ничего, кроме как просить героя о помиловании. Вольфдитрих простил его при условии, что тот поклянется ему в верности.

Вольфдитрих был объявлен королем Ломбардии, и был назначен день его свадьбы с королевой Либгартой.

— Господа, — сказал он, — как правитель этой земли, я также слуга своего народа, и я готов трудиться ему на благо. Но в выборе жены я хочу быть свободен и хочу, чтобы и королева тоже могла выбирать, как она пожелает. Пока она еще оплакивает потерю мужа. Но если она сочтет, что я смогу стать ему достойным преемником, и если моя любовь и уважение послужат ей утешением в горе, я предлагаю ей руку и сердце.

Либгарта, помня, что сказал ей Ортнит, вложила свою руку в руку героя и вскоре обвенчалась с ним.

Теперь Вольфдитрих был уже не порывистый юноша, что покинул Лиленпорт, но зрелый муж, наделенный мудростью, благоразумием и предусмотрительностью. Он полагал, что его первейший долг — восстановить мир и спокойствие в Ломбардии; только после этого он сможет следовать своим собственным желаниям и прийти к своим верным друзьям. Год прошел в трудах, и по его прошествии Вольфдитрих сказал жене, что должен ехать в Лиленпорт. Она заплакала: а вдруг он, как Ортнит, не вернется, но тут же признала его правоту и помогла ему подготовиться к путешествию. Он выступил в поход с дружиной, числом не менее шести тысяч человек.

Одиннадцатая

Ветры и течения им благоприятствовали, и армия высадилась недалеко от Константинополя. Войско спряталось в лесу, а король тем временем переделался в крестьянскую одежду и отправился разузнать новости. Он долго ходил вокруг города, но не услышал ничего, что могло ему хоть как-то пригодиться. Наконец он встретил Ортвина, тюремщика и своего старого знакомого. Тот нес корзину, наполненную буханками черного хлеба. Герой подошел к

нему и попросил дать ему буханку хлеба ради спасения души Вольфдитриха. Ортвин пригляделся повнимательней и узнал его.

— Ах, государь, — сказал он, — плохи наши дела. Старая императрица умерла во время осады Лилленпорта. Когда крепость пала, благородного герцога Берхтунга и его сыновей заковали в железо и бросили в темницу. Смерть скоро положила конец страданиям старика, но десять молодых господ по-прежнему томятся в заточении на черном хлебе и воде.

Вольфдитриху стало стыдно. В том, что его мать и старого друга постигла такая судьба, была и его вина. Им уже не помочь, но он должен сделать все для спасения десяти верных слуг, оставшихся в живых. Он договорился с Ортвином, что тот будет их лучше кормить и подаст надежду на скорое избавление. После этого тюремщик пошел своей дорогой, а король вернулся к войскам.

Он нашел их уже готовыми к сражению, поскольку, как ему сообщили, Забену уже удалось узнать, где они скрываются и что привело их сюда.

Армии встретились, и завязалось яростное сражение. Оно длилось весь день, и ни одна из сторон не могла взять верх. Но наконец удача улыбнулась Вольфдитриху. Граждане Константинополя подняли мятеж против тирании, что так долго их угнетала. Они пришли к тюрьме, освободили десять храбрых сыновей Берхтунга и под их командованием двинулись на помощь Вольфдитриху. Это была славная победа. На поле боя герой был провозглашен императором.

Вскоре после возвращения в столицу Забен и братья короля предстали перед судом. Первого сразу же приговорили к смерти и казнили. Что касается последних, то народ и армия требовали, чтобы с ними поступили точно так же. Кроме того, Вольфдитрих полагал их виновными в смерти матери и старого Берхтунга, а также во всех невзгодах и испытаниях, что выпали на его долю в ранней

юности. И тем не менее он не мог решить, как следует поступить, и отложил суд до следующего дня.

В ту ночь, когда победитель спал сном праведника, его мать явилась ему, прекрасная, подобно святой, и сказала:

— Пощади моих детей, и мое благословение пребудет с тобою до конца твоих дней.

И тут же рядом с ней появился Берхтунг.

— Господь милостив к своим грешным детям: не проливай братскую кровь.

Витязь пребывал в невероятном изумлении. К ним присоединилась Либгарта и тихо сказала:

— Если бы не коварная измена твоих братьев, ты бы не обрел королевство, славу и меня. Воздай им добром за зло.

С первыми утренними лучами призраки растаяли, а Вольфдитрих принял твердое решение, как ему поступить. Он созвал знать и перед всеми объявил, что прощает Богена и Ваксмута и возвращает им земли и привилегии и отныне они становятся его первыми вассалами. Сначала никто не одобрил его мягкосердечия, но, выслушав объяснения, все замолчали.

Как только сборы были закончены, Вольфдитрих вернулся со своей армией в Ломбардию, к огромной радости Либгарты. Немного отдохнув, он, его знать и соратники прибыли в Рим, где его короновали на императорский престол. На пиру, устроенном в честь этого события, он назначил десятерых сыновей Берхтунга правителями богатых наделов. Гербрагд, самый старший, получил Гарду и прилегающие земли. Его сын, Гильдебранд, о чьих подвигах разговор еще впереди, стал родоначальником Вюльфингов. Гах получил Рейнланд со столицей Брайзахом. Его сын Экхарт стал воспитателем Харлунга, Имбрека и Фрителя. В историю он вошел как верный Экхарт. Третий сын, Берхтер, получил отцовские владения — герцогство Меранское. Другие сыновья были также хорошо обеспечены, но не столь знамениты, как их братья, и упоминать их владения ни к чему.

У Вольфдитриха и Либгарты был сын, которого они в честь деда называли Гутдитрихом. Со временем он стал доблестным витязем и прародителем могучего рода.

ГЛАВА 2

Король Самсон

В давние времена жил один влиятельный граф Родгир, правивший богатым городом Салерно и окрестными землями. Его феодал был одним из самых больших в великом королевстве. Он был строгим, но справедливым властителем, и сердца его подданных радовались миру и изобилию. Граф содержал большую армию, чтобы оборонять побережья от набегов викингов: те часто высаживались у его берегов в надежде на поживу.

Среди соратников графа был воин Самсон, прозванный Черным за свои угольно-черные волосы и бороду. В сражении он всегда был первым и мог в одиночку выстоять против целого полка. С виду был он страшен. Черные глаза горели из-под нависших бровей. Бычья шея и мощные плечи говорили об огромной силе. В бою ему не было равных. Даже без оружия он валил противников, как гнилые деревья. В обыденной жизни он, напротив, был мягок и добр; а если ему возражали, он молча делал по-своему, ни на кого не обращая внимания. Легко догадаться, что мало кто осмеливался ему перечить без особых на то причин.

Однажды граф, что незадолго до этого стал королем, пировал в честь великой победы. Его воины сидели вокруг него, деля с ним радость. Самсон тоже был среди них. И вдруг он встал, взял в кубок с вином и предложил его королю, при этом почтительно сказав:

— Государь, я помог тебе одержать множество побед, могу я теперь предложить тебе этот кубок и попросить тебя об одной милости?

— Я слушаю тебя, — ответил король, — скажи, чего ты хочешь. До сей поры ты не просил никаких наград за свои подвиги. Все, чем ты владеешь, я даровал тебе без всяких просьб. Поэтому проси, что хочешь, тебе ни в чем не будет отказа.

— Мой государь, — сказал Самсон, — я не хочу больше замков или земель, я и так достаточно богат: но у себя дома я очень одинок, особенно теперь, когда моя матушка стала стара и сварлива. Твоя дочь Гильдсвида молода и хороша собой, и я хочу, чтобы ты дал мне ее в жены. Теперь ты знаешь, как меня вознаградить.

Родгир так удивился, что едва не выронил кубок.

— Ты славный воин, — сказал он, — но она — девица королевской крови, и только король может ввести ее в свой дом. Ты у нее на службе, так же как и у меня. Поэтому возьми тарелку со сладостями и отнеси ей на женскую половину. Потом возвращайся и утопи воспоминация о своей странной просьбе в чаше доброго вина.

Самсон молча взял сласти и отнес их принцессе, что сидела со служанками и вышивала. Он поставил блюдо перед ней со словами:

— Ешь, дорогая, потому что я принес тебе хорошие новости. Ты поедешь со мной ко мне домой и станешь моей женой. Одевайся и вели одной из твоих служанок ехать с тобой.

Увидев, что девушка сомневается, он добавил:

— Если не поедешь по доброй воле, я убью графа и сожгу замок со всем его содержимым.

Он выглядел таким мрачным и свирепым, что Гильдсвида задрожала от страха и, не говоря ни слова, повиновалась.

Он взял ее за руку и провел по двору, где конюх держал наготове лошадь. При свете дня на глазах у многих свидетелей, что не решились протестовать, Самсон посадил принцессу перед собой в седло и поскакал с ней к своему дому. Когда он добрался до своего жилища, дверь была

закрыта. Тогда он забарабанил в дверь так громко, что звук был слышен далеко вокруг. Никакого ответа. Он стучал снова и снова. Наконец изнутри послышался скрипучий старческий голос, сообщивший, что, пока хозяин в отъезде, никто им дверь не откроет.

— Матушка, — воскликнул Самсон, — отодвинь запоры: это я, твой сын! Я привез принцессу, что станет тебе дочерью и будет заботиться о твоей старости.

Дверь с ужасным скрипом отворилась, и на пороге появилась тощая старуха, одетая в лохмотья.

— Что? — воскликнула она. — Ты привез гостей? Эту женщину в богатом платье, ее служанку и ленивого конюха. Как ты мог так поступить, сын мой? Ведь ты знаешь, какие мы бедные.

— Но, матушка, — воскликнул витязь, — где то золото, что я послал тебе? Где слуги, что я тебе дал? И куда ты дела богатые наряды, что я тебе подарил?

— Золото я спрятала в сундук, — отвечала старуха, — на черный день. Слуг, что ты прислал, я сразу же рассчитала, потому что боялась, что они оберут меня до нитки. А что касается нарядов, то я отложила их до лучших времен.

— Ладно, — сказал Самсон, — поступай как хочешь, только открой дверь и дай нам войти. Мы устали после долгого путешествия и не откажемся от доброго обеда.

Они вошли в дом и сели за стол. Старуха положила перед ними буханку ржаного хлеба и кувшин с водой. И пришлось бы Самсону довольствоваться этой скромной трапезой, если бы не конюх, предусмотрительно захвативший из замка кусок оленины и флягу с вином. Утолив голод, Самсон попросил у дамы разрешения пойти и посмотреть, не осталось ли в кладовой какой-нибудь еды. Конюх спустился в подвал, где ему посчастливилось отыскать бочонок с элем, а старуха удалилась в свои покои, оставив принцессу со служанкой в одиночестве.

В просторном зале было темно и страшно, с наступлением сумерек по углам зашевелились странные, таин-

ственные тени, было слышно, как на ветках соседних елей ухают совы. Гильдсвида больше не могла этого вынести. Она послала служанку к старухе, попросить ее спуститься в зал, но служанка не вернулась. Бедная девушка была так напугана, что сама отправилась на поиски све-крови.

Она проходила одну мрачную пыльную комнату за другой, пока не вошла в зал со сводчатым потолком и не увидела там старуху, скрючившуюся над огромным сундуком с золотом и драгоценными камнями и что-то бормочущую про себя. Приблизившись, Гильдсвида увидела, как она трясется над своими сокровищами и бормочет, что богатство ее увеличится, если добавить к нему украшения принцессы. А сделать это легко: надо только задушить девочку. Гильдсвида вскрикнула от страха; и старуха оглянулась. С криком «Разбой! Грабеж!» она накинулась на бедную девушку и попыталась ее задушить. Но как раз в эту минуту Самсон вошел в комнату и остановил ее.

— Матушка, — сказал он, — тебе нельзя здесь оставаться. Я отвезу тебя вместе с твоими сокровищами в дом на краю леса. Там ты сможешь жить спокойно.

А тем временем король Родгер узнал, что его дочь похитили. Он посылал отряд за отрядом, чтобы они вернули ее домой, но все напрасно, и он решил поехать сам.

И вот, когда он со своим отрядом направлялся к дому Самсона, они заметили маленькую хижину на краю лесной чащи. Войдя, они увидели, что тут живет какая-то старуха, и попросили ее указать им дорогу к дому Самсона. Сначала она отказывалась и говорила, что никогда о таком не слышала, но, когда король предложил ей пригоршню золота, она тотчас рассказала, по какой дороге надо идти, и даже проводила их немного, дабы удостовериться, что они не сбились с пути.

Но недалеко успели они отъехать от хижины, когда встретили самого витязя. Его шлем и доспехи были столь же черны, как волосы и борода; жеребец под ним тоже был

черным, а на щите был изображен черный лев на золотом фоне. Завязался короткий и яростный бой, из которого Самсон вышел победителем.

Покончив с преследователями, витязь поскакал к хижине матери. Он застал ее пересчитывающей золото, что дал ей король.

— Матушка, — сказал он ей, — за то, что золото тебе дороже родного сына, ты заслуживаешь смерти, но я не могу убить свою мать.

Старуха продолжала пересчитывать свое богатство так же спокойно, как раньше.

— Матушка, — снова начал он, — ты предала меня и по справедливости должна пасть от моего кинжала, но ты моя мать, и я не могу тебя убить. Так послушай, что я тебе скажу: забирай свое золото и уходи отсюда, иначе я за себя не ручаюсь.

Старуха пересыпала свои сокровища в огромный мешок и ответила:

— Это все могло бы быть твоим, если бы ты не привел в дом эту дурочку. А теперь я пойду и отнесу мое богатство королю.

— Я убил его вместе с его людьми, — спокойно ответил Самсон, но при этом поглядел так сурово, что его мать изменилась в лице и пробормотала:

— Ну что ж, я найду другого — того, кто даст приют мне и моим сокровищам.

Три раза рука Самсона тянулась к мечу, но он овладел собой.

Вернувшись домой через темный еловый лес, он застал Гильсвида за работой вместе со служанками.

— Жена, — сказал он, подходя к ней, — моя мать предала меня из любви к золоту. Мой меч и кинжал жаждали ее крови, но я не мог ее убить. Но если *ты* мне изменишь — они *сделают* свое дело.

Вид его был ужасен, когда он произносил эту клятву, но она сняла с него шлем и кольчугу, поцеловала и от-

вела к креслу. И он сразу же смягчился и сказал, что ради нее добудет славу и почести и недалек тот день, когда она станет королевой во владениях своего отца.

Лишь одному из спутников Родгера удалось спастись, и от него в Салерно узнали о смерти короля. Был созван совет, чтобы избрать нового правителя. Все голоса были отданы за Брунштайна — брата покойного короля, отличавшегося мудростью и любовью к справедливости. И царил бы в королевстве мир и покой, если бы не набеги Самсона, которые он предпринимал, чтобы добыть продовольствие. И тогда Брунштайн созвал храбрейших воинов со всех окрестных земель, а когда они явились, сказал им положить свои ладони на его ладонь и поклясться, что они схватят Самсона, живого или мертвого, или сами погибнут. После этого, ведомые королем, они отправились на поиски. Они ехали через темные леса по долинам и горам, но Самсона нигде не было. Однажды вечером, очень усталые, они добрались до сильной крепости и решили остановиться там на ночлег. После ужина они легли спать. Уснули даже сторожа, поскольку крепостные ворота были заперты на все засовы.

И тут вдруг появился Самсон. Не сумев разбить ворота, он поджег их и ворвался внутрь. Стражники проснулись и затрубили в трубы, но внутри крепости было много соломенных крыш, и они все загорелись. Король и его люди решили, что на них напала целая армия, и очень испугались. Среди языков пламени то тут, то там мелькала огромная фигура Черного Самсона, нагоняя на них еще большего страха, и все, кто еще оставался в живых, поспешили спастись бегством.

Король в сопровождении шести верных спутников углубился в лес и после долгого путешествия выехал к большому замку. Он вошел и обнаружил, что хозяйка этого дома — его племянница Гильдсвида. Он спросил, где Самсон, но она сказала, что его нет дома. Он стал уговаривать ее оставить мужа и уехать с ним, но она отказалась, посо-

ветовав ему поскорее уезжать отсюда, пока он не попал в руки врага.

Брунштайн признал ее правоту и покинул замок, но слишком поздно. Самсон вернулся и, увидев их, тотчас кинулся в погоню. Против его ужасного меча бессильны были и храбрость, и сила, сколь бы великой она ни была. Брунштайн и пять его воинов упали, чтобы больше никогда не встать, лишь шестому с большим трудом удалось скрыться, несмотря на тяжелые ранения. Самсон пустился за ним в погоню. Когда он выехал из леса, то увидел, что навстречу ему скачут тридцать всадников. На их знамени был изображен лев на золотом поле.

— Вот это да! — воскликнул герой. — Так, значит, вы Амелунги! Добро пожаловать, дядя Дитмар. Я рад видеть тебя и твоих людей.

Когда они отдохнули и подкрепились в замке Самсона, Дитмар объяснил, что до него дошли слухи, что его племянник был объявлен вне закона и ему нужна помощь. Он пришел навестить его и узнать, не может ли он чем-нибудь помочь. Самсон был очень доволен и заявил, что теперь, когда он уже не один, он намерен встретиться с врагами в открытом бою. Никто не решился ему возражать, и вскоре у него под командованием было столько земель, что он приобрел влияние и могущество герцога. После этого он подъехал к Салерно и заявил, что, если жители не выберут его королем, он сожжет город до основания.

Посоветовавшись, жители решили, что в такой ситуации им ничего не остается, кроме как повиноваться: дела у них никогда не шли так хорошо, как в ту пору, когда Самсон был на их стороне. Поэтому они отправили ему просьбу прийти и править ими.

Когда герой понял, что все вышло так, как он хотел, он послал за своей женой и они въехали в Салерно бок о бок. Жители встречали их приветственными криками.

Новый владыка правил железной рукой и был справедлив равно к богатым и бедным. Он помнил доброту,

проявленную по отношению к нему в те дни, когда ему было трудно, и поддерживал мир на границах. За этими делами и заботами он состарился и почувствовал, что не может больше справляться со своими обязанностями в одиночку, и назначил старшего сына своим помощником и преемником. Но Самсон не хотел, чтобы люди считали, будто он слишком стар и ни на что больше не годен. И поэтому, когда второй сын спросил его, какова будет его доля в королевском наследстве, он ничего не ответил, но созвал армию и обратился к ней с воинственной речью.

Во времена его молодости, сказал он, каждый мечтал о героических подвигах. Теперь же люди стали ленивы. Затянувшийся мир, принесший королевству богатство и процветание, приучил жителей ценить покой и удовольствия. Если и дальше попустительствовать этому злу, то в один прекрасный день страна станет легкой добычей завистливого соседа. Поэтому он велит всем своим вассалам через три месяца являться к нему в сопровождении вооруженного отряда. Пусть они скрепят свои сердца отвагой, ибо он собирается послать их в бой с грозным и сильным противником.

В тот же день, когда он назначил сбор своего войска, Самсон написал письмо графу Вероны Эльсунгу. Граф был в тех же летах, что и он сам, и так же высоко ценил воинскую доблесть. В этом письме он потребовал, чтобы Эльсунг заплатил ему дань, как своему суверену, и вдобавок отдал свою дочь, Одиллию, в жены его второму сыну. Тон письма был таков, как если бы он был королем, а граф — его вассалом.

Когда граф прочел письмо, он очень рассердился и сразу же начал готовиться к войне. Для начала он приказал повесить пятерых из шести послов Самсона, а шестого отослать хозяину с вырезанным языком.

По прошествии трех месяцев король Самсон двинулся к Вероне во главе своего войска.

Армии встретились, случилась великая битва. Потери с обеих сторон были ужасны. Наконец чудесная сила Самсона помогла ему одолеть графа и одержать победу. Веронцы, видя, что их правитель пал, сочли, что разумнее всего будет выбрать Самсона своим королем и положить тем самым конец вражде между двумя народами.

Когда все было улажено, победитель послал за дочерью графа, Одиллией, и сообщил ей, что намерен выдать ее за своего среднего сына, какового он собирается назначить правителем Вероны. Девушка заплакала и сказала, что не может выйти замуж сразу же после смерти отца, но ярость Самсона при ее попытке противоречить была столь страшна, что смертельно испуганная Одиллия тут же согласилась. Неистовый гнев Самсона сразу утих, он поцеловал ее и уверил, что она всегда может рассчитывать на его защиту.

Договорившись обо всем, Самсон двинулся в обратный путь в сопровождении старшего сына. Но не успел он отъехать от города, как раны его разболелись. Они никак не заживали и доставляли королю такие мучения, что ему пришлось остановиться в маленьком городке по дороге, где он умер, назвав своего младшего сына правителем Рейнланда, со столицей во Фрайбурге.

ГЛАВА 3

Дитварт

Однажды правил в Риме император Дитварт. Слава о его подвигах разнеслась далеко по всему свету. И вот решил он жениться и отправил послов к королю Ладмеру, чтобы просить руки его дочери. Польщенный тем, что такой великий император хочет с ним породниться, Ладмер пригласил Дитварта приехать в Вестенмер и познакомиться с принцессой, чтобы молодые люди могли решить, подходят

ли они друг другу. Дитварт согласился и отправился в путь в сопровождении ста своих храбрейших воинов.

Ладмер оказал своему гостю величайшие почести, однако сказал, что хотя сам он всей душой желал бы такого зятя, как Дитварт, но в выборе супруга последнее слово остается за принцессой: он не станет принуждать свою дочь выходить замуж против воли.

На пиру, устроенном в его честь, Дитварт оделся так же, как его спутники, но принцесса, наливавшая гостям вино, очень быстро догадалась, кто есть кто, и наполнила его кубок в первую очередь. В тот вечер отец спросил ее, что она думает о чужестранце, и она ответила:

— Он могущественный государь, но я не знаю его привычек. И я не выйду за него, пока не удостоверюсь, что он мне по нраву: ведь мне придется жить в чужой земле, вдали от всего, что мне дорого и мило.

Отец поцеловал ее и сказал, что она может поступать, как считает нужным, но в глубине души надеялся, что она скажет «да».

На следующий день была назначена большая охота, поскольку стада оленей расплодилось в таком количестве, что стали чинить вред посевам.

Надо сказать, что принцесса Минна была искусной охотницей. Она упросила отца взять ее с собой, поскольку охота была ее любимым развлечением, и мало кто из мужчин мог превзойти ее в меткости стрельбы. Дитварт не слишком обрадовался, застав ее за столь неподобающим для девицы занятием. Он даже по секрету сказал друзьям, что лучше уж поищет жену среди дочерей великих князей своей страны, чем женится принцессе Минне, каковой больше пристало родиться мужчиной. Но в любом случае, они, как и он сам, должны следить, чтобы легкомысленная девушка не попала в беду из-за своего безрассудства.

Когда они проезжали по узкой горной долине, Минна ранила великолепного оленя. Собаки бросились в погоню,

а принцесса, достав другую стрелу из колчана, поспешила за ними. Внезапно собаки разом завыли и выскочили из кустов. Придворные дамы громко вскрикнули:

— Это дракон! Ужасный дракон! Назад, принцесса Минна, скорее назад!

В ту же минуту они повернули коней, пронеслись через всю долину и спрятались на вершине соседней горы.

Послышался ужасающий свист, топот и треск, и в следующую минуту из кустов вылез дракон; он широко раскрыл пасть, готовясь ухватить добычу. От этого зрелища задрожали бы и самые смелые. Принцесса Минна выпустила в дракона одну за другой три стрелы, но они не причинили никакого вреда его чешуйчатой броне. Она повернулась, чтобы бежать, но зацепилась ногой за ветку и упала на землю. Казалось, что она погибла. Дракон уже готовился прыгнуть на нее. Дитварт и его люди стояли неподалеку. Рыцари бросились на дракона, а герой закрыл собою девушку. Картина была ужасная.

Копья и мечи оказались бесполезны: они не могли проткнуть драконью броню, и смельчаки гибли один за другим, разорванные когтями чудовища или прокушенные его ужасными зубами, похожими на якорные лапы. Дитварт бросился на помощь товарищам. Он попробовал вонзить копьё в шею дракона, но острое скользнуло по чешуйчатой шкуре, и чудовище вонзило когти ему в грудь. Гадина уже разинула пасть, чтобы проглотить героя, но Дитварт метнул древко копья в гигантскую пасть и поворачивал его раз за разом с такой силой, что острое вышло с другой стороны. Из ноздрей дракона повалили струи ядовитого пара и языки пламени, и герой упал на землю, а умирающее чудовище навалилось на него сверху.

Дитварт очнулся оттого, что кто-то изо всех сил тряс его за плечо. Когда он открыл глаза, он увидел, что принцесса пытается освободить его из-под драконьей туши. На помощь ей пришли какие-то лесорубы, случайно оказавшиеся поблизости, и, когда Дитварт наконец поднялся на

ноги, он был так слаб, что не мог идти. Пришлось соорудить носилки из сучьев и веток, чтобы отнести его во дворец. Там рану на его груди аккуратно перевязали, и сначала никто особенно не беспокоился, потому что кость была не задета, но вскоре рана нагноилась, и края ее почернели, словно обожженные. Врачи сошлись во мнении, что дракон отравил ее своим ядовитым дыханием и теперь жизнь героя в опасности. Король, придворные и вся страна оплакивали человека, освободившего их от дракона.

Однажды утром, когда измученный Дитварт забылся беспокойным сном, он вдруг почувствовал, как чья-то рука касается его раны. Как ни странно, эта рука была мягче и нежней, чем руки лекаря. Он открыл глаза и увидел принцессу. Она осторожно сняла повязки и полила на его пылающие жгучей болью раны какой-то жидкостью из флакона. Боль сразу же утихла. Он хотел ее поблагодарить, но она знаком приказала ему замолчать. Потом она сменила повязки, кивнула сиделкам, чтобы они оставались на местах, и выскользнула из комнаты так же тихо, как вошла. Раненому стало так легко, как будто благодетельный ангел окропил его живой водой, избавив от мучительной боли, и он спокойно заснул. Ночью боль вернулась, но наутро Минна снова пришла и пролила бальзам на его раны. На третье утро она снова появилась у его постели. Теперь, когда ему стало гораздо лучше, он не мог сдержаться и, взяв ее руку, прижал ее к губам. Она мягко отняла руку и удалилась, жестом приказав ему не двигаться.

Врач радовался быстрому выздоровлению своего пациента. Когда Дитварт рассказал ему, что с ним случилось, тот по секрету открыл ему, что принцесса получила от своей матери чудесный бальзам, который та передала ей на смертном одре. Этот бальзам нельзя применять кроме как в случаях крайней необходимости и для самых любимых людей.

— Для самых любимых людей? — переспросил герой и вдруг странным образом почувствовал себя необычайно счастливым.

Поправившись, он встретился с принцессой в саду наедине и сказал ей о своей любви. Они говорили долго, а потом объявили королю Ладмеру о своей помолвке. Он дал им свое благословение. На свадебном пиру главным украшением стола был зуб дракона, оправленный в серебро. Он был так велик, что весил не меньше ста пудов.

Муж с женой отправились в Рим. Ветра и течения им благоприятствовали, и вскоре они достигли родной земли Дитварта. Легенда гласит, что они жили счастливо и прожили еще четыреста лет. У них было сорок детей, но из всех лишь один-единственный сын Зигехер пережил родителей. О том, полюбила ли императрица Минна рукоделие или по-прежнему отдавала предпочтение охоте и скачкам, история умалчивает.

ЛЕГЕНДА О ДИТРИХЕ И ГИЛЬДЕБРАНДЕ

ГЛАВА 1

Юность Дитриха

Дитмар, второй сын Гугдитриха, был полновластным правителем Берна (теперь — Верона) и не желал признавать своего старшего брата Эрменриха или какого-либо другого короля своим сюзереном. Могучий воин во время битвы был столь ужасен, что мало кто из врагов решался взглянуть ему в лицо. Но с домашними он был кроток и терпелив, особенно со своей женой Одиллией, дочерью Эльсунга или, согласно другой саге, дочерью датского короля. Дитмар очень любил своего старшего сына Дитриха, просто души в нем не чаял. В двенадцать юноша уже обладал силой взрослого воина. Светлые волосы падали ему на плечи тяжелыми кудрями. Высокий и стройный, он тем не менее был сильным и крепким. В минуты гнева его правильные черты искажались, вид его делался ужасен. С самого детства было понятно, что из него вырастет герой с сердцем льва. Некоторые даже говорили, что, когда он сердится, его дыхание становится жарким, как огонь, и многие видели в этом неопровержимое доказательство его сверхъестественного происхождения.

Когда Дитриху было пять лет, ко двору его отца явился прославленный герой. Это был Гильдебранд, сын Гербранда и внук верного Берхтунга. Как уже говорилось, феодалы Гербранда составляли земли вокруг замка Гарда. Воспи-

танный в старом духе, Гильдебранд вырос мудрым советником и бесстрашным воином. Королю Дитмару юноша так понравился, что он назначил его воспитателем своего сына. Это стало началом дружбы между учителем и учеником, которая длилась всю жизнь, пока смерть не разлучила их.

Меч Нагелринг

Случилось так, что в земли Дитмара вторглись великан и великанша. Они убивали, жгли и грабили людей и были так сильны, что никто не мог им противостоять. Король двинул против них свою армию, но они как будто сквозь землю провалились. Он искал их повсюду, но никто не знал, где они прячутся. Эта история огорчила юного Дитриха и его воспитателя не меньше, чем самого короля. Они поклялись отыскать великанов, даже если на это уйдут годы.

В поисках чудовищ они исходили горы и долины, но все понапрасну. Однажды они собрались на охоту. Взяв с собой соколов и свору гончих, они отправились в огромный лес, посередине которого был зеленый луг. В том лесу водилось множество дичи. Они спустили собак и поскакали по краям луга, держа оружие наготове. Дитрих ехал медленно, не сводя глаз с дороги, и вдруг прямо перед ним из травы выскочил карлик. Дитрих наклонился, схватил человечка и посадил его на лошадь перед собой. Маленький пленник взвизгнул так громко, что Гильдебранд услышал и поскакал галопом через луг, чтобы узнать, что случилось. Увидев карлика, он воскликнул:

— Эй! Держи этого пройдоху крепче. Он знает все дорожки на земле и под землей. Это Эльбегаст, принц воров. Он должен знать, где прячутся его дружки — грабители.

Карлик взвизгнул еще громче, чем раньше, и заявил, что совсем он им не друг и что ему самому пришлось немало претерпеть от великана Грима и его сестры Хильды. Они даже заставили его выковать им добрый меч Нагелринг и крепкий шлем Гильдегрим. Больше того, он вынужден был водить их тайными тропами, известными ему одному, к жилищам их жертв. Он поклялся помочь витязям в борьбе с бессовестной парочкой.

После этого человечка отпустили. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Если бы я хотел сбежать, вы бы меня не поймали. Но я буду верно вам служить, потому что хочу освободиться от власти великанов. Приходите завтра на это самое место, я дам вам меч Нагелринг — без него вам не победить чудовище. Я похищу его, не будь я Эльбегаст, принц воров! А потом я покажу вам следы великана Грима на мокрой от росы траве: по ним вы сможете пройти в пещеру, где он прячется. Если вы убьете его и его злобную сестрицу, то вам в награду достанется богатая добыча.

Не успел карлик промолвить эти слова, его и след простыл. На следующее утро, еще до рассвета, Дитрих и его спутник подошли к кромке зеленого луга. По дороге они обсуждали все, что с ними случилось, пришли к заключению, что ни одному слову горных гномов доверять нельзя, и вороватый Эльбегаст, скорее всего, такой же, как все. Их разговор был прерван странным лязгающим звуком, и тут заря окрасила небо в розовый цвет. Они поднялись на ноги и огляделись. Вдруг перед ними как из-под земли появился Эльбегаст. За собой он тащил огромный меч. Дитрих испустил радостный крик, выхватив меч из ножен, рассек им воздух.

— Теперь, — сказал Эльбегаст, — ты обладаешь силой двенадцати мужчин и можешь бороться с чудовищем на равных. Видите следы от башмаков на мокрой траве? Он попросил меня сделать ему башмаки из железа, потому

что считает, что кожаные башмаки — это слишком дорого. Идите по следам, и они приведут вас к его пещере. Но сам я дальше не пойду.

Карлик исчез, а витязи по его совету двинулись по следам великана.

Следы привели их к высокой скале, но они не нашли в ней никакой двери. На поверхности камня видны были трещины, но такие маленькие, что залезть в них мог только гном или ящерица, и уж точно не витязь в доспехах, а тем более великан. Гильдебранд предположил, что вход может быть закрыт камнем. Он ухватился за выступающий кусок скалы и попытался его расшатать. Когда благодаря его усилиям огромная каменная глыба сдвинулась, Дитрих поспешил на помощь учителю, и камень, отвалившись, с грохотом рухнул в долину. Солнечный свет осветил пещеру, в глубине которой горел огромный костер. Рядом с ним на кровати из медвежьих и волчьих шкур лежал Грим. Разбуженный грохотом падения, он приподнялся на локте и потянулся за мечом, но, не найдя его, схватил огромное горящее бревно бросился на Дитриха. Его удары были подобны грому и сыпались как град, но юноша оказался проворен, и это спасло ему жизнь: ведь приходилось уворачиваться не только от пылающего бревна, но и от горячих угольев, летящих со всех сторон. Гильдебранд уже готов был прийти ему на помощь, но Дитрих этому воспротивился. Однако вскоре самому Гильдебранду пришлось вступить в бой: подоспевшая Хильда с такой силой обхватила его руками, что у него перехватило дыхание. Тщетно старался он высвободиться из смертельных объятий. Великанша закинула его себе за спину, сжав ему руки с такой силой, что кровь потекла у него из-под ногтей. Тут она огляделась в поисках веревки, чтобы связать его и повесить. Тогда Гильдебранд стал звать на помощь. Увидав, в каком отчаянном положении оказался его друг, Дитрих понял, что надо спешить. Он перепрыгнул через бревно и, сжимая меч обеими руками, разрубил Гриму голову

от темени до ключицы, а потом повернулся к великанше. Схватка была короткой, и вскоре с Хильдой тоже было покончено.

С трудом встав на ноги, Гильдебранд сказал, что с этого дня будет считать бывшего ученика своим учителем, потому что никогда раньше ему не приходилось сталкивался с таким врагом, как эта великанша. Забрав с собой найденные в пещере сокровища, Дитрих и Гильдебранд вернулись домой в Берн.

Король Дитмар гордился своим сыном, слава о котором распространилась по всему свету. Но он недолго прожил на свете после этих событий и умер, любимый и почитаемый всеми. Дитрих унаследовал отцовский трон. Он отдал своего младшего брата Дитера на воспитание Гильдебранду, поручив ему вырастить из мальчика настоящего героя — достойного отпрыска своего благородного рода.

Гильдебранд не обманул его доверие. Вскоре после этих событий он женился, и его жена, благородная и добронравная Ута, помогала ему в воспитании мальчика. Вместе они научили его любить добро и правду, быть смелым и не только восхищаться чужими подвигами, но и самому совершать их.

Зигенот

Вскоре после того, как Грим и Хильда пали от меча Дитриха, их племянник, могучий великан Зигенот, что жил в Западных горах, пришел навестить родственников. Обнаружив в пещере только мертвые тела, он завыл от ярости и поклялся отомстить за их смерть. Зигенот отыскал карлика, и тот рассказал ему, что его родичи были пали в честном бою от руки могучего витязя, но Зигенот не поверил ни единому слову. Он решил, что Дитрих и его друг убили Грима и Хильду во сне, чтобы забрать их сокровища.

Прошли годы. Однажды вечером витязи сидели вместе в главном зале замка, пили вино и беседовали.

— Учитель, — сказал король Дитрих, — я в жизни не видел, чтобы жена обнимала мужа так страстно, как Хильда обнимала тебя в тот раз, в пещере. Думаю, госпоже Уте это не понравилось бы.

— Да ее объятия были просто чудовищны, — ответил Гильдебранд с содроганием. — Спасибо, что освободил меня.

— Да, — смеясь, ответил король, — я проявил великодушие, оплатил тебе добром за зло. Ведь когда я был мальчишкой, я вытерпел от тебя немало тумачков и затрещин. С моей стороны это было на редкость благородно, согласись!

— Что ж, соглашусь, — ответил Гильдебранд с улыбкой, но потом, помрачнев, добавил: — Но не стоит слишком радоваться, потому что великан Зигенот давно поджидает нас в горах, чтобы отомстить за смерть своего дяди Грима. Насколько я слышал, он так силен, что ни один смертный не может ему противостоять, и даже целая армия падет перед ним, как колосья под серпом.

— Впервые об этом слышу! — воскликнул король. — Ты хочешь сказать, что мститель за Грима затаился в горах, поджидая нас? Почему мне раньше никто не сказал? Я завтра же отправлюсь на поиски и освобожу свое королевство от чудовища.

— Что? — вскричал один из гостей.

— Ты собираешься идти войной на великана? — спросил другой.

— На страшного Зигенота? — переспросил третий.

— Послушай меня, Дитрих, мой мальчик, — сказал Гильдебранд очень серьезно, — победить великана невозможно, и, если ты надумаешь сражаться с ним, это будет не геройство, а безрассудство.

— Дорогой учитель, — отвечал Дитрих, — разве не ты учил меня, что настоящий герой никогда не отступает, по-

тому что верит в свою силу и правоту своего дела. Мой долг — освободить королевство и мой народ от чудовища, и я выполню его во что бы то ни стало.

— Государь, — воскликнул Гильдебранд, — теперь ты мне уже не ученик, а товарищ, и, как твой товарищ, я пойду сражаться вместе с тобой.

Король немного помолчал, а потом ответил:

— Мой учитель говорил мне: только трусы нападают вдвоем на одного. Поэтому я пойду один.

— Если ты не вернешься через восемь дней, — отозвался Гильдебранд, — я последую за тобой и либо освобожу тебя, либо отомщу за твою смерть.

— Стоит ли так беспокоиться? — воскликнул Вольфхарт. — Король наверняка убьет великана, а если не он, так дядя Гильдебранд. А уж если их обоих постигнет неудача, то тогда пойду я. Даю голову на отсечение, что приведу Зигенота на веревке, как медведя, и повешу на городской стене. Там он будет висеть до тех пор, пока черти из ада не явятся, чтобы его забрать.

Вскоре после этого Дитрих отправился в путь. Вечером третьего дня вдали показались горы. Он пришел в такое прекрасное расположение духа и почувствовал в себе столько сил, что готов был сразиться со всеми великанами мира. Растянувшись в сладкой задумчивости на траве, он вдруг увидел статного оленя. Витязь тут же вскочил на коня и бросился за ним в погоню, а когда наконец нагнал — выхватил свой меч и вонзил оленю в шею, отчего тот сразу же пал замертво. После этого Дитрих развел костер, пожарил себе на ужин кусок оленины и запил вином из бурдюка, который он возил припороченным к луке седла.

Но в самый разгар пиршества Дитрих вдруг услышал отчаянный крик. Он поднял глаза и увидел голого великана, покрытого с головы до ног щетиной. К концу железной дубины, что он держал в руках, был крепко привязан маленький человечек. Он звал витязя на помощь,

уверяя, что чудовище собирается съесть его живьем. Услышав это, Дитрих тут же обратился к дикарю с выгодным предложением: тот отпускает карлика, а взамен получает гораздо более лакомый кусок — целого оленя.

— Прочь с дороги, пес! — прорычал великан. — Прочь, или я поджарю тебя на твоём собственном костре и съем вместе с доспехами.

От такого обращения витязь рассердился и вытащил из ножен свой меч Нагелринг, а великан тем временем легко, как пушинку, стряхнул карлика со своей дубины. И вот битва началась и кипела до тех пор, пока оба бойца не устали настолько, что им потребовалась передышка. Король снова предложил перемирие, поскольку он пришел сражаться с хозяином, а не со слугой, но ответом ему был только презрительный смех, а потом великан вскричал таким могучим голосом, что задрожали деревья:

— Такой козявке, как ты, никогда не победить Зигенота! Он вобьет в землю кол, привяжет тебя к нему и оставит умирать мучительной смертью.

Тут поединок возобновился. Карлику удалось освободиться от пут, и он держался за спиной Дитриха, давая ему советы:

— Стукни его по уху рукояткой своего меча: лезвие против него бессильно.

Дитрих сделал, как было сказано, и от его удара великан сразу же свалился с ужасным грохотом. Рукоятка меча глубоко проникла ему в голову, а после второго и третьего удара с ним было покончено.

— А теперь бежим отсюда скорее, пока не пришел Зигенот — король этих гор. Если он нас здесь застанет — мы погибли!

Гордый победой Дитрих объяснил, зачем он отправился в путь.

— Доблестный витязь, — ответил человек, — от судьбы все равно не уйдешь. Если каким-то чудом тебе удастся одержать победу и ты освободишь несчастных гномов от

жесточайшей тирании, в благодарность за это они будут тебе верными друзьями до конца твоей жизни. Наш отец, Альберих, что правил тысячами подданных, поровну поделил власть над нашим народом между своими сыновьями: мною — старшим, Вальдунгом — средним и Эгерихом — старшим. Но, несмотря на шапки-невидимки и все наше волшебство, Зигенот поработил нас и теперь притесняет так, что многие из нас умерли от лишений.

— Ну что ж, — сказал Дитрих, — в благодарность за спасение покажи мне дорогу к Зигеноту.

Карлик показал витязю покрытую снегом вершину горы, где жил его враг, надел шапку-невидимку и растаял в воздухе.

Дитрих двинулся в путь и к полудню достиг кромки снегов. Стволы росших здесь елей были снизу доверху покрыты серыми лишайниками. Вдруг пал густой туман и скрыл всю гору. Но неожиданно его пелена раздвинулась, как занавес, и перед Дитрихом предстала прекрасная женщина в снежно-белых одеждах. На голове у нее была диадема из драгоценных камней, а на шее ожерелье, сиявшее, как звезды. Она предупредительно подняла палец и произнесла:

— Скачи назад, бернский витязь, или погибнешь. Неприятель поджидает тебя в засаде.

Неслышными шагами она скользнула прочь и исчезла среди льдов, оставив потрясенного Дитриха гадать, с кем он только что говорил: с богиней Фрейей или королевой фей Виргиналь?

Очнувшись от грез, он увидел, что к нему приближается огромный великан.

— Наконец-то ты пришел, — вскричал тот, — теперь я смогу поквитаться с тобой за убийство Грима и Хильды.

Они без промедления вступили в бой. Но когда Дитрих попытался воспользоваться благоприятными, как он считал, обстоятельствами, лезвие его меча Нагелринга запуталось в нависающих ветках, и, как он ни старался, ему

не удалось вытащить его оттуда. Наконец сталь треснула, и тут великан нанес ему такой сильный удар дубиной, что витязь без сознания распростерся на земле. В следующее мгновение великан набросился на его бесчувственное тело, наступил на него коленями и, связав, потащил в свою гнусную берлогу.

Гильдебранд восемь дней с нетерпением ждал возвращения короля, а потом, поняв, что тот не вернется, оставил жену и отправился на поиски.

В лесу у подножия снежной вершины Гильдебранд нашел коня Дитриха, а потом и его сломанный меч. Теперь он точно знал, какая участь постигла его друга. Единственное, на что он теперь мог рассчитывать, — это месть, и он помчался вперед, не обращая внимания на слова предостережения, что карлик Вальдунг прокричал ему вслед.

Заметив пришельца, великан бросился на него. Сражение было долгим и яростным: Зигенот хватал все, что под руку подвернется: вырывал с корнем кусты и даже деревья и бросал их в своего противника. Гильдебранд попытался прибегнуть к хитрости, но тут дубина великана обрушилась ему на голову, и он упал без сознания.

— Наконец-то! — воскликнул Зигенот. — Грим и Хильда отомщены!

С этими словами он связал лежащего на земле витязя по рукам и ногам, а потом, схватив его за голову, перекинул через плечо и потащил в свою пещеру, громко распевая по дороге.

Жилище великана было высоким и просторным. Крыша опиралась на каменные колонны, а из лежащего в самом его центре карбункула лился мягкий свет. Дальние же углы были темными и мрачными. У входа великан бросил свою ношу на пол с такой силой, что Гильдебранду показалось, что у него не осталось ни одной целой кости. Потом Зигенот отошел в боковую пещеру за железной цепью, чтобы приковать своего пленника. Уходя, он сказал, что скоро вернется.

Слабый человек, попав в трудные обстоятельства, смиряется с поражением. Но герой не таков. Он не оставляет надежды до тех пор, пока не испробует все, пусть даже самые невероятные способы спасения. Гильдебранд так и сделал. Оглядевшись, он заметил в углу свой добрый меч: великан забрал его с собой как законную добычу. И тут Гильдебранд подумал, что еще может спастись, если пережмет веревки, стягивающие его запястья. Он принялся тереть их об угол колонны и, как только руки у него освободились, сразу распутал веревки на ногах. Взяв меч, он встал за колонной, надеясь укрыться за ней, поскольку его щит остался в лесу.

Зигенот вернулся с цепями и удивленно огляделся. Пленник исчез. Тут он заметил его за колонной, и сражение возобновилось. Земля дрожала от тяжелых шагов великана, и звук ударов эхом отдавался под сводами. Гильдебранд постепенно отступал в темные глубины пещеры и тут внезапно услышал, как кто-то окликает его по имени. Гильдебранд узнал голос короля и понял, что Дитрих еще жив. Это придало ему новые силы, и через несколько минут великан распростерся у его ног.

Это была победа. Он отрубил злодею голову и, остановившись на минуту передохнуть, услышал голос Дитриха:

— Дорогой учитель, вытащи меня из этой змеиной норы. Я убивал и ел гадюк сотнями, но их тут осталось гораздо больше, чем я уничтожил.

Оглядевшись, Гильдебранд обнаружил, что голос короля доносится из глубокого колодца в полу пещеры. Он стал оглядываться в поисках веревки, и тут появился карлик Вальдунг с лестницей наготове. Вдвоем они извлекли Дитриха из змеиной дыры.

— Гильдебранд, — сказал Дитрих, полной грудью вдыхая чистый свежий воздух, — ты навсегда останешься моим учителем.

После этого герои отправились за карликом в подземное царство, где он устроил им пир и преподнес множе-

ство дорогих подарков. Самым драгоценным из них стал для Дитриха его меч — Нагелринг, починенный, закаленный и украшенный драгоценными камнями. Теперь он стал еще красивей и прочней, чем прежде. Простившись с Вальдунгом, герои вернулись в Берн, где их встретили радостью и ликованием.

ГЛАВА 2

Королева Виргиналь

Однажды, когда Дитрих и Гильдебранд охотились в диких горах Тироля, король признался, что так и не смог забыть королеву Виргиналь, что вышла предупредить его о приближении Зигенота.

— Легче добиться любви от звезды на небе, чем уговорить королеву Виргиналь покинуть царство горных снегов, — ответил Гильдебранд.

Герои мирно беседовали, и вдруг перед ними появился крошечный человечек, с ног до головы одетый в доспехи.

— Благородные воины, — обратился он к ним. — Да будет вам известно, что я — Бибунг, непобедимый защитник королевы Виргиналь, правитель всех карликов и великанов в горах. С моей помощью она изгнала из своих владений вороватого Эльбегаста. Но этот негодяй заключил сделку с колдуном Ортгисом и наводнил ее королевство великанами и драконами. Посредством черной магии он заставил ее платить ему постыдную дань. Каждое полнолуние она должна отдавать ему одну из своих прекрасных служанок, которых он откармливает, а потом съедает на обед. Поэтому Жераспунт, дворец королевы Виргиналь, превратился в обитель скорби и слез. Моя госпожа, узнав, что вы победили ужасного Зигенота, умоляет вас прийти ей на помощь: освободить Жераспунт и спасти нашу королеву.

Витязи согласились и попросили указать дорогу. Карлик сопровождал их, пока они не увидели чудесный дворец, сияющий в лучах заходящего света. Гильдебранд первым нарушил молчание:

— Если бы я не был женат, я бы и сам был не прочь покорить сердце королевы Виргиналь. Но теперь я только постараюсь тебе помочь. Так где, — сказал он, поворачиваясь к Бильдунгу, — прячется этот мерзавец?

— Непобедимый защитник королевы благоразумно опасается Ортгиса! — засмеялся Дитрих. — А теперь проводи нас во дворец.

— По ночам только ведьмы путешествуют, а добрые люди ночью спят, — сказал Гильдебранд. — Лучше приляжем на мягкий мох и подождем до утра.

Следующее утро выдалось пасмурным и туманным, снег хлестал витязям в лицо, когда они карабкались на крутые уступы, куда лошади не могли взобраться. Все выше и выше поднимались они по трудному пути. Остановившись у ручья, чтобы утолить жажду, они услышали женский голос, зовущий на помощь. К ним подбежала красивая молодая девушка. Она умоляла защитить ее от ужасного Ортгиса. Ее отдали ему согласно договору, и теперь он преследовал ее с собаками. Тут послышались крики охотников, и в следующую минуту герои уже сошлись в яростной схватке с Ортгисом и его спутниками. И хоть Ортгис и его свита были великанами, они вскоре пали под ударами Дитриха и Гильдебранда. Удалось спастись лишь сыну Ортгиса — Жанибасу, но он стоил их всех, вместе взятых, потому что был великим волшебником, как и его отец.

Дитрих и Гильдебранд решили укрыться в замке Ортгиса, что стоял неподалеку. Едва они постучались в дверь, на них тут же набросилась толпа вооруженных великанов, но в конце концов герои их одолели. Пока шла битва, всадник в черных доспехах держался позади нападавших. Он пробормотал что-то на странном языке, и послушные его приказу новые великаны поднялись из земли, чтобы

занять место поверженных, но Дитрих и Гильдебранд снова одержали победу. Черный всадник снова что-то проворчал, и из земли выползли чудовищные драконы. Героям пришлось сражаться с ними всю ночь. И лишь первые лучи восходящего солнца осветили замок и долину, черный всадник наконец исчез. И тут витязи заметили, что огромный старый дракон пытается незаметно скрыться с поля битвы, сжимая в зубах витязя в доспехах. Герои бросились на него, и он, выпустив из зубов свою жертву, с шипением обернулся к ним. Обвинившись вокруг Дитриха, что стоял к нему ближе, дракон своим когтем распорол его щит и прорвал кольчугу. Гильдебранд кинулся на помощь королю, но тут же был отброшен взмахом мощного хвоста. В это мгновение Дитрих изловчился и метнул свой меч прямо в пасть чудовищу, пригвоздив его тем самым к ближайшему дереву. Дракон взревел и испустил дух.

Девушка, спасенная из рук Ортгиса, смотрела на бой издали. Теперь она подошла, перевязала раны Дитриха и смазала их целебным бальзамом. Гильдебранд тем временем отыскал воина, выпавшего из пасти дракона. Это оказался Руотван, сын Гельфриха Тосканского, его дяди со стороны матери.

Руотван присоединился к ним, чтобы наказать волшебника Жанибаса.

Потом им на помощь подошел и сам Гельфрих. Все вместе они двинулись к замку волшебника. Ворота были открыты. Весь двор был полон вооруженными людьми, а среди них и Жанибас — на угольно-черном жеребце и в черных доспехах. Он проворчал волшебные слова, и откуда ни возьмись появились огромные львы и бросились на героев. А когда звери были убиты, им на смену пришли вооруженные люди. Они также полегли под ударами мечей, и спастись удалось одному Жанибасу.

Дитрих и его спутники вошли в замок, где они нашли трех служанок королевы, запертых в клетки для откорма, и освободили их. Потом они сожгли крепость волшебника,

чтобы он не нашел в ней убежища, если вздумает сюда вернуться.

Теперь они все вместе отправились в Арон, замок Гельфриха, чтобы отдохнуть перед путешествием ко дворцу королевы Виргиналь. Короткая передышка была им необходима, поскольку раны Дитриха причиняли ему множество страданий. Однако радушный прием, оказанный им хозяином, как нельзя лучше способствовал излечению от лихорадки и заживлению ран. Наконец день отъезда был назначен, и Гельфрих отправился вместе с ними, чтобы показать им дорогу к Жераспунту. Не успели они закончить последние приготовления, как к дверям замка галопом прискакал какой-то карлик в пыльном разорванном плаще. Он соскочил с лошади и вошел в зал. Лицо его было бледно как смерть.

— На помощь, благородные витязи! — воскликнул он. — Жанибас пошел войной на королеву Виргиналь. Он требует, чтобы ему отдали всех ее служанок, а также корону с карбункулом. Если он получит карбункул, никто не сможет ему противостоять. С его помощью он станет полновластным хозяином над всеми горами, а также над карликами, великанами и драконами, что их населяют. Горе нам, если он завладеет карбункулом.

Дитрих сразу заявил, что если остальные пока еще не готовы двинуться на помощь королеве, то он пойдет один!

— Что? Один?! — вскричал карлик. — Если ты пойдешь один, ты — покойник! Даже я, главный защитник ее величества, вынужден был отступить перед врагом, а что же будет с тобой?

При этих хвастливых словах никто не смог удержаться от смеха. Но времени было мало, и витязи спешно облачились в доспехи и отправились к дворцу королевы. Герои и их друзья долго и трудно поднимались в гору, шли через снежные поля и ледники, где их поджидали коварные трещины. Но Жераспунт был виден отовсюду, и это при-

давало им бодрости. Приблизившись к замку, они стали различать крики и стоны. И тут им открылось ужасное зрелище: большая часть дворцовой стражи была перебита и изрублена, а оставшиеся продолжали обороняться против нападавших на них огромных псов, неведомых чудовищ и орд свирепых дикарей. Нападавшие уже прорвались через ворота, и бой шел вокруг королевского трона.

Владычица сидела неподвижно, окруженная дрожащими служанками; в короне на ее голове сиял карбункул, серебряная фата укутывала ее с головы до ног. Единственной ее защитой был магический круг, куда нападавшие не смели ступить. Никто не мог сказать, что делало ее столь прекрасной: волшебство или неземная любовь, сиявшая в ее глазах? Никто не решался приблизиться к ней. Даже герои, увидев ее, на мгновение замерли, но потом, очнувшись, двинулись вперед.

Им приходилось преодолевать облака снега и глыбы льда, не говоря уже об ураганном ветре, сбивавшем с ног. Горы задрожали от грохота: между ними и дворцом разверзлась бездонная пропасть. И тут Дитрих увидел черного всадника, читавшего магические заклинания с железной таблички. Он бросился на него, разбил табличку и убил волшебника. Страшный гром прокатился по горам, сошли лавины, и раскололись ледники. А потом наступила тишина. Чары были разрушены, пропасть закрылась, путь к дворцу был свободен. Свита волшебника, движимая жаждой мести, ринулась в бой, но герои легко отбили нападение. Оставшимся в живых чудовищам ничего не оставалось, кроме как искать укрытия на далеких снежных вершинах.

Дитрих со спутниками приблизился к королеве. Он хотел было опуститься рядом с ней на колени, но она поднялась с трона и, протянув ему руку, усадила рядом с собой.

— Знай, герой, — сказала она, — теперь, когда я убедилась в твоей любви и увидела твои подвиги, я оставлю

землю эльфов и поеду с тобой и буду жить среди людей, пока смерть не разлучит нас.

За одну ночь невидимые руки навели во дворце порядок, починили разбитые ворота, столбы и колонны, и вскоре после этого здесь отпраздновали свадьбу смертного героя и эльфийской королевы. Затем муж с женой отправились в Берн. Жизнь с королевой Виргиналь была такой прекрасной, что прошло немало времени, прежде чем Дитриху пришла в голову мысль о новых приключениях. А в стране горных эльфов воцарились печаль и уныние. Королева покинула своих подданных ради простого смертного. Вся природа оплакивала ее отсутствие, закаты больше не сверкали зеленым лучом, как раньше, и волшебный дворец стал невидим для всех.

ГЛАВА 3

Соратники Дитриха

Хайме

Слава о подвигах Дитриха Бернского разнеслась по всей земле, среди всех народов. Он стал любимым героем странствующих менестрелей, и многие смелые воины приезжали к нему в гости, чтобы принять участие в увеселениях или серьезных делах, в зависимости от того, чем сам хозяин был занят во время их визита.

Даже на далеком севере знали его имя. И не только в замках богатых людей, но и в придорожных тавернах и одиноких хуторах.

В те времена в лесной глуши жил торговец лошаадьми по имени Студас. Ему не было дела до песен бродячих менестрелей, но его сын Хайме был не похож на отца. Он часто заявлял, что владеет копьем и мечом не хуже, чем знаменитый Дитрих Бернский. Отцу надоела его тщеслав-

ная болтовня, и однажды, когда юнец снова, как обычно, принялся хвастать, что в бою он не уступит самому Дитриху Бернскому, Студас раздраженно воскликнул:

— Ах так? Ну, тогда ступай к полой горе и убей дракона, что держит в страхе всю округу.

Юноша посмотрел на него вопросительно и, когда понял, что тот не шутит, повернулся и вышел вон.

— Он этого не сделает, — пробормотал старик, — но полагаю, я охладил его горячую голову.

Но все вышло совсем не так, как предполагал честный, благоразумный Студас. Его сын вооружился и, сев верхом на лучшего отцовского жеребца, поскакал в горы. Дракон кинулся на него и уже раскрыл пасть, но юноша метнул копье ему в глотку с такой силой, что оно вышло с другой стороны. Чудовище со страшной силой забило хвостом по земле и вскоре испустило дух. Тогда Хайме отрубил ему голову и поехал домой. Войдя в дом, он швырнул свой трофей к ногам отца.

— Святой Килиан! — воскликнул Студас. — Неужто ты в самом деле убил дракона? Ну...

— Ну да! — отвечал самоуверенный юнец. — Теперь мне осталось только убить Дитриха Бернского. Дай мне того жеребца, что так храбро показал себя сегодня. Он отвезет меня в Берн и вернет назад целым и невредимым.

Старик почувствовал, что от таких речей у него голова идет кругом, но выполнил просьбу сына, и Хайме отправился в большой мир.

Тем временем в королевском дворце в Берне королева Виргиналь наполняла кубки воинов, пировавших с ее мужем. Зашла речь о том, что давно пора отправиться на поиски приключений, а то мечи заржавеют в ножнах. И едва только раздались такие слова, как дверь распахнулась и вошел незнакомец, с ног до головы закованный в доспехи. Он был высок, широк в плечах и казался юным.

Гильдебранд приветствовал его и предложил снять кольчугу, заметив при этом, что на королевском пиру при-

личны одежды из пурпурного шелка, а не стальная броня войны.

— Меня интересует война, — отозвался незнакомец. — Я — Хайме, сын Студаса, торговца лошадьми. Я пришел вызвать на бой знаменитого Дитриха Бернского и выяснить, кто из нас лучший воин.

Он говорил так громко, что все его услышали, и Дитрих сразу же принял вызов и предложил гостям выйти и посмотреть на поединок. Король надел доспехи и сел на своего боевого коня Сокола: теперь он был готов к сражению.

Сначала они бились верхом, но в конце концов древки их копий сломались, и им пришлось сойти с коней и продолжить схватку на земле. Хайме проявил чудеса храбрости, но его меч сломался, и он остался безоружен перед разгневанным королем. Дитрих уже занес руку, чтобы нанести противнику последний смертельный удар, но у него не хватило духа это сделать. Он сжалился над молодым и отважным воином, что бесстрашно стоял перед ним, ожидая смерти. Король опустил меч и в знак примирения протянул Хайме руку. Великодушие Дитриха покорило юношу. Он взял предложенную руку и сказал, что признает себя побежденным и клянется отныне верно служить славному королю. Дитрих был рад иметь на своей стороне такого человека, как Хайме, и пожаловал ему замки и богатые земли.

Виттиг

Виттиг был сыном Виланда, кузнецом с Гельгоlanda. С самого раннего детства отец учил его обращаться с луком, и самой большой похвалой для него были слова отца:

— Ты стреляешь из лука не хуже моего брата Эйгеля!

Юный Виттиг очень хотел узнать как можно больше о своем дяде, и Виланд начал:

— Когда отец твоей матери — Нидуд, правитель ниарсов, много лет назад взял меня в плен, мой брат Эйгель пришел в его замок и нанялся ему на службу лучником в охрану. Все были в восторге от его искусства. Он мог попасть в голову орла, что летал высоко в небе. Я видел, как он целился стрелой в левую или правую ногу рыси и пригвождал зверя к ветке. Всех чудес, что творил он, и не перечислишь. Но однажды правитель хотел посмотреть на что-то совсем уж невиданное. Он приказал Эйгелю сбить яблоко с головы его собственного сына и сказал ему, что, если он откажется или промахнется, ребенка изрубят на куски у него на глазах. Эйгель достал из колчана три стрелы, приладил одну на тетиву и натянул лук. Сын его стоял неподвижно и спокойно смотрел на отца.

— Смог бы ты сделать такой выстрел, мой мальчик?

— Нет, отец, — смело ответил Виттиг, — я бы достал твой верный меч Мимунг и отрубил бы голову этому злому старику, а если бы ниарсы попробовали за него отомстить, я бы выгнал их с нашей земли.

— Отлично, юный герой, — рассмеялся его отец, — но помни, настоящий воин никогда не говорит, что при таких-то обстоятельствах он бы сделал то-то и то-то. Он берет и делает. И лучше бы Эйгель сделал что-то подобное. После того как он сбил яблоко, он повернулся к правителю и заявил, что если бы он убил своего сына, то двумя оставшимися стрелами он сначала убил бы правителя, а потом себя. Тогда правитель сделал вид, что не придавал значения его словам, но потом выгнал лучника, не заплатив ему ни гроша, и никто не знает, что с ним стало после этого.

Кузнец воспитывал сына на подобных историях, и не удивительно, что, когда тот подрос, у него на уме были лишь подвиги и приключения, а работать в кузнице ему совсем не хотелось. И вот настал день, когда он попросил отца выковать ему доспехи и дать добрый меч Мимунг, чтобы он мог отправиться в Берн, сразиться с королем Ди-

трихом и завоевать себе королевство, как его предки. После долгих отнекиваний кузнец наконец дал свое согласие и снабдил сына всем необходимым для его предприятия, рассказав про особенные достоинства каждого оружия. Напоследок он напомнил Виттигу, что его прапрадед, король Вилкинус, что был одним из самых великих воинов своего времени, женился на русалке, и, когда король умирал, она пообещала ему в память об их любви помогать его потомкам, если они попросят помощи.

— Если возникнет нужда, спустись, сын мой, к берегу моря, — сказал старый кузнец, — и попроси защиты у наших предков.

Напутствовав сына таким образом, Виланд наконец отпустил его.

Много дней скакал Виттиг, прежде чем ему представилась возможность проявить себя. Наконец он подъехал к широкой реке. Здесь ему пришлось спешиться. Он снял доспехи и, сложив их на берегу, двинулся вброд, ведя своего коня Скемминга под уздцы. Когда он был на середине пути, к берегу подъехали три всадника. Увидев Виттига, они стали насмехаться и спрашивать, куда это он собрался, на что тот ответил, что если они дадут ему время надеть доспехи, то он сумеет дать им достойный ответ. Но едва он облачился в кольчугу и сел на своего доброго коня, как им пришло в голову, что в чужой стране лучше иметь человека такой силы и отваги на своей стороне, и предложили ему дружбу взамен войны. Виттиг согласился, они пожали руки и продолжили путешествие вместе.

В поисках переправы они отправились вверх по течению и наконец подъехали к какому-то замку. Свирепого вида хозяин выехал из ворот и двинулся им навстречу.

— Нас слишком много, чтобы он решился на нас напасть, — сказал самый старший из незнакомцев. — Думаю, наши добрые мечи проложат нам дорогу через мост.

— Позвольте мне предложить им в качестве платы серебряную монету, — сказал Виттиг и, пришпорив коня, поскакал вперед.

Он подъехал к мосту, где узнал, что за проезд по мосту с путешественников требуют отдать лошадь, доспехи, одежду, правую руку и правую ногу. Он объяснил, что не может заплатить такую высокую цену за столь ничтожное благо, и снова предложил им монету. В ответ они вытащили мечи и набросились на него.

А в это время три воина по-прежнему стояли пригорке, наблюдая происходящее издали и обсуждая увиденное. Увидев, что их друга теснят со всех сторон, двое поскакали ему на помощь, а третий остался стоять, презрительно наблюдая за происходящим. Но не успели они добраться до места схватки, семь грабителей были убиты, а остальные при виде этого обратились в бегство.

Теперь герои поехали в замок, где нашли в изобилии еду и богатую добычу. За сытным ужином языки у них развязались, и они стали говорить о своих подвигах и славе. Виттигу нечего было сказать, и он больше говорил о своем отце, чем о себе. Он также узнал, что самого старшего из его новых спутников зовут учитель Гильдебранд, второго — силач Хайме и третьего — ярл Горнбог, он был соратником Дитриха.

— Для меня это большая удача, — вскричал юный витязь, — потому что я как раз еду в Берн, чтобы померяться силами с великим королем, и у меня есть все основания надеяться на победу, потому что отец дал мне свой меч — Мимунг, что способен рубить сталь и камни! Вы только поглядите на эфес! Какая тонкая работа!

Услышав такое, трое его спутников помрачнели и предложили лечь отдохнуть, поскольку они очень устали. Виттиг последовал их примеру.

Юный герой вскоре уже спокойно похрапывал в компании Хайме и Горнбога, но Гильдебранд лежал без сна, предаваясь мрачным мыслям. Зная, что меч Виттига спо-

собен разрубить шлем его господина, он думал, что можно сделать. Он бесшумно поднялся со своего ложа и, взяв в руки Мимунг, сравнил его со своим собственным мечом. Два лезвия были совершенно одинаковы, только эфесы — разные. И тут Гильдебранд с довольной усмешкой осторожно отделил лезвия от рукоятей и поменял их местами. Потом он вернулся на свое место и, успокоенный, вскоре уснул.

На следующее утро они снова двинулись в путь. За время путешествия им встретилось множество опасных приключений, и Гильдебранд со своими спутниками не раз имели возможность убедиться, что Виттиг — настоящий герой.

Узнав о возвращении своего старого учителя и остальных, король Дитрих поспешил выйти во двор, чтобы встретить их и приветствовать. Но каково же было его изумление, когда молодой незнакомец стянул с руки серебряную латную рукавицу и протянул ему. В следующую секунду Дитрих схватил ее и швырнул в лицо наглецу, воскликнув сердито:

— Думаешь, король станет сражаться с первым встречным? Стража, схватить этого мерзавца и повесить на самой высокой виселице.

— Ты в своем праве, — ответил Виттиг. — Сам подумай, не ляжет ли такой поступок пятном на твое доброе имя?

А Гильдебранд сказал:

— Государь, это — Виттиг, сын Виланда, знаменитого кузнеца. Он не трус и не скряга и вполне заслуживает место в рядах твоих соратников.

— Хорошо, учитель, — ответил король, — я буду сражаться с ним, как он того просит, но, если я одержу победу, он отправится на виселицу. Это мое последнее слово. А теперь идем на ристалище.

Весь город собрался, чтобы посмотреть на поединок между королем и незнакомцем. Они яростно сражались, и тут вдруг меч Виттига сломался, и он остался безоружен перед королем.

— Отец, ты обманул меня! — воскликнул он. — Это не Мимунг, а другой меч!

— Сдавайся, несчастный! — вскричал Дитрих. — Тебя ждет виселица!

И настал бы для юного воина последний час, если бы Гильдебранд не встал между ними.

— Государь, — сказал он, — пощади безоружного и прими его в свою дружину. Среди твоих соратников нет другого такого героя.

— Нет, по нему давно плачет веревка. Отойди, учитель, и я заставлю его еще раз поцеловать пыль у моих сапог.

Горько стало Гильдебранду. Это он будет виноват в смерти юноши, поскольку он подменил его меч.

— Вот твой меч Мимунг, храбрец. Держи, — сказал он, протягивая Виттигу оружие. — А теперь, Дитрих, посмотрим, легко ли ты справишься с ним.

Поединок возобновился, и Мимунг явил свою мощь. Королевский щит и доспехи были изрублены в куски, а шлем расколот.

— Сдавайся, король! — вскричал заседавший юнец, но Дитрих продолжал сражаться, несмотря на ужасные раны.

Тогда учитель снова вышел вперед.

— Виттиг, — воскликнул он, — опусти свой меч, ибо не только собственной силе обязан ты победой, но и мастерству Виланда! Будь нашим товарищем, и мы станем править миром, потому что после короля — ты самый храбрый из всех героев.

— Учитель, — ответил Виттиг, — ты помог мне в трудную минуту, и я не могу тебе ни в чем отказать.

А затем, повернувшись к королю, добавил:

— Великий герой Берна, отныне я твой слуга, и пока жив, я буду верно служить тебе!

Король взял протянутую руку и крепко ее пожал, а потом сделал Виттига правителем богатого феода.

Вильдебер, Эльсан и другие

Экке был старшим сыном могущественного короля Менгигера и морской девы, что стала его женой и королевой. Он любил королеву Сибургу, что жила в городе — колонии страны Рейнланд. Сибурга очень хотела увидеть короля Дитриха, и, услышав об этом, Экке вызвался исполнить ее желание, чего бы это ему ни стоило. Она, со своей стороны, пообещала, что, если ему это удастся, она выйдет за него замуж. Он уехал, встретился с Дитрихом и, явив чудеса храбрости, умер у него на руках. Король был очень огорчен, поскольку за то недолгое время, что они были знакомы, он успел полюбить Экке.

Когда Дитрих вернулся в Берн после убийства Экке, Хайме выехал ему навстречу. Он был так рад видеть короля и так искренне выражал свои чувства, что Дитрих, очень тронутый, подарил ему в знак дружбы свой добрый меч Нагелринг. Витязь принял его с восхищением и два или три раза поцеловал верное лезвие, а потом сказал:

— Я буду носить этот клинок ради вящей славы моего короля и не расстанусь с ним до тех пор, пока я жив.

— Ты не достоин этого меча! — воскликнул Виттиг, подъехавший вместе с другими витязями. — Или ты забыл, что твой меч остался в ножнах, когда на меня напали грабители, и только Гильдебранд и Горнбог пришли мне на помощь!

— Меня разозлила твоя самонадеянность, точно так же, как сейчас меня злит твой зловредный язык. И я его отрежу.

Витязи схватились за мечи, но король встал между ними и призвал их к порядку. Узнав, как было дело, Дитрих приказал Хайме убираться прочь, потому что не пристало воину оставлять своих товарищей в опасности. Теперь Хайме должен своими делами доказать, что он настоящий герой, и только после этого он может снова вернуться ко двору.

— Воля твоя, государь, но, думаю, Нагерлингом я добуду больше богатств, чем ты у меня отнял.

С этими словами отважный витязь вскочил на коня и поскакал прочь, ни с кем не попрощавшись. Так он доехал до самого Везера, где сколотил вокруг себя шайку разбойников и начал творить чудовищные бесчинства. Он грабил незащищенных крестьян, и даже храбрые воины должны были платить ему отступные. Грабежом и разбоем он собрал огромные богатства, но ему все еще было мало.

Как-то раз Дитриху случилось рассказать друзьям об ужасном поединке с героем Экке, в котором он заполучил дивной красоты доспехи и добрый меч Экке-сакс. И вот, когда витязи обсуждали это происшествие, в зал вошел какой-то монах и смиренно встал у дверей. Он был высок и широк в плечах; но лица его было не видно — его скрывал низко надвинутый капюшон. Слуги стали над ним потешаться, и наконец монах не выдержал, схватил одного из насмешников за ухо и поднял его, визжащего, в воздух.

Когда король спросил, откуда шум, монах вышел вперед и попросил кусочек хлеба для умирающего от голода грешника. Дитрих приказал накормить и напоить святого отца, но каково же было его удивление, когда монах откинул капюшон и под ним оказались круглые щеки без всяких признаков истощения. Он удивился еще больше, когда увидел, в каких количествах поглощал пищу преподобный отец.

— Appetit у святого человека как у голодного волка, — пробормотал кто-то из стоявших поблизости.

— Пять долгих лет нес я епитимью, предаваясь посту и молитве, — сказал он, — и теперь достопочтенный отец настоятель позволил мне отправиться в мир и налагать епитимью на других грешников. А вы, — продолжал он, не прекращая жевать, — несчастные грешники, поскольку проводите время в пирах и пьянстве. Я наложу на вас епитимью, дабы вы избавились от бремени грехов.

И тут он завопил высоким звенящим голосом:

— O Sanctissima!¹

И тут к ним подошел Гильдебранд и воскликнул:

— Ба! Да это мой дорогой братец Ильсан!

— Culpa mea!² — вскричал монах. — Не прикасайся ко мне, безбожный брат. Покайся, а то попадешь в ад вместе с остальными.

— Но, — ответил учитель, — мы собрались здесь для того, чтобы словом или силой оружия обращать в истинную веру карликов и великанов, поэтому я призываю тебя, мой преподобный брат, отложить сутану и снова стать одним из нас.

— Говоришь, обращаете язычников в истинную веру? Ну что ж, у меня есть на это благословение, поэтому я, пожалуй, присоединюсь к вам в этом богоугодном деле.

С этими словами он сбросил сутану и предстал перед ними с ног до головы в доспехах.

— Здесь, — сказал он, прикасаясь к мечу, — мои проповеди, а здесь, — тут он ткнул пальцем в кольчугу, — мой требник. Святой Килиан, молись Господу за нас! Ora pro nobis³.

И он сел среди воинов, много лет знавших толстого монаха Ильсана. Он пил и пел то псалмы, то песни и рассказывал веселые истории из своей жизни в монастыре.

Скоро наступил вечер. Зажгли свечи и факелы. Но вдруг всеобщее внимание привлекло странное создание, постукавшее в дверь. Сверху оно было похоже на медведя. Голова его напоминала кабанью, но руки и ноги были человечески. Чудовище как будто приросло к порогу и, казалось, раздумывало, на кого броситься первым.

— Это злой дух, — воскликнул Ильсан, — душа сбежавшая из огня чистилища! Я изгоню его... Conjuro te...⁴

¹ О Святейшая! (лат.)

² Моя вина! (лат.)

³ Молись за нас (лат.).

⁴ Заклинаю тебя... (лат.)

Он остановился на минуту, поскольку чудовище повернуло к нему свою морду.

— Возвращайся в чистилище, откуда ты пришел! — воскликнул отважный Вольфхарт, перепрыгивая через стол и хватая зверя за шкуру. Но сколько он ни тянул, ему не удалось сдвинуть его ни на дюйм.

И тут чудовище, не издав ни единого звука, так сильно толкнуло его, что он кубарем покатился через весь зал.

Хорнбог, Виттиг и другие витязи пытались выгнать зверя, но их совместные усилия были тщетны.

— Освободите место, мои храбрые товарищи! — вскричал разгневанный король. — Сейчас мы посмотрим, чего стоит его шкура против моего меча Экке-сакса!

— Государь, — вмешался Гильдебранд, удерживая его руку, — видите на его запястье золотой браслет, сверкающий драгоценными камнями? Это человек и, наверно, смелый воин.

— Ну что ж, — сказал король, поворачиваясь к странному гостю, — если ты и в самом деле витязь — сбрось звериную шкуру, иди к нам и будь нашим верным соратником!

Услышав эти слова, странный гость отшвырнул прочь кабанью голову и медвежью шкуру и предстал перед королем и его приближенными закованный в доспехи.

— Теперь я узнаю тебя, — сказал Гильдебранд. — Ты храбрый витязь Вильдебер, по прозвищу Силач. А золотой браслет — подарок девы-лебедя, и он удваивает твои силы. Но зачем тебе понадобился этот маскарад? Смелый витязь, кто бы он ни был, желанный гость для нашего короля.

Вильдебер сел рядом с учителем и, опустошив кубок игристого вина, начал свой рассказ:

— Однажды после яростной схватки с грабителями я прилег отдохнуть на берегу озера. Внезапно меня разбудили всплески на воде. Посмотрев в направлении, откуда доносился звук, я увидел прекрасную деву. Она купалась в

озере, а ее лебединые перья лежали на берегу. Я осторожно подкрался к ним, забрал и спрятал. Дева искала их повсюду, а когда отчаялась найти, заплакала. Я вышел к ней и умолял ее поехать ко мне и стать моей женой. Но она только еще горше заплакала и сказала, что если она не вернет себе свой птичий наряд, то ей придется умереть. Я пожалел ее и отдал лебединые перья, и тогда она дала мне браслет, который многократно умножает мою силу, но при этом предупредила, что я должен буду бродить по лесам в образе медведя с кабаньей головой, пока самый великий король на земле не предложит мне быть его товарищем. Она предупредила меня, что, если я ослушаюсь, браслет лишится своей магической силы и вскоре после этого я буду убит в бою. Сказав это, она улетела прочь. Поэтому я пришел к тебе в зверином облике, отважный витязь, — продолжил он, обращаясь к Дитриху, — а поскольку ты по доброй воле принял меня в ряды своих воинов, то, я надеюсь, браслет сохранит свою волшебную силу до конца моих дней.

— *Pax vobiscum!*¹ — провозгласил монах, ковыляя в кровать.

Другие витязи вскоре последовали его примеру, и замок погрузился в сон.

Дитлиб

Однажды король Дитрих уже совсем было собрался сесть на коня и отправиться навестить своего дядю императора Эрменриха, но какой-то витязь въехал к нему во двор. Дитрих сразу узнал Хайме. Король не слишком-то обрадовался, снова увидев Хайме в Берне, но тот похвастался, что одержал множество побед в битвах против разбойников и великанов. Тогда Дитрих согласился сно-

¹ Мир вам! (*лат.*)

ва принять его в свою дружину и приказал ему сопровождать его со свитой в Рим.

Во Фритилабурге, где они остановились на отдых, Дитрих принял на службу человека, который называл себя Ильменриком, сыном датского йомена Зоте.

По прибытии в Рим они были со всевозможными почестями встречены императором, который предоставил им стол и кров. Но император забыл сделать одно-единственное распоряжение, а именно покормить слуг. В первый день Ильменрик купил им провизию из своих средств, но потом деньги у него кончились, и он заложил коня и доспехи Хайме за десять золотых; на третий день он заложил вещи Виттига за двадцать золотых и на четвертый — оружие и коня короля за тридцать. На пятый день, когда король приказал возвращаться домой, Ильменрик попросил у него денег, чтобы выкупить заложенные вещи. Дитрих очень удивился и рассердился, когда услышал, каким странным способом его слуга изыскал средства. Он отправил его к Эрменриху, и тот сразу же согласился выплатить нужную сумму и спросил, сколько с него причитается. Отчет о расходах очень повеселил императора и его свиту. Вальтер Васгенштейн даже спросил Ильменрика, не оборотень ли он, а иначе откуда у него такие странные познания обо всем на свете. На это Ильменрик скромно ответил, что отец научил его многому, в том числе класть камни и бросать молот, и что он готов поставить свою голову против головы Вальтера Васгенштейна, что он побьет его в этом искусстве. Вальтер принял вызов, и испытание началось.

Такого мастерства, что явил Ильменрик, никто раньше не видел. Витязи уже стали волноваться за жизнь храброго воина Васгенштейна. Император призвал к себе победителя.

— Послушай, юный герой, — сказал он, — я выкуплю у тебя голову своего вассала. Назови свою цену. Я помню древний обычай — платить золотом за кровь.

— Не бойся, государь, — отвечал Ильменрик, — я не причину вреда храброму витязю. Мне это ни к чему. Но

если ты хочешь сделать мне добро, одолжи мне столько денег, сколько я потратил на содержание слуг, чтобы я мог вернуть оружие, доспехи и лошадей, что я заложил.

— Казначей, — сказал император, поворачиваясь к одному из своих приближенных, — выдай ему шестьдесят мер красного золота, чтобы он мог выкупить залог, и еще шестьдесят мер — наполнить его кошель.

— Благодарю тебя, государь, — ответил юноша, — но мне не нужно от тебя никаких подарков, ибо я служу богатому королю Бернскому, который позаботится о том, чтобы я ни в чем не нуждался, но если ты продержишь нас здесь еще один день, то с этими шестьюдесятью марками я смогу устроить слугам такой пир, какого еще не бывало. И приглашу на него моего господина со всеми его воинами и тебя, если ты захочешь разделить с нами трапезу, даже если для этого придется снова заложить лошадей и доспехи.

Воины посмеялись над веселым юношей, но Хайме нахмурился и сказал, что, если тот еще хоть раз попробует заложить его лошадь, это будет стоить ему жизни.

Слуга устроил им королевский пир. Все были довольны, кроме Хайме, который втайне опасался, что его имущество снова в закладе. Ильменрик сел с ним рядом и шепотом спросил, откуда у него такой шрам на лбу. Хайме ответил, что получил его в поединке с Дитлибом, сыном ярла Битерольфа, добавив, что узнает этого витязя с первого взгляда и тот еще заплатит свой кровью за его рану.

Ильменрик ответил:

— Сдается мне, отважный воин, что память тебя подводит. Если ты взглядишься в мое лицо, ты сразу поймешь, что я и есть тот самый Дитлиб. Ты и твои разбойники напали на нас с отцом, когда мы ехали через лес. Мы убили главаря грабителей — Инграма и его людей, но ты, благодаря своему доброму коню, спасся, отделавшись лишь раной на лбу. Если ты мне не веришь,

то у меня есть свидетель, что готов подтвердить мои слова перед всеми. Но если ты согласен, то все останется между нами.

В конце пира Дитрих сказал юноше, что ему больше не пристало быть слугой: он должен стать одним из его соратников. На что тот ответил, что на самом деле он — Дитлиб, сын ярла Битерольфа, чьи славные подвиги известны по всему свету.

Все сподвижники короля, кроме Хайме, с удовольствием приняли юного Дитлиба в свои ряды. Он вернулся в Берн вместе с королем и во многих испытаниях показал себя верным товарищем. Но он был наделен беспокойным нравом и хотел увидеть мир, поэтому спустя какое-то время он поступил на службу к Этцелю, королю гуннов, при дворе которого обосновался его отец. Вместе отец и сын свершили немало славных подвигов. Король Этцель, желавший, чтобы они остались у него на службе, даровал им земли Штирии. Битерольф отдал свою долю сыну, отчего тот получил прозвище Штирийский, но в нашей истории он будет часто появляться под своим истинным именем Дитлиб Датский.

ГЛАВА 4

Король Лаурин и Малы́й розовый саг

Однажды Дитлиб неожиданно явился к учителю Гильдебранду в его замок Гарду. Он был грустен и не ответил улыбкой на приветствие хозяина. Когда Гильдебранд спросил, в чем причина его печали, Дитлиб поведал ему, что у него была мудрая и прекрасная сестра Кюнхильда. Она вела хозяйство в его замке в Штирии. Однажды сестра вместе со служанками плясала на зеленой лужайке, а он любовался их танцем, как вдруг Кюнхильда внезапно исчезла из круга, и никто не знал, что с ней случилось.

— От одного волшебника, — продолжил он, — мне удалось узнать, что ее похитил король карликов — Лаурин. Он накрыл ее шапкой-невидимкой и унес в свою пещеру в Тироле, окруженную чудесным Розовым садом. А теперь, мой друг и учитель, дай мне совет, как вызволить сестру из рук злого колдуна?

— Сделать это будет непросто, — ответил Гильдебранд, — и может стоить многих жизней. Я поеду с тобой в Берн, повидаясь с Дитрихом и другими витязями, и мы устроим совет: надо будет договориться о плане действий. Могущество Лаурина не только в величине его державы, но и во владении тайнами магии.

Когда герои в Берне услышали вести, что принесли им Дитлиб и Гильдебранд, первым заговорил Вольфхарт. Он пообещал, что сам отправится на поиски Кюнхильды и вернет ее брату живую и невредимую, а также привезет в Берн короля Лаурина, притороченного к луке седла. Тогда Дитлиб спросил Гильдебранда, не знает ли тот пути к Розовому саду. Тот отвечал, что знает, но Лаурин сам сторожит свой сад, и каждому, кто осмелится войти туда без спроса и сорвать хотя бы один цветок, он отрубает левую ногу и правую руку.

— Взыскать такую дань, — сказал Виттиг, — он сможет, только если одержит победу над витязем в честном поединке.

— Ну что ж, — сказал король, — мы не будем трогать прекрасные цветы. Все, что нам нужно, — это спасти сестру нашего друга из рук карлика, и это деяние, подобающее истинному воину.

Тогда герои поклялись, что не причинят вреда саду, и Гильдебранд согласился стать их проводником. В поход отправились Гильдебранд, Дитрих, Дитлиб, Виттиг и Вольфхарт.

Дорога шла на север среди диких гор, через пропасти, льды и снега. Путь был труден и опасен, но они не обращали внимания на усталость и страх, потому что в их серд-

цах жила надежда. Наконец они достигли сада, где царила вечная весна, — цветущий оазис в снежной пустыне. Витязи не могли отвести глаз от открывшегося им чудесного зрелища, им казалось, что они достигли ворот рая.

Вольфхарт первым преодолел чары: он пришпорил коня и, крикнув товарищам, чтобы они следовали за ним, поскакал в сторону сада. Но вскоре его отчаянная скачка была остановлена железной дверью с золотыми буквами. Он попробовал открыть дверь, но та не поддавалась. Его товарищи пришли к нему на помощь, и под напором четырех сильных мужчин дверь распахнулась. Но замок по-прежнему был под защитой золотой нити вроде той, что защищала дворец асов от простых смертных. Витязи переступили через нить, а затем, не обращая внимания на предупреждения Гильдебранда, бросились рвать и топтать цветы. Дитрих не присоединился к разрушению, а встал в стороне под раскидистой липой.

Вдруг Гильдебранд крикнул:

— Мечи из ножен! Сюда идет хозяин сада.

Они подняли глаза и увидели, что на них надвигается что-то огромное и блестящее. Вскоре они смогли рассмотреть, что это всадник на быстром как ветер жеребце. Он был мал ростом и с ног до головы закован в броню. На нем был шлем необычайно искусной работы, украшенный короной из драгоценных камней с огромным, сияющим, как солнце, карбункулом посередине. Окинув взглядом разоренный сад, он натянул поводья и сердито воскликнул:

— Что плохого я вам сделал, из-за чего вы решили растоптать мои розы, разбойники? Если я нанес вам оскорбление, то почему вы, как честные люди, не прислали мне вызов? Теперь каждый из вас должен будет отдать мне кисть правой руки и ступню левой ноги, чтобы искупить свою вину.

— Если ты король Лаурин, — ответил Дитрих, — то ты вправе требовать от нас возмещения убытков, и мы заплатим тебе золотом, но не требуем от нас отдать тебе кисти

правых рук — они нужны нам, чтобы управляться мечами, а что до ступней левых ног, то без них мы не сможем скакать на лошади.

— Только трусы предлагают откупиться золотом, вместо того чтобы расплатиться ударами меча! — воскликнул Вольфхарт. — Дайте я сброшу этого коротышку вместе с кошкой, на которой он сидит верхом, на те скалы! Его кости разобьются на такие мелкие кусочки, что даже его подданные, размером с кузнечиков, не смогут их собрать.

Лаурин ответил на дерзкий вызов, но поединок между ним и Вольфхартом, едва начавшись, сразу и закончился, поскольку от одного прикосновения копыя карлика витязь вылетел из седла и распростерся на земле. Виттиг был не более удачлив, чем его товарищ, и вскоре оказался лежащим рядом с ним.

Лаурин прыгнул с лошади и, вынув из ножен большой кинжал, двинулся к бесчувственным телам обоих витязей. Дитрих бросился им на выручку.

— Не пытайся метать копьё, сближайся с ним, — шепнул ему Гильдебранд. — У Лаурина есть три волшебных талисмана, которые ты должен будешь у него отнять. Это кольцо с камнем, приносящим победу; пояс, придающий силу двенадцати человек; и шапка-невидимка, делающая невидимым всякого, кто ее наденет.

После долгого ожесточенного сражения Дитриху удалось овладеть кольцом — он сразу же отдал его на сохранение учителю. Сражение возобновилось с новой силой, но ни одной из сторон не удавалось взять верх. Наконец Дитрих попросил о коротком перерыве, и Лаурин согласился.

Когда перемирие закончилось, два короля снова ринулись в бой. Дитрих схватил Лаурина за пояс, и в ту же минуту тот с такой силой обхватил его колени, что Дитрих упал навзничь. Он ударился с такой силой, что пояс порвался, витязь выпустил его из рук, и он отлетел в сторону. Гильдебранд рванулся вперед и подобрал пояс, пока Лаурин не успел его схватить. И как только это случилось,

Лаурин исчез. Дитрих по-прежнему чувствовал удары, что тот наносил ему, но не видел нападавшего. От сознания собственного бессилия Дитрихом овладела безрассудная ярость; забыв о боли, он отшвырнул в сторону меч и копье и, как тигр, прыгнул в том направлении, откуда доносился свист невидимого меча. Теперь он в третий раз схватил своего противника и сорвал с него шапку-невидимку. Перед ним стоял Лаурин, моля о пощаде.

— Сначала я отрублю тебе правую руку и левую ногу, потом голову, а уж потом ты получишь перемирие! — вскричал рассерженный герой, бросаясь в погоню за Лаурином, который теперь мчался прочь во всю прыть.

— Спаси меня, Дитлиб, мой дорогой шурин! — вскричал Лаурин, подбегая к витязю, — ведь твоя сестра — моя королева.

Дитлиб схватил крохотного человечка, посадил на коня перед собой и галопом поскакал в лес. Там он ссадил его и приказал спрятаться до тех пор, пока гнев короля не утихнет.

Вернувшись к месту схватки, воин нашел Дитриха по-прежнему взбешенным.

— Выдай мне карлика или поплатишься головой!

Еще секунда, и они бы скрестили мечи, но Гильдебранд силой оттащил Дитриха, а Виттиг — Дитлиба. Потом им удалось примирить героев и заручиться милостью короля по отношению к карлику. А еще немного времени спустя эти двое уже мирно беседовали с Лаурином, которого Дитрих принял как друга.

Когда все было улажено, карлик предложил показать им свое подземное жилище, добавив, что Дитлиб сможет отдать свою сестру ему в жены со всеми надлежащими церемониями.

— По старинному закону, — ответил герой Штирии, — если девушка была похищена, а потом вызволена друзьями, то она может выбирать, остаться ли ей с мужем или вернуться в отчий дом. Ты согласен?

— Конечно, конечно! — воскликнул карлик. — Но нам пора в путь. Видите вон ту снежную вершину? Там мой дворец. Поэтому по коням, чтобы глаза мои больше не видели того разорения, которое вы нанесли моему Розовому саду. Теперь розы снова зацветут только в мае.

Путь к снежной вершине оказался длинней, чем думали витязи. Цели своей они достигли лишь к полудню следующего дня. Там, где кончались снега, раскинулся луг, столь же прекрасный, как Розовый сад. Воздух был наполнен ароматом цветов. Птицы пели на ветках, и всюду были видны карлики, снующие туда-сюда. Они проследовали за Лаурином в темные ворота его подземного царства. Единственным, у кого оставались смутные подозрения, был Виттиг — он еще не забыл удара копья Лаурина.

В царстве короля Лаурина

Они оказались в просторном зале, где царил полумрак. Стены были из полированного мрамора, выложенного золотом и серебром. Пол был из целого агата, а потолок — из сапфира, и на нем сияли драгоценные камни, как звезды на синем ночном небе. Когда витязи вошли в зал, там сразу же стало светло как днем. Королева вышла к ним в окружении своих служанок. На ней был пояс и ожерелье, украшенное драгоценными камнями, а бриллиант в ее короне сиял как солнце, освещая все перед ней. Но королева была всего краше. Никто не мог отвести глаз от ее лица. Она села рядом с Лаурином и сделала знак Дитлибу сесть с другой стороны. Она обняла его и задала множество вопросов о старом доме и друзьях. К тому времени ужин был готов. Лаурин вел себя как образцовый хозяин, и гости веселились от души. Даже Виттиг забыл про свои подозрения. Когда пир закончился, король карликов вышел из зала, и Дитлиб воспользовался моментом, чтобы спросить у сестры, хочет ли она оставаться в подземном царстве. Кюн-

хильда со слезами на глазах отвечала, что предпочла бы быть простой крестьянкою у себя на родине, чем королевой под землей, и что хотя Лаурин добр и ласков с ней, но он не такой, как все люди. Дитлиб пообещал спасти ее или погибнуть.

Вскоре Лаурин вернулся и спросил героя, не хочет ли тот пройти в отведенные ему покои для отдыха. Король карликов сам проводил его туда и еще немного побыл с ним, продолжая беседовать. Напоследок он сказал, что все его товарищи приговорены к смерти, а Дитлиба он пощадил лишь потому, что тот ему шурин.

— Подлый предатель! — вскричал Дитлиб. — Сейчас ты в моей власти!

Он бросился на Лаурину, но карлик исчез, дверь закрылась, и ключ повернулся в замке.

Тем временем Лаурин вернулся в зал, наполнил кувшины витязей особым вином и предложил им. Они выпили, и сразу же их головы свесились на грудь и тяжелый сон сморил их. Повернувшись к королеве, Лаурин велел ей возвратиться в свои покои, поскольку эти люди сейчас будут казнены в наказание за разорение Розового сада. При этом он добавил, что ее брат в безопасности -- он заперт в дальней комнате и может спастись от участи, уготованной его спутникам. Кюнхильда громко заплакала и сказала, что умрет, если он исполнит свое жестокое намерение. Он оставил ее слова без внимания, а только повторил свой приказ.

Как только королева удалилась, он затрубил в рог, и тут же в комнату поспешно вошли пять великанов и множество карликов. Они приказал им туго связать витязей веревками, чтобы они не могли пошевелиться, когда проснутся, а потом отнести их в темницу, где они пробудут до следующего утра, пока он не решит их участь. Проследив за выполнением своих приказов, он отправился спать, раздумывая отпустить ли ему Дитриха и его спутников, чтобы порадовать королеву, или наказать их за все

то зло, что они ему причинили. Наконец он склонился ко второму варианту и уснул, злорадно предвкушая убийство своих беспомощных пленников.

Дитрих проснулся сразу после полуночи и почувствовал, что связан по рукам и ногам. Он позвал товарищей на помощь, но они были столь же бессильны, как и он. И тогда гнев Дитриха достиг такой силы, что его горячее дыхание сожгло веревки, связывавшие его руку, и ему удалось ее освободить. Теперь Дитрих без труда смог распутать узлы на второй руке и на ногах, а потом освободить своих товарищей. Но что им было делать? Они не могли открыть дверь своей темницы. И у них не было ни оружия, ни доспехов. В таком положении они оставались беспомощными жертвами. И в ту самую минуту, когда герои в отчаянии смотрели друг на друга, они услышали женский голос, шепотом спрашивавший, живы ли они.

— Спасибо, благородная королева, — отвечал ей Дитрих, — мы живы и здоровы, только совершенно безоружны.

Тогда Кюнхильда открыла дверь и появилась на пороге вместе со своим братом. Она приложила палец к губам, призывая витязей хранить молчание, и провела их туда, где было сложено их оружие и доспехи. Когда воины были готовы к бою, королева дала каждому по кольцу. С этими кольцами они могли видеть карликов, даже если те надевали шапки-невидимки.

— Ура! — вскричал Вольфарт. — Теперь, когда мы вооружены, мы можем шуметь, сколько душе угодно!

Лаурин, проснувшийся от громких криков Вольфарта, понял, что его пленники освободились. Он призвал на помощь своих воинов, и битва закипела. Она длилась долго, и ни одна из сторон все никак не могла взять верх. В глубине души Лаурин был доволен, что так вышло, поскольку, несмотря на свой малый рост, он был отважным воином, и открытый поединок нравился ему куда больше избиения безоружных. Наконец, понесся огромные потери,

армия подземных сил обратилась в бегство, а сам Лаурин был взят в плен.

Дитрих сохранил ему жизнь по просьбе прекрасной Кюнхильды, но лишил его королевской власти. Он поручил Синтраму — карлику, принадлежащему к знатному роду, — править подземным царством с условием, что тот каждый год будет выплачивать ему дань. Отдав все необходимые распоряжения, герои вернулись в Берн, взяв Лаурина с собой.

По возвращении в Берн героев встретили всеобщим ликованием, однако же несчастный Лаурин сделался предметом насмешек. Единственным человеком, проявлявшим к нему сочувствие, была Кюнхильда. Однажды она подошла к нему, когда он одиноко и печально бродил по королевскому замку. Она приветливо заговорила с ним, постаралась утешить и сказала, что король скоро сменит гнев на милость, если Лаурин проявит себя верным и преданным другом.

— Ха! — Он горько засмеялся. — Они думают, что пнули собаку, которая будет лизать им руки, но потревоженная змея кусается! Я могу сказать тебе, что я намерен делать. Я послал гонца к своему дяде — Валберану, что правит всеми карликами от Кавказа до Синая. Когда он узнает, что со мной случилось, он явится во главе своего войска отомстить за меня! И победа будет за ним! Он убьет Дитриха и его товарищей и опустошит его земли. Когда это произойдет, я отвезу тебя в свое царство и заново насажу свой Розовый сад. В мае он будет еще прекраснее, чем раньше!

— Лаурин, — ответила она, — хитростью и волшебством ты похитил меня из родного дома, но твоя великая любовь не оставила меня равнодушной. Я не могу жить с тобой в подземном царстве, но я буду любить тебя и буду твоей королевой в Розовом саду, если ты выберешь любовь и верность, а не месть.

Она ушла, и он долго сидел, обдумывая ее слова.

Спустя несколько дней Дитрих пришел к королю карликов и, взяв его за руку, сказал, что уже долго он был пленником и теперь может присоединиться к его соратникам либо вернуться домой, если ему это больше нравится.

— И тогда, — продолжил король, — я приеду к тебе в Розовый сад следующей весной, чтобы полюбоваться его красотой.

Карлик молча последовал за королем в холл. На пиру он сидел рядом с Дитрихом и думал, как отомстит ему, когда явится его дядя.

Но тут появилась прекрасная Кюнхильда, наполнила его кубок, промолвила несколько ласковых слов, и любовь победила ненависть. Осушив кубок до последней капли, он воскликнул:

— Отныне я твой верный товарищ до самой смерти!

Пир еще не закончился, когда явился посланник короля Валберана. От имени своего господина он потребовал возвратить Лаурину его царство. А кроме того, герой Берна должен послать Валберану все деньги и все оружие, что есть в его стране, а также правую руку и левую ногу всех, кто участвовал в разорении Розового сада.

Дитрих с достоинством ответил, что не намерен лишаться ни денег, ни оружия, ни рук, ни ног и отнимать их у своих подданных тоже не станет.

— И скажи ему, — добавил Лаурин, что я благодарен ему за помощь, но я теперь свободен и связан с королем Берна узами любви и дружбы.

Обе стороны приготовились к сражению, но, пока еще мечи не скрестились, Лаурин поскакал в лагерь Валберана и постарался помирить его с Дитрихом. Но дядя даже не стал слушать племянника, заявив, что душа его стала рабской. И вот сражение началось. Оно длилось много часов подряд, и наконец на исходе дня Дитрих и Валберан сошлись один на один в яростной схватке. Оба короля были тяжело ранены, и зрителям уже стало казаться, что им обоим суждено умереть. Вдруг Лаурин бросился между меча-

ми, обхватил руками короля Валберана и умолял его заключить мир. В тот же момент Гильдебранд точно так же обхватил Дитриха, и после долгих уговоров миротворцам удалось добиться своей цели.

Сражение сменилось пиром, на котором короли заключили между собой дружеский союз. Бернский витязь произнес длинную речь, в которой он благодарил Лаурина, рисковавшего жизнью ради установления мира, и объявил, что возвращает ему свободу и власть над царством карликов и Розовым садом. Когда он закончил, в зале появилась королева Виргиналь. Она подвела прекрасную Кюнхильду к Лаурину и вложила руку девушки в его ладонь. Она не сомневается, что он сочтет эту награду своей верности и доблести самой главной из всех полученных сегодня, добавила она, поскольку Кюнхильда обещала стать его женой, если ее брат не против. А так как никаких возражений не послышалось, тут же справили свадьбу.

А на следующий год, в мае, когда розы снова расцвели, карлики внесли последние штрихи в отделку чудесного дворца, который они построили в Розовом саду. Многим пастухам и охотникам в Альпийских горах довелось увидеть его своими глазами, но для тех, кто отправляется на его поиски из чистого любопытства, он остается невидимым.

И в наши дни Лаурин и Кюнхильда иногда появляются в долинах Тироля, и еще живы люди, что видели вдалеке прекрасный Розовый сад.

ГЛАВА 5

Монах Ильсан и Большой розовый сад

Дитрих достиг теперь всего, чего может желать человек. О нем шла слава, как о доблестном витязе и безупречном герое. Много вокруг него собралось отважных воинов, и много славных подвигов он совершил.

Однажды, когда король пировал со своими соратниками, он оглядел стол с гордостью и сказал, что ни у кого на земле нет такой дружины и что никто не снискал такой славы, как он, благодаря своим верным соратникам. Все стали криками выражать свое одобрение, и только один остался сидеть молча. Король повернулся к нему и спросил, видал ли тот когда-либо воинов храбрее.

— Видал, — ответил Гербранд. — И нет на земле им равных! Я был в славном городе Вормсе на Рейне, в земле Бургундии. Это там находится Большой розовый сад. В длину он пять миль и две с половиной мили в ширину. Королева и ее фрейлины сами ухаживают за садом, и двенадцать великих воинов сторожат сад и следят, чтобы никто не входил туда без разрешения самой королевы. Всякому, кто попытается туда проникнуть, придется с ними сразиться, и до сих пор никто, будь он хоть великан, хоть великий воин, не мог им противостоять.

— Так давайте отправимся туда и сорвем розы, политые кровью героев, — предложил Дитрих. — Думаю, мы с моими товарищами сумеем одолеть стражу.

— Если хочешь попытать удачу, то знай, что победителю достается венок из роз и поцелуй прекрасной дамы.

— Ну нет! — воскликнул старый учитель. — Ради венка из роз и поцелуя я не стану рисковать ни единым волоском на моей голове. Если кому-то нужны розы или поцелуи, то в Берне он найдет их в избытке. Какой смысл ехать за этим до самого Рейна!

Честный Экхарт и еще несколько витязей согласились с ним, поскольку они хорошо знали, что собой представляют бургундские воины. Но Дитрих громко объявил, что собирается сражаться не за розы и поцелуи, а за славу и честь и что, если его товарищи не хотят ехать с ним, он поедет один. Разумеется, остальные и слышать об этом не хотели, и в результате кроме самого Дитриха рискнуть жизнью вызвался старый учитель Гильдебранд, а с ним

силач Виттиг, Хайме, по прозвищу Свирепый, Вольфхарт, молодые Зигстаб и Амелунг, честный Экхарт и русский князь Гертнит. Но всего набиралось девять человек, а значит, нужны были еще трое, чтобы противостоять двенадцати стражам сада. Гильдебранд сказал:

— Благородный Рюдигер Бехларенский не откажется быть десятым, а одиннадцатым будет отважный Дитлиб Штирийский. Двенадцатым возьмем моего благочестивого брата — монаха Ильсана.

Теперь им оставалось убедить этих трех героев присоединиться к ним. Сначала они поехали в Бехларен, стоявший на Дунае. Рюдигер принял их приветливо и сразу же согласился поехать с ними, но сказал, что должен сначала получить разрешение у короля Этцеля, чьим маркграфом он был. Затем герои отправились в Штирию, где жил Дитлиб. Но дома они его не застали. Их встретил его отец Битерольф, и он всеми силами старался отговорить их ехать на Рейн, потому что, как он сказал, надо быть последним дураком, чтобы затевать ссору с храбрейшими витязями на свете ради розы и поцелуя. Но когда, вскоре после этого, они встретили молодого витязя, он сразу же выразил согласие ехать с ними. Покончив с этим, они двинулись в Мюнхенцель — монастырь, где жил брат Гильдебранда. Как только Ильсан услышал о цели их путешествия, он сразу пошел к аббату и попросил разрешения сопровождать бернского богатыря в Розовый сад. Аббат начал было говорить, что монаху не пристало участвовать в подобном предприятии, но, услышав это, Ильсан пришел в страшную ярость и стал громко кричать, что геройские дела подобают монаху ничуть не меньше, чем любому другому мужчине. Не выдержав такого напора, аббат уступил его просьбе и отпустил его с миром. Ильсан надел под рясу кольчугу и двинулся в путь вместе со своими друзьями. Его сердце радостно билось при мысли, что он будет участвовать в приключениях Дитриха Бернского, а святые братья стояли вокруг и качали

головами, полагая, что это не подвиг святости, а мирская суета.

Сначала герои поехали в Берн, где была назначена общая встреча. Последним прибыл маркграф Рюдигер: он задержался, потому что ему надо было заезжать к Этцелю. Теперь он отправился в Вормс раньше всех остальных, потому что ему поручили быть посланцем к королю Гибиху и предупредить его об их намерениях вторгнуться в Розовый сад. Маркграфа хорошо знали на берегах Рейна: король принял его как старого друга и одобрил затеянное Дитрихом предприятие.

В назначенный день они вошли в сад: воины встали друг напротив друга, готовые к битве, двенадцать на двенадцать, один на одного. Зрелище было ужасно: герои падали мертвыми в розы и орошали их кровью своих сердец. Когда гордый Вольфхарт убил своего противника, он с презрением отверг поцелуй прекрасной девы и удовлетворился гирляндой из роз. Монах Ильсан пришел на ристалище пешком, одетым в серую рясу. Он передвигался между кустов роз с такой невероятной ловкостью, что его противник решил, что имеет дело с безумцем. Однако вскоре выяснилось, что преподобный отец крепче, чем он думал поначалу. Страж сада понял это, когда упал на землю поверженный, раненный почти смертельно. Победителю надели на тонзуру венок из роз, но, когда он целовал красавицу, она громко вскрикнула: жесткая щетина уколола ее в розовую щечку. Тогда Ильсан воскликнул с притворным негодованием:

Рейнские девы на вид хороши,
но не обнимешь их от души!

Многие герои получили награды, а многие — тяжелые ранения. Мир был заключен только с заходом солнца. Храбрый бернский витязь вскоре после этого вернулся домой, весьма довольный результатом своего предприятия.

ГЛАВА 6

Верность Дитриха

С того самого дня, когда Рюдигер впервые свел Дитриха с королем гуннов Этцелем, они жили в мире и дружбе. Когда бернский витязь вернулся из Бургундии, он отправил королю послов и обещал тому свою помощь, если она потребуется. Прошло совсем немного времени, и ему напомнили о его обещании.

Маркграф, о котором шла слава как о человеке добром и щедром, однажды приехал в Берн, где он и раньше бывал частым гостем. Как обычно, витязи говорили о своих последних приключениях и рассказывали легенды о благородных подвигах и доблестных делах. Среди прочего Рюдигер рассказал о своих приключениях в Испании и как он покинул эту страну, чтобы поступить на службу к королю Этцелю, который с самого первого дня их знакомства стал ему верным другом. Он также заметил, что, даже став могущественным монархом, Этцель не стеснялся вспоминать о тяжелых испытаниях и бедствиях, выпавших на его долю в ранней юности.

— Это правда, — перебил его Гильдебранд. — И я знаю об этом не меньше самого короля. Однажды, когда Вилькин правил страной вилькинов...

— Ха! Да это же мой прадед! — воскликнул Виттиг. — И что ты о нем знаешь?

— Я знаю только то, — продолжил учитель, — что он был могущественный вождь, и ему служило множество королей, среди которых был и король Гертнит. После смерти Вилькина Гертнит взбунтовался против его сына и наследника Нордиана и заставил того признать его своим государем. Победенному королю оставили власть над Зеландией, он заявил, что вполне доволен. Но у него было четыре сына-великана: Аспериан, Эдгар, Авентрод и ужасный Видольф, которого все время держали на привязи,

потому что в ярости он начинал крушить все вокруг себя. Когда великий Гертнит умер, он разделил свои земли между тремя сыновьями. Озантрикс получил во владение земли вилькинов, Вальдемар стал править Русью, а Илиас занял важный пост при византийском императоре. Самый старший из братьев добивался руки прекрасной Оды, дочери Мелиаса, короля гуннов. Он заполучил ее хитростью и коварством, с помощью четырех великанов — сыновей Нордиана. После свадьбы отец Оды стал союзником Озантрикса, но даже вдвоем они не могли остановить дерзких фризов, которые совершали набеги на земли гуннов, грабя и опустошая все на своем пути. Мелиас был стар и слаб, а вилькины жили так далеко, что их помощь приходила слишком поздно. Возглавлял набеги могущественный витязь, известный как Этцель, или Аттила, как его еще называли. Он был сыном фризского вождя Озида, но после смерти отца власть над Фрисландией перешла к его брату Ортниту, а он был вынужден скитаться по миру, не имея за душой ничего, кроме доспехов и доброго меча. Но фризы — отважный и воинственный народ. Многие из них примкнули к юному герою и сопровождали его в походах на соседние земли. После смерти Мелиаса его нотабли выбрали королем своего бывшего врага — отважного Этцеля. Так вождь налетчиков стал защитником и покровителем земли, которую он грабил и опустошал.

— Да, — промолвил Рюдигер, — все это правда. Но есть еще кое-что. Король Этцель хотел жениться на Эрке, дочери Озантрикса, вождя вилькинов. Он отправил меня послом к ее отцу, где меня поначалу приняли очень приветливо, но, когда я рассказал о своей миссии, он очень рассердился и сказал, что никогда не даст согласия на этот брак, поскольку Этцель не по закону стал королем гуннов. А что до него самого, то свою корону он получил по праву, так как женат на дочери Мелиаса. Он не испугался, когда я пригрозил ему войной, а пожелал мне счастливого пути. Этцель вторгся в его страну с большим войском, и, когда

после большого кровопролития мир был наконец восстановлен, ни та ни другая сторона не получила значительно-го преимущества.

Год спустя я вернулся с отрядом храбрецов в специально построенный для меня укрепленный замок в Фалстервуде. Я изменил свой облик, нацепил длинную фальшивую бороду и снова явился к Озантриксу. Представившись верным слугой покойного короля Мелиаса, я сказал, что вынужден искать у Озантрикса защиты, поскольку король Этцель обошелся со мной несправедливо и лишил меня моих земель. Он проникся ко мне доверием и отправил меня с посланием к своей дочери Эрке. Я рассказал девушке, как сильно любит ее Этцель и как бы он хотел разделить с ней свою власть и славу. Сначала она очень рассердилась, но потом согласилась выйти за него замуж.

Однажды лунной ночью я, взяв с собой оседланных коней, подъехал к воротам крепости, где ее держали взаперти вместе с младшей сестрой, взломал запоры и увез обеих принцесс. Нас преследовали, но мы успели добраться до замка в лесу, где нас ждали мои люди. Я едва успел послать гонца к Этцелю, как Озантрикс обрушился на нас со всем своим войском. Он осадил нашу крепость и похитил принца, но нам удалось продержаться до тех пор, пока Этцель не явился с огромной армией и не заставил вилькинов отступить. Но Озантрикс снова собрал большую армию и вторгся в наши земли, обращая наших людей в рабство. С ним вместе великаны — сыновья Нордиана, что сеют ужас среди нашего войска. И теперь, благородный Дитрих, Этцель просит тебя прийти ему на помощь.

— Ах, если мой верный товарищ Вильдебер поедет со мной, — воскликнул Виттиг, — вы вдвоем разделаемся с великанами!

Дитрих обещал свою помощь и отдал приказание готовиться к походу. Бернские витязи прибыли как раз вове-

мя, когда две армии стояли друг напротив друга в боевом порядке. Сражение началось.

Дитрих и его люди заняли положение в центре войска. Знамя Амелунгов в руках у Гербранда гордо реяло над их головами, и Виттиг смело ринулся в схватку. В ходе боя он сошелся со свирепым великаном Видольфом, и тот огрел его по голове своей железной дубиной. И хотя шлем работы Виланда не треснул, но от страшного удара верхушка, сделанная в форме дракона, погнулась, а сам герой свалился с лошади и без чувств упал на землю. Тяжеловооруженные всадники, рвавшие в бой, проскакали мимо, и лишь один только Хайме придержал поводья. Он посчитал, что Виттиг уже мертв, и вынул из его руки меч Мимунг. Когда яростное сражение закончилось, вилькины отступали, и гунны преследовали их в поисках добычи. Гертнит, племянник Озатрикса, прибыл на поле битвы слишком поздно. Он не смог спасти своего дядю от поражения, но он нашел Виттига, еще не оправившегося от бесчувствия, и взял его в плен.

Победители пировали в Зузате и радовались удаче, но Дитрих был грустен: шестьдесят его людей остались на поле боя, и среди них его верный друг и старый товарищ Виттиг. Тщетно искали его на поле битвы. Оставалось только гадать, что с ним случилось. Когда бернский витязь, щедро вознагражденный королем Этцелем за помощь, стал готовиться к отъезду, Вильдебер подошел к нему и попросил разрешения остаться, потому что он не может и не хочет возвращаться домой без Виттига. Дитрих с радостью разрешил, поскольку в глубине души продолжал надеяться, что Виттиг еще жив и его другу удастся его отыскать.

На следующий день Вильдебер отправился на охоту и убил огромного медведя. Он снял с него шкуру, отнес ее менестрелю Изунгу и договорился с ним о плане, как вызволить Виттига, если он попал в плен к Озатриксу. Изунг помог ему натянуть шкуру на доспехи и аккуратно закре-

пил ее, а затем повел его под видом ученого медведя в крепость вождя вилькинов.

В те времена бродячие музыканты и скоморохи были желанными гостями в каждом замке, поэтому Изунга с его медведем приняли с распростертыми объятиями.

Озантрикс от всего сердца смеялся, глядя, как ловко медведь пляшет под звуки скрипки, и даже свирепый великан Видольф, которого вел на цепи его брат Авентрод, смеялся первый раз в своей жизни, да так, что стены дрожали от его смеха. И тут вдруг король придумал новое развлечение: он решил натравить на медведя двенадцать охотничьих собак, чтобы посмотреть, насколько он силен.

Напрасно Изунг умолял короля не устраивать жестоких игр, клянясь, что его ручной медведь для него дороже всего золота, что лежит в королевской кладовой, но Озантрикс был неумолим. С цепи спустили огромных собак, и варварская травля началась. Однако, ко всеобщему изумлению, медведь разорвал и затоптал всех собак.

Рассерженный Озантрикс вскочил на ноги, выхватил меч и рассек плечо медведю, но доспехи, спрятанные под шкурой, спасли герою жизнь. И тут медведь выхватил меч из рук короля и размозжил ему голову. Следующим ударом Вильдебер покончил со свирепым Видольфом, а третьим — с его братом Авентродом. Изунг верно стоял рядом со своим другом, когда вилькины попытались отомстить за смерть своего короля. Но придворные вскоре в ужасе разбежались, испугавшись менестреля и его дикого зверя.

Тогда Вильдебер сбросил медвежью шкуру и снял шлем с одного из великанов. Теперь, во всеоружии, можно было отправляться на поиски Виттига. Герои обыскали весь дворец. Они нашли верного коня Виттига — Скемминга и его доспехи, но ни самого витязя, ни его меча Мимунга нигде не было видно.

Наконец они обнаружили его в темном сыром подземелье, прикованного цепями к стене рядом с юным принцем. Виттиг так исхудал и побледнел, что его трудно было узнать. Но свежий воздух, доброе вино и хорошая пища быстро поставили его на ноги. Он надел доспехи и с грустью взял другой меч, заметив, что ни один меч на свете не сравнится с Мимунгом.

— Давайте поскорее уберемся отсюда, — сказал Изунг, — пока вилькины не вернулись.

Тогда они с Вильдебером нашли себе коней в королевских конюшнях и втроем ускакали прочь.

— Воистину, — вскричал король Этцель, когда услышал эту историю, — вы храбрые воины. Вы оказали мне большую услугу и втроем, без посторонней помощи, положили конец войне. Повелитель Берна богаче меня, потому что его дружинники готовы рисковать своими жизнями ради товарищей по оружию.

Он продержал героев у себя несколько дней, пока они не восстановили силы, а потом отпустил домой с богатыми подарками.

Дитрих был вне себя от радости, когда увидел своих смелых воинов живыми и здоровыми, и оказал им всякие почести, но, заметив, что верного Виттига не радует вино и яства, спросил его о причине его печали. И Виттиг ответил, что горюет о потере верного меча Мимунга — лучшего отцовского подарка, и что готов всю землю обойти, только бы его отыскать.

— Сдается мне, что тебе нет нужды ходить так далеко, — ответил король. — Я не мог не заметить, что меч Хайме как две капли воды похож на работу Виланда.

Разговор был прерван прибытием двух витязей в богатых доспехах — послов от дяди Дитриха, императора Эременриха. Император послал их сказать, что его вассал — ярл Римштайн, хозяин большого феода, взбунтовался против него и он просит племянника прийти к нему на выручку. Дитрих обещал императору свою помощь.

Поход против Римштайна

Перед отъездом Виттиг сказал, что не может отправиться в Римштайн без своего меча, но Хайме отказался его отдать, утверждая, что теперь он принадлежит ему по праву, как военный трофей. Король смягчил ситуацию, предложив Хайме одолжить меч товарищу на время военной кампании.

Витязи двинулись в путь. Мятежный ярл оказался более серьезным противником, чем представлялось вначале: неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, а замок его стоял столь же несокрушимо, как и раньше.

Однажды лунной ночью, когда Виттиг вышел из лагеря один, он встретил воинов с неприятельской эмблемой на щитах. Они сразились, и Виттиг убил их предводителя. Его меч Мимунг рассек врага пополам от шеи до пояса. Оставшиеся пятеро в ужасе бежали, как если бы сама судьба гналась за ними по пятам. Осмотрев убитого, Виттиг обнаружил, что это не кто иной, как сам ярл, поэтому он вернулся в лагерь очень довольный. На следующее утро он рассказал Дитриху и его товарищам о ночном происшествии и о том, что война теперь закончена.

— Геройский подвиг, ничего не скажешь! — насмешливо воскликнул Хайме. — Убить беззащитного старика — все равно что убить женщину. Однако теперь я хочу получить назад Мимунг, поскольку я отдал его только для этого предприятия.

— Сначала я испытаю его на тебе, подлый предатель! — вскричал оскорбленный Виттиг. — Ты оставил своего товарища по оружию умирать на чужбине, да еще в придачу ограбил. Но сейчас ты заплатишь за свои гнусные дела.

Хайме выхватил свой меч Нагелринг, и схватка была бы неминуемой, если бы Дитрих не бросился между рассерженными витязями и не приказал им немедленно помириться.

Эрменрих очень обрадовался, узнав о победе Виттига и о том, что война теперь закончена. Он осыпал Дитриха и его людей богатыми подарками, попросил племянника отпустить Виттига, чтобы тот мог жениться на красавице Больфриане, воспитаннице императора, и вступить во владение ее богатым феодем Драхенфельцом. Дитрих был рад, что его старому товарищу выпала такая удача, и, расставаясь, он только напомнил ему о данной им клятве верности, и тот еще раз ее подтвердил.

Вскоре после этого Виттиг женился на Больфриане и получил от императора большой феоде Драхенфельц, простирающийся до Фритилабурга и далеко за восточные горы. Он стал могущественным вождем, как и обещал отцу. Хайме тоже после смерти своего отца Студаса перебрался ко двору Эрменриха и присягнул своему новому господину. Он тоже получил от императора во владение обширные земли, а кроме того, много червонного золота, которое он ценил превыше других даров.

ГЛАВА 7

Гарлунги

Эрменрих правил богатой и могущественной империей. Его земли простирались на восток и на запад, и многие короли признавали себя его вассалами. Его советники были мудры и проницательны, и их советы всегда приносили пользу императору. Главой советников был маршал Зибих, а помогал ему в этом трудном деле королевский управляющий Рибштайн. Они использовали все свое влияние на императора, чтобы не дать ему расторгнуть союз с его племянником, королем Бернским, славе которого император в глубине души завидовал. Но вскоре в политике Рима наступили важные перемены.

У Зибиха была молодая и красивая жена. Он очень любил ее. Однажды Эрменрих отправил своего советника в дальнее путешествие, а сам подло воспользовался его отсутствием. Когда маршал вернулся и услышал от плачущей жены о коварстве императора, сердце его наполнилось яростью. Он уже наточил кинжал, чтобы убить своего врага, но сдержался, потому что придумал более изощренный способ мести. Он решил заставить императора погубить всех членов своей семьи и тем самым лишить его всех союзников, а уж потом подослать убийцу к нему самому. Сам дьявол позавидовал бы его хитрости и коварству.

Первым делом Зибиху нужно было заручиться поддержкой Рибштайна, и для этого ему пришлось посулить своему помощнику щедрое вознаграждение. Поскольку алчность была слабым местом Рибштайна, то он легко согласился. После этого Рибштайн согласился написать императору от имени герцога Тосканского, графа Анконского, князя Миланского и других письма с предупреждением, что его сын Фридрих планирует против него заговор.

Совершить это злое дело было очень легко, поскольку у Рибштайна были копии гербов и печатей всех знатных людей империи. Подозрительный от природы Эрменрих сразу же угодил в расставленную для него ловушку. Он спросил у Зибиха совета, что ему делать в подобном случае, и лжесоветник предложил ему послать принца Фридриха к ярлу Рандольту и дать ему письмо, якобы с требованием дани, что ярл задолжал императору. Но на самом деле вложить в письмо приказ убить принца. Император так и сделал, а Зибих позаботился, чтобы об этом стало известно всем и каждому. По стране прокатился крик ужаса, и Эрменриха дружно возненавидели.

Регинвальд, его второй сын, встретил свою смерть при других обстоятельствах: он утонул, когда вышел в море на гнилом судне, когда отец отправил его с посольством в Англию.

Оставался еще один, третий, сын — Рандвер. Это был красивый благородный юноша, совершенно лишенный хитрости и коварства. Однако это его не спасло. Однажды во время охоты он по простоте душевной у всех на глазах преподнес своей молодой мачехе Сванхильде букет цветов, и Эрменрих, чью душа была отравлена вероломным Зибигом, приказал его повесить, а Сванхильду затоптать лошадьми. Его приказание было выполнено. Теперь он остался один на целом свете, бездетный старик.

— Ну что ж, Рибштайн, — сказал маршал своему общнику. — Пока все идет отлично. У императора не осталось наследников, кроме Дитриха Бернского и Гарлунгов — Имбреке и Фрителе, что живут в Бризах на Рейне со своим опекуном Эккехартом. И Гарлунги, и бернский витязь — сыновья его братьев. Ты родом не из Рима, поэтому я расскажу тебе, как было дело.

— У отца Эрменриха кроме него было еще двое сыновей: Дитмар, отец Дитриха, он получил королевство Ломбардию, и Дитер, по прозвищу Гарлунг, который еще при жизни своего отца получил во владение Бризах и клад червонного золота. А теперь послушай. Если мы избавимся от Гарлунгов и героя Берна, то сможем поделить наследство Эрменриха между собой.

При этих словах Рибштайн подпрыгнул от радости, как рыба выпрыгивает из воды в солнечный день. Он никогда раньше об этом не задумывался, но быстро сообразил, что от него требуется, и принялся плести злые козни.

Сначала надо было сделать так, чтобы Гарлунги попали под подозрение. Для этого были состряпаны поддельные письма от Имбреке, Фрителе и даже их наставника Экхарта к нотаблям империи, в которых преступления Эрменриха описывались в самом мрачном свете. Среди прочего там писалось: «Поскольку наш сеньор в своей чудовищной жестокости убил даже собственных детей, он сам должен быть повешен на самой высокой виселице». Прочтя эти слова, император пришел в такой гнев, что распорядил-

ся собрать армию и пойти войной на мятежных племянников.

Император созвал войска, но никто не знал, против кого намечен поход. Армия двинулась в сторону Рейна, пока не подошла к Траленбургу — городу, принадлежавшему Гарлунгам, где в то время и жили братья. Двое всадников проезжали по берегу реки с дозором. Увидев вооруженных людей, они вплавь переправились на другой берег и подняли тревогу, поэтому Эрменриху не удалось застать племянников врасплох. Хотя Имбреке и Фрителе не были новичками в военном деле, они тем не менее были очень молоды, а Эккехарта, их опекуна, государственные дела задержали в Бризархе. Когда Гарлунги увидели знамена своего дяди, они решили, что опасность миновала, но вскоре на свое несчастье узнали, что Эрменрих пришел не как друг, а как враг. Виттиг и Хайме были в армии императора, но, узнав, в чем дело, они оставили войска и поскакали в Бризарх, чтобы предупредить верного Эккехарта. Путешествуя вдвоем, они позабыли свои распри и снова стали добрыми друзьями.

В конце концов император поджег Траленбург и взял его штурмом. Даже не поговорив со своими племянниками, Эрменрих приказал построить виселицу и сразу же повесить обоих братьев. В те времена слово могущественного монарха было законом, и подданные повиновались ему беспрекословно. Теперь Эрменрих овладел землями Гарлунгов и отправил своих людей на поиски богатого клада, что казненные им принцы унаследовали от своего отца. В конце концов его нашли спрятанным в пещере. Император щедро наградил своих воинов, а оставшиеся сокровища присвоил.

Тем временем Хайме вернулся. Он собирался высказать в лицо своему сеньору все, что думает о его злодействах, и отказаться от своего феода, но, получив большой кусок добычи, он забыл о своих благих намерениях. Ему доверили доставить сокровища в Рим, но, когда он

увидел груды золота и драгоценных камней, то постарался сделать так, чтобы значительная часть клада оказалась в его замке в Студе, а не в Риме.

Тем временем отовсюду стали раздаваться громкие и яростные проклятия в адрес императора. Эккехарт принес весть о судьбе, постигшей Гарлунгов, в Берн, и, услышав об этом, Дитрих пришел в ярость. Он сказал, что когда-нибудь заставит Эрменриха заплатить за это преступление и накажет его подлых советников — Зибиха и Рибштайна. Горячие молодые витязи Альфар и его брат Зигстаб хотели поехать с Эккехартом, чтобы отомстить за убийство, но их отец Амелот и учитель Гильдебранд убедили их подождать.

— Ну что ж, отложить — не значит отказаться, — сказал Альфар своему брату, кладя руку на меч.

А в это время Зибих и Рибштайн держали совет, что же им делать дальше.

— Еще один камень убран с дороги, — сказал Зибих. — Теперь нам надо подыскать рычаги посильнее, чтобы справиться с глыбой, что лежит у нас на пути.

Сообщники понимали: нужно действовать осторожно и не торопить события, но душа императора была омрачена преступлениями. Стоило ему остаться в одиночестве, его начинали преследовать призраки загубленных им людей. Чтобы заглушить голос совести, ему нужны были все новые и новые впечатления. Советники императора предпочли бы привлечь на свою сторону как можно больше сподвижников Дитриха, прежде чем объявлять ему войну, но Эрменрих не позволял им ждать.

Первым шагом они потребовали от Дитриха Бернского уплаты дани. Рейнальд Миланский был послан в земли Амелунгов для сбора податей. Через несколько недель он вернулся с пустыми руками: по его словам, нотабли отказались платить, сославшись на то, что они уже уплатили королю Бернскому. А Дитрих попросил передать убийце Гарлунгов, что пусть тот сам придет и возь-

мет то, что ему причитается, а он, Дитрих, намерен уплатить ему копьем и мечом.

Эрменрих послал в Берн Хайме и поручил ему сказать Дитриху, что, если тот не заплатит налоги, он придет за ними и повесит племянника на самой высокой виселице.

Хайме приняли в Берне как дорогого гостя. Дитрих сначала подумал, что старый товарищ приехал в память о былой дружбе, но, когда тот передал послание императора, бернский витязь спросил его, помнит ли он клятву верности. На что Хайме ответил, что честно служил герою Берна, но теперь он вассал императора, который дал ему земли и богатство. Теперь он теперь обязан за это службой. С этим и уехал.

Прошло совсем немного времени после отъезда Хайме, когда явился Виттиг. Он прискакал к воротам замка.

— К оружию, друзья, к оружию! — вскричал он. — Нельзя терять ни минуты. Сюда идет Эрменрих с бесчисленной армией. Я поскакал вперед, чтобы предупредить вас. Вероломный Зибих хочет застать вас врасплох, а тот, кто попадет к нему в руки, — считай, покойник.

Дитрих напомнил ему о данной когда-то клятве, но тот, как и Хайме, попросил не держать на него зла и уехал.

Похоже, норны сплели паутину несчастий вокруг бернского героя. Один удар обрушивался на него за другим. После разговора с Виттигом он поспешил к постели больной королевы Виргиналь. Всю ночь он был рядом с ней, а наутро она умерла у него на руках. Горечь потери была так велика, что лишила Дитриха его обычной решимости. Однако Гильдебранд не бездействовал. Он призвал всех вассалов с дружинами со всех земель Амелунгов. В ночь накануне смерти королевы многие союзные князья с дружинами пришли в Берн. Среди них был Берхтунг из Пола, в Истрии, и верный друг короля — Дитлиб Штирийский со своими дружинами. Наутро старый учитель пришел к королю и сказал, что пришло время сражаться за свою землю и народ. Усилием воли Дитрих взял себя в руки. Он

запечатлел на губах мертвой жены последний поцелуй и вышел навстречу великой битве.

Император уже подчинил герцога Сполето и продвинулся на север до Милана. Там его армия встала лагерем, и, не ожидая нападения, его люди легли спать. В это время подошел Дитрих со своей дружиной. Пока остальные отдыхали, Гильдебранд поскакал вперед, посмотреть, как охраняется лагерь противника. Увидев, что враг не готов к обороне, Гильдебранд посоветовал немедля атаковать.

Императорское войско было внезапно разбужено боевым кличем: «Вперед, Берн! Вперед, красный лев!» Воины спешно схватили оружие, готовясь к сражению, и битва началась. Противник превосходил их числом, но это не смутило Дитриха и его соратников: они дрались лишь отчаянней. Да и кто бы смог отступить, имея такого предводителя!

Вольфхарт крикнул:

— Умирать, так не понапрасну! Отбросим щиты и возьмем мечи обеими руками!

Так он и сделал, и Зигстаб и Эккехарт последовали его примеру.

Виттиг и Хайме сражались храбро, как в былые дни, но они старались не встречаться со своим бывшим вождем, и в конце концов они были увлечены в другое место сражения, поскольку Гильдебранд обошел императорские войска с фланга.

Эрменрих вернулся в Рим в дурном настроении. Сначала он хотел повесить Зибиха и Рибштайна за то, что по их вине попал в такую переделку, но сдержался, потому что не представлял себе, что будет делать без них.

Добытые в Милане сокровища Дитрих послал домой, в Берн, под охраной своих верных соратников. Берхтунг из Полы раздобыл лошадей, чтобы везти повозки. Конвой двигался спешными переходами, но, когда они дошли до озера Гарда, увидели звезды, отражающиеся в глади воды, и услышали шум водопада, Амелот решил, что в землях

Вюльфингов им уже не нужно бояться грабителей. Решено было устроить привал. Усталые люди с радостью поддержали такое предложение. Отужинав провизией из своих запасов, они вскоре уснули на мягком ковре из торфа. Гильдебранд и еще несколько человек собирались не спать, но усталость брала свое, и вода журчала так убаюкивающе, что вскоре они тоже уснули спокойным сном.

Однако пробуждение их было ужасно. Им в лицо скалились отвратительные рожи грабителей, сильные руки связали их, всюду раздавался презрительный смех. Четверо воинов, успевших схватить мечи, были заколоты. Остальные связаны и унесены вместе с сокровищем.

Очень скоро в Берне узнали, что их товарищи попали в руки вероломного Зибиха. До него дошли сведения о перевозке сокровищ, и тогда он доставил свои войска по морю к Гарде, устроил засаду у озера, напал на спящих витязей и захватил их в плен. Так храбрые воины стали жертвами хитрости и подлости.

Лишь одному человеку удалось избежать плена — Дитлибу, герою Штирии. Он спал в кустах, чуть дальше остальных. Услышав шум, он вскочил на ноги, заколол нескольких нападавших, взлетел в седло и помчался в Берн с печальным известием. Там он нашел всех в унынии, поскольку Эрменрих снова вторгся в страну, занял Милан, Равенну и Мантую, и, что хуже всего, многие из людей Дитриха оставили его и переметнулись на сторону императора.

Витязи, которые остались верны своей клятве, намеревались умереть со своим государем, если это понадобится, но их было мало. Дитрих послал Эрменриху послание, что он готов обменять захваченных им пленников на своих товарищей, и получил ответ, гласивший, что он может делать со своими пленниками все, что ему вздумается, — его друзья, находящиеся в руках императора, все равно будут повешены. Страшное горе постигло Дитриха.

И тогда благородная Ута, жена Гильдебранда, вместе со своими дамами пришла в лагерь неприятеля и пред-

стала перед Эрменрихом. Она предложила им в обмен на пленников все свои украшения и даже украшения всех женщин Берна. Но Эрменрих насмешливо ответил, что все их драгоценности и так принадлежат ему и что, если Дитрих хочет спасти своих товарищей, они должны покинуть страну как нищие, пешком, ведя коней под уздцы.

Жена Гильдебранда не снесла такого известия. Она упала на колени перед императором, но тут же поднялась, сказав, что герои Берна и их жены не страшатся смерти и никогда не покинут своей страны в бесчестье. В глубокой печали женщины покинули лагерь.

Услышав горестную весть, Дитрих долго раздумывал, как поступить. Ему не раз случалось побеждать превосходящего противника, но вдруг на этот раз удача от него отвернется? Да и как может он позволить, чтобы его дорогой учитель Гильдебранд, благородный Берхтунг, смелый Вольфхарт, Амелот, Зигбанд, Гельмшрот и Линдхольт умерли позорной смертью? Нелегко далось ему это решение. Но в конце концов пришлось смириться с неизбежным. Он согласился на условия Эрменриха.

Товарищи Дитриха были выпущены из тюрьмы, им вернули коней и оружие, а потом они и еще несколько верных душ, общим числом сорок и три, отправились вместе со своим государем в изгнание. Никто в Берне не мог сдержать слез, глядя, как король покидает город. И даже в чужих землях о невзгодах Дитриха говорили скрепя сердце.

Герои не сели на лошадей, даже когда вышли за границы владений императора: король шел вперед, не обращая внимания на крутые горные дороги. Маленькая горстка смельчаков прошла по прекрасным дунайским землям и достигла наконец Бехларена, где был двор маркграфа Рюдигера. Там их встретили как братьев.

Прожив какое-то время в Бехларене, Дитрих не преставал сравнивать свой покинутый дом со счастливой

страной, что видел он вокруг себя. Однажды он сказал со вздохом, что вокруг него такое спокойствие и благодушие, что он бы предпочел остаться здесь навсегда и забыть о своих врагах.

Вольфхарт пылко упрекнул его за такие слова, добавив:

— Если ты не хочешь возвращаться, то я вернусь один и буду сражаться с врагами до последней капли крови.

— Не так быстро, юноша, — ответил ему маркграф. — Король Этцель помнит о помощи, что вы ему однажды оказали. Едемте в Зузат, ко двору короля, и я уверен, он поможет вам вернуть земли Амелунгов.

ГЛАВА 8

Король Этцель, Вальтер и Хильдегунда

Когда Этцель стал королем гуннов, он сделался самым могущественным из всех вождей, но это не утолило его жажду власти. Он собрал большую армию и обрушился на земли франков, требуя дани и угрожая в противном случае разорить страну. Франкский король был не готов к обороне, поэтому он заплатил большой выкуп и послал к Этцелю в качестве заложника юного Хагена из Тронье. Своего сына он отправить не мог, поскольку тот был еще младенцем.

Затем гунны напали на Бургундию, где они также получили дань и взяли в заложники дочь короля Хильдегунду, девочку четырех лет от роду. Удача сопутствовала им и против короля Аквитании Альфара, который заплатил им червонным золотом и отпустил с ними своего юного сына Вальтера.

Хаген и Вальтер выросли великими воинами. Гунны научили их ездить на лошади, метать копье и сражать-

ся, как германцы. Никто не мог победить их в поединке. Хильдегунда стала настоящей красавицей и любимицей королевы. Время шло, молодые люди стали взрослыми, и Гельха посоветовала своему мужу женить Хагена и Вальтера на девушках из знатных гуннских семейств, чтобы еще больше привязать их к себе и стране, ставшей им родиной, но юношам были не по душе гуннские красавицы. Вальтеру гораздо больше нравились светлые кудри, голубые глаза и розовые губки стройной Хильдегунды, и ей он казался гораздо привлекательней колченогих гуннов, которых прочила ей в мужа королева.

Тем временем франки и бургунды сбросили иго гуннов, и Этцель уже не решался выдвигать им свои требования. Пришло время, и Хаген понял, что произошло. По одним сведениям, он сбежал и вернулся к своему народу, по другим, его с почетом проводили домой. Однако Вальтера Этцель никак не хотел отпускать, поскольку знал его силу и доблесть.

Однажды король с дружиной вернулся с войны: он разгромил вторгшихся в его страну захватчиков и устроил по этому случаю большой пир. В самый разгар веселья он попросил Хильдегунду спеть ему песню. Девушка повиновалась и запела о прежних днях в родном краю и о том, что когда-нибудь придет долгожданный герой и увезет ее туда. Этцель не понял смысла песни — слишком уж много кубков он осушил к тому времени, но королева Хельга не пропустила это мимо ушей и решила следить за девушкой и Вальтером, чтобы они не сбежали.

Вальтер тоже понял намек и вскоре нашел способ устроить им с Хильдегундой побег.

— Не ложись сегодня спать, — прошептал он ей как-то вечером. — Когда все уснут, спустись в сокровищницу и возьми из седьмого сундука столько серебра и золота, сколько сможешь. В этом сундуке хранится дань, которую наши отцы заплатили гуннам. Положи сокровища в два ларца и спускайся с ними в главный зал. Я буду

ждать тебя у ворот с двумя оседланными лошадьми. Прежде чем пьяные гунны успеют сообразить, в чем дело, мы будем уже далеко.

Они сделали все, как задумал Вальтер, и вскоре добрались до Бехларена, потом до Рейна и, наконец, до гор Вогезов, и на самой высокой из них — Вазгенштейне — отыскали пещеру с таким узким входом, что один человек мог бы оборонять его против целой армии. Вальтер хотел немного отдохнуть, поскольку совсем не спал во время их долгого путешествия, поэтому он попросил девушку посторожить, чтобы их не застигли врасплох. Но только он уснул, как Хильдегунда заметила вдалеке сверкающие на солнце доспехи. Она разбудила его и сказала, что гунны напали на их след.

— Это не гунны, а бургунды, — ответил он, поднимаясь на ноги.

Они оказались посланниками короля Гунтера. Он требовал, чтобы сокровище отдали ему. Вальтер предложил ему щит, полный золота, но тот отказался, решив, что добудет богатства силой. Но нападающие могли приблизиться к нему только по одному, поэтому юный витязь, овладевший у гуннов искусством бросать копьё, убивал их этим оружием, а если кому-то удавалось подойти к нему вплотную, то — мечом. Хаген был вместе с людьми Гунтера, но он не вмешивался в сражение, и, когда он увидал, что его друзья гибнут один за другим, рука его потянулась к мечу. Но Хаген не достал его из ножен. Он вернулся к королю и посоветовал ему устроить засаду.

На следующий день, когда Вальтер и Хильдегунда продолжили свое путешествие по открытой местности, на них напали двое воинов в доспехах, выскочивших на них из-за кустов. Это были Хаген и король Гунтер. Вальтер не пожелал спастись бегством и спрыгнул с лошади. Его противники тоже спешили. Вальтер с необыкновенной ловкостью отбивал удары, сыпавшиеся на него с двух сторон, и в конце концов он разрубил своим мечом поножи коро-

ля Гунтера и ранил его до кости. Встав над поверженным королем, он уже намеревался нанести последний удар, но тут Хаген рассек ему правую руку своим мечом. И тогда Вальтер левой рукой выхватил кинжал и метнул его Хагену прямо в глаз. Увидев, что все трое ранены, Хильдегунда уговорила их прекратить схватку и перевязала им раны, после чего ее и Вальтера отпустили с миром. Они без дальнейших приключений добрались до Аквитании и там поженились. Потом Вальтер сражался вместе с бургундами и Эрменрихом: мы помним, что Дитлиб вызывал его на бой под Римом.

ГЛАВА 9

Этцель и Дитрих против русских

Но теперь мы должны вернуться к Дитриху и Этцелю. Когда герой Берна попросил у Этцеля помощи, чтобы освободить землю Амелунгов от тирании узурпатора, оказалось, что король гуннов не может ее оказать: руки у него были связаны собственными войнами.

Король руссов Вольдемар, брат убитого Этцелем Озантрикса, вторгся во владения гуннов и грозил стране разорением. Получилось так, что Этцель сам нуждался в помощи Дитриха, и тот сразу же согласился эту помощь оказать.

Война длилась много времени. Много воинов полегло в сражениях, и множество цветущих земель превратилось в пепелища прежде, чем удалось изгнать захватчиков. Дитрих и сам был так тяжело ранен, что нескоро к нему вернулись прежние силы. За время войны случилось одно событие, при воспоминании о котором честный маркграф Рюдигер неизменно испытывал чувство стыда и сожаления: однажды Этцель бежал от Вольдемара, тем самым показав, что считает того лучшим воином. И конечно, все

понимали, что победой над руссами они в значительной степени обязаны воинскому умению и полководческому таланту Дитриха Бернского.

Этцель преследовал врагов в их собственной стране и принудил их выплачивать ему дань.

Дитрих с тех пор пользовался у гуннов большим почетом, но они не видели для себя никакой пользы в том, чтобы помочь ему отвоевать его собственные земли, и это глубоко его печалило. Наконец королева Гельха придумала, как его развеселить. Она предложила ему в жены свою племянницу — прекрасную Геррату, а вместе с ней и принадлежавшую ей богатую землю — Трансильванию. Дитрих и Геррата не возражали против этого брака, и вскоре состоялась свадьба. Но Этцель напрасно считал, что теперь Дитрих удовлетворится ролью вассала гуннской империи. Не таков был Дитрих Бернский и не такова была Геррата! В конце концов Этцелю пришлось дать Дитриху обещанное ему войско.

Битва при Равенне

— Идем на Берн! Дитрих идет на Берн! Мы будем воевать в Ломбардии!

Этот клич пронесся по всем землям гуннов.

Да, Дитрих вместе со своими храбрыми товарищами, старыми и новыми, действительно возвращался во главе большой армии. Даже сыновья Этцеля, совсем еще мальчишки, настояли на том, чтобы их взяли в поход. Идти предстояло через высокие горы и прекрасные равнины Ломбардии. Амелот и Гильдебранд во главе Вюльфингов взяли штурмом крепость Гарду. Гильдебранд не стал дожидаться, пока его жена Ута и сын Гадубранд вернутся в замок, и присоединился к остальному войску. Вместе со всеми он участвовал в осаде Падуи, которую Дитриху так и не удалось покорить. В это время до них дошли слухи, что жите-

ли Берна изгнали людей Эрменриха, и, оставив Падую, Дитрих двинулся к Берну.

Наконец-то герой вернулся в свою любимую столицу, где он был встречен всеобщим ликованием. Но долго отдыхать ему не пришлось: через несколько дней к нему явился посланник от равеннского герцога Фридриха. Он сообщил, что император Эрменрих осадил город и герцог просит о помощи. Войско бернцев быстрым маршем преодолело расстояние между городами и неожиданно появилось в тылу у императорской армии.

Не было нужды выслать разведчиков. За каждым деревом притаился враг. Дитрих спросил своих соратников, кто вызовется захватить передовые позиции врага, и юный Альпхарт, приемный сын госпожи Уты, предложил свои услуги. Другие тоже хотели исполнить это поручение, но он был первым, и поэтому доверили ему.

Смерть Альпхарта

Юный витязь поскакал навстречу врагу. Внезапно на него обрушился град стрел и копий. Стрелы стучали по шлему и щиту, но не причиняли герою никакого вреда: на нем были волшебные доспехи, скованные карликами. Вражеский предводитель поскакал ему навстречу и предложил ему сдаться. Он сказал юноше:

— Для тебя нет никакого позора в том, чтобы отдать мне свой меч, ибо я — герцог Вюльфинг. Я верну его тебе, как только ты заплатишь выкуп.

— Что? — воскликнул герой. — Ты и есть тот самый герцог Вюльфинг — предатель своего народа? Ты получишь свою плату из моих рук прямо сейчас.

Поединок был недолгим. Альпхарт почти сразу прикончил противника. Когда соратники герцога бросились на него, чтобы отомстить, юный герой убил половину из них, а другую половину обратил в бегство.

— Это нечистый дух сражается за Дитриха! — закричали дружинники. — Он в одиночку положил больше пятидесяти человек, и мы едва спаслись.

— Разве вы не знаете, что герой Берна — сын дьявола? — последовал ответ. — Так стоит ли удивляться тому, что отец пришел на выручку своему сыну. Никто из смертных не может тягаться с таким противником.

— Сейчас мы посмотрим, человек ли он из плоти и крови! — воскликнул отважный Виттиг. — Да будь он хоть духом ада, мне все равно. Я желаю померяться с ним силой.

Он быстро облачился в доспехи и взял меч, не заметив, что это не Мимунг. Хайме, чью жизнь он спас незадолго до этого, выразил готовность пойти с ним и отомстить за него, если он падет в поединке.

Альпхарт узнал их еще издали.

— Два предателя решили испытать судьбу! — воскликнул он.

Юный витязь вступил в сражение с Виттигом, и последний вскоре понял, что взял другой меч, не Мимунг. Он был дважды повержен на землю. В отчаянии он призывал на помощь своего товарища, но Хайме колебался, поскольку считал бесчестным нападать вдвоем на одного. Но когда Альпхарт предложил Виттигу сдаться, угрожая в противном случае прикончить его, Хайме подскочил и прикрыл Виттига своим щитом, тем самым позволив ему снова подняться на ноги. И потом они вдвоем набросились на юного витязя.

Альпхарт двигался легко, и рука его разила без промаха. Он повалил Хайме на землю, но Виттиг пришел ему на помощь, и сражение продолжилось. Все трое были изранены, но наконец Хайме нанес последний смертельный удар.

— Предатели, — прошептал умирающий Альпхарт. — Позор будет преследовать вас до могилы.

Победители покинули поле боя в молчании. Они никому не говорили о том, что случилось, но их залитые кровью доспехи и оружие были красноречивее слов. Среди их сорат-

ников ходили слухи, что они сражались с духом ада и победили, но увидели нечто, навсегда лишившее их покоя.

В лагере бернцев известие о смерти Альпхарта встретили с глубокой печалью. Дитрих готовился к великой битве с императором и отдал распоряжения на случай, если ему суждено пасть в бою.

Битва

Гильдебранд не спускал глаз с противника, но, глядя издали, он не мог разобрать, что происходит на вражеских позициях, и поэтому он решил поехать и осмотреть все сам. Под вечер землю окутал густой туман и скрыл из виду все предметы. Внезапно старый учитель и его спутник Эккехарт услышали топот копыт. Они обнажили мечи и ждали. В ту же минуту луна вышла из-за туч, и в ее свете они узнали Ринольда Миланского, который, хоть и служил Эрменриху, оставался их другом. Они сердечно поприветствовали друг друга, и Ринольд сказал, что Дитриху лучше вернуться в земли гуннов, где ему оказали гостеприимство: император сейчас слишком силен, и свергнуть его невозможно.

Простившись с другом, Гильдебранд внимательно огляделся и заметил лесную тропинку. По ней можно было незаметно обойти императорскую армию. Вернувшись в лагерь, он договорился с Дитрихом, что тот даст ему три дивизии и он, проведя их по тропинке, с первыми лучами зари нападет на неприятеля с тыла. И когда король услышит рог Гильдебранда с другого конца поля, он поведет свои войска в атаку на врага.

И вот, едва лишь взошло солнце, битва закипела. Оба войска сражались с непревзойденной отвагой и доблестью. Если перечислить подвиги, совершенные каждым из героев, то рассказам этим не будет конца. Среди павших в битве было двое сыновей Этцеля, что показали себя достойными славы предков.

В конце дня Дитрих наконец встретил Виттига. Сумерки опустились на землю, когда Виттиг, ведомый своей несчастливой звездой, вместе с Ринопльдом Миланским вернулся на поле боя, чтобы осмотреть передовые позиции. Дитрих издали заметил их и поскакал через долину к вершине холма, где они и встретились. Когда Виттиг увидел, что лицо короля искажено от ярости, а дыхание его такое горячее, что изо рта вырываются языки пламени, им овладел такой страх, какого он не испытывал никогда в жизни. Он повернул коня и поскакал прочь, а Ринопльд за ним следом.

— Трусы, остановитесь! — кричал им вслед Дитрих. — Вдвоем на одного неужели не справитесь?

— Остановимся, — сказал Ринопльд. — Я не могу снести такого позора.

Виттиг повернул, но, как только увидел ужасный лик и огненное дыхание своего прежнего предводителя, он снова пустился в бегство, оставив Ринопльда обороняться одного.

— Стой, предатель! — прокричал Дитрих. — У тебя меч Мимунг, с которым ты однажды победил меня в Берне, чего же ты боишься сейчас?

Но Виттиг все понукал своего коня и безжалостно вонзал ему шпоры в бока, заставляя бежать все быстрее. Дитрих делал то же самое, и его жеребец был резвее боевого коня Виттига. И вот они услышали шум морских волн, бьющихся о берег. Беглец достиг кромки прибоя. Дальше пути не было. И тут из воды поднялись две белых руки и голова прекрасной женщины.

— Прародительница Вахильда, — вскричал он, — спаси меня, укрой от этого исчадия ада!

И с этими словами он бросился в волны. Вахильда приняла его в свои объятия и отнесла в хрустальный чертог на дне моря. Дитрих, не раздумывая, последовал за ним, но конь раз за разом выносил его из бушующей стихии на берег. Король огляделся, но Виттиг пропал. Вокруг не было ничего, кроме пенящихся волн. Печальным вернулся Дит-

рих в лагерь, не найдя ни отмщения, ни смерти, которой искал.

Гунны заявили, что вернутся домой сразу, как только похоронят павших принцев со всеми подобающими почестями. Дитрих принял их решение спокойно. Он все время думал о тех, кто пал в этой битве. Гильдебранд, напротив, изо всех сил старался убедить гуннов закрепить добытую накануне победу, но все его усилия были напрасны. Гунны не желали больше сражаться.

С разбитым сердцем Дитрих вернулся к королю Этцелю, который принял его благосклонно, несмотря на все, что случилось. Бернский витязь погрузился в глубокую печаль и предавался грустным мыслям, пока Геррата, его любящая супруга, не пришла к нему со словами утешения и поддержки. И тогда он воспрянул духом и отправился в Ломбардию вместе со своей королевой.

ГЛАВА 10

Странное приключение

Король, королева и старый учитель покинули двор Этцеля, который был так опечален гибелью своих двоих сыновей, что даже не заметил их отъезда.

Путешественники подъехали к поросшему лесом холму с замком на вершине. Замок принадлежал рыцарю-разбойнику по имени Эльсунг, что всегда был врагом Амелунгов и Вюльфингов. Старый учитель указывал дорогу. Он предупредил короля, чтобы тот не терял бдительности. Не успел он это сказать, как появился сам Эльсунг с отрядом всадников. Рыцарь-разбойник натянул поводья и надменно потребовал, чтобы путешественники отдали ему в качестве дани своих лошадей, доспехи, длинную седую бороду Гильдебранда и прекрасную женщину, что ехала вместе с ними.

— Лошади и доспехи нужны нам самим, чтобы сражаться за земли Амелунгов, — ответил ему Гильдебранд, — а женщину мы не можем отпустить, потому что она готовит нам еду.

— Так, значит, вы Амелунги, — вскричал Эльсунг, — и должны отдать мне свою правую руку и левую ногу в качестве выкупа! Если вы откажетесь, я отниму еще и ваши головы. Так я отомщу за отца, убитого Самсоном.

Герои не удостоили его ответом. Они с таким воодушевлением взялись раздавать направо и налево удары копьем и мечом, что оставшиеся в живых грабители бежали сломя голову, а их предводитель был выбит из седла и связан по рукам и ногам.

Гильдебранд уже собирался привязать его к лошади, когда Эльсунг сказал:

— Если вы служите Эрменриху, то я скажу вам одну новость, которую только что узнал. Братья королевы Сванхильды, которую император приказал разорвать конями, напали на него и отрубили ему руки и ноги.

— Ха! — воскликнул герой Берна. — Хорошие же новости ты нам рассказал. За это мы тебя отпускаем, ты свободен.

Путешественники двинулись дальше, и после еще нескольких приключений они благополучно прибыли в Гарду, где их сначала встретили с подозрением. Но едва только госпожа Ута увидела своего мужа, она сразу же узнала его, несмотря на долгую разлуку, и Гильдебранд наконец встретился со своим отцом, которого он в последний раз видел еще ребенком.

В Берн

Герой Берна был встречен в своем городе всеобщим ликованием. Вскоре он собрал новую дружину. Среди его воинов был храбрый Лодвиг и его сын Конрад, верный Эккехарт и его товариш Хахе. Хайме тоже не остался в сто-

роне. Он отбыл епитимью за свои грехи в монастыре и теперь, услышав, что Дитрих вернулся, поспешил к нему принести клятву верности. Смерть Эрменриха освободила его от прежней присяги.

Армии Дитриха и Зибиха встретились в ожесточенной битве. Дитрих сражался с неизменной доблестью, сметая все на своем пути. Эккехарт и Хахе неустанно искали подлого Зибиха и наконец нашли его среди беглецов, хотя он благоразумно избавился от всех знаков императорской власти, что присвоил себе ранее. Эккехарт схватил его сзади за воротник, забросил на коня перед собой и поскакал обратно в лагерь.

— Я попомню тебе Гарлунгов! — вскричал он и тут же приказал строить виселицу.

Зибих умолял оставить ему жизнь, только жизнь и ничего больше. Он обещал заплатить червонным золотом даже за небольшую отсрочку приговора, но...

— Вспомни о Гарлунгах, — было ему ответом.

И вскоре победа была одержана. Дитрих Бернский вошел в Рим во главе своей армии. И всюду его встречали князя Амелунгов. Они приветствовали его как своего вождя, и вскоре Дитрих был коронован в Риме императорской короной.

Смерть Дитриха

Геррата была верной женой и помощницей. Дитрих был окружен верными друзьями и соратниками, но даже на вершине славы он не мог забыть тех, кто отдал за него жизнь и кому он не мог теперь воздать за их верность.

Его власть была велика. Империя его расширилась, и в ней царили мир и порядок. Но однажды в его пределы вторгся великан, сея на своем пути ужасные разрушения. Хайме выследил его, но пал в битве. Тогда Дитрих сам

вступил в поединок с чудовищем и одолел его. Этот бой стал последним для стареющего героя.

Его жена, благородная Геррата, вскоре заболела и умерла. С того времени его характер изменился. Он стал мрачен и задумчив и совершил много такого, чего не загладишь никаким раскаянием. Единственное, что радовало его как прежде, — это охота. Когда он слышал веселый звук охотничьих рогов, его лицо светлело, улыбка появлялась у него на губах, и он снова становился тем Дитрихом, каким его помнили друзья. Однажды он купался в реке, и к нему вдруг вышел великолепный олень с золотыми рогами. Он прошел по берегу и скрылся в ближайших зарослях. Дитрих выскочил из воды, натянул одежду и потребовал коня и свору гончих. Прежде чем слуги доставили ему желаемое, неизвестно откуда появился огромный угольно-черный жеребец и с громким ржанием подошел прямо к нему. Схватив свой меч и дротики, король торопливо вскочил на коня и поскакал за оленем. Слуги следовали за ним на самых резвых жеребцах из королевской конюшни, но не могли его догнать. Герой скакал все быстрее и быстрее, пока не скрылся из виду.

Подданные ждали его возвращения недели, месяцы, даже годы — и все напрасно. Могучая империя осталась без правителя. В результате разразилась кровопролитная война. Народ мечтал, что он вернется и твердой рукой наведет порядок в своих владениях, но он так и не появился. Говорят, что его предок — Один призвал его к себе и сделал одним из своих диких охотников. Многие путники, застигнутые темнотой, видели его проносившимся мимо на своем угольно-черном жеребце. Во многих землях Германии и по сей день люди видят его во главе дикой охоты.

ПОВЕСТЬ О НИБЕЛУНГАХ

ГЛАВА I

Юность Зигфрида

Давным-давно жил в Нидерландах благородный королевич Зигфрид. Его отец, Зигмунд, происходил из славного рода Вюльфингов, бравшего начало от самого Одина. Его мать Зиглинда не уступала ему знатностью происхождения. Их сын рос необычайно сильным и подвижным ребенком. Они гордились им и надеялись, что, став взрослым, он совершит множество героических подвигов, которые принесут ему славу и почет.

Однако мальчик вскоре осознал свою чудесную силу и стал выказывать своеволие и упрямство. Он не терпел возражений: своих товарищей он избивал до синяков, если им случалось вызвать его неудовольствие, включая тех, кто был гораздо больше его. Чем старше он становился, тем больше ненавидели его сверстники и тем больше волновались родители относительно его будущего.

Наконец Зигмунд сказал королеве, что есть только один способ найти управу на юного бунтовщика: отдать его в подмастерья к кузнецу Миме, жившему в соседнем лесу, чтобы тот научил мальчика ковать оружие, которое послужит ему в будущем, когда он станет воином. Королева дала согласие.

Когда кузнец узнал, чего от него хотят, он согласился взяться за эту задачу, поскольку верил в умиротворяющие свойства тяжелой работы. Прошло несколько лет, и королевич возмужал и стал почти взрослым. Но работа в кузнице была ему скучна, а когда его товарищи пытались его образумить, он избивал их. Однажды дело зашло так далеко, что он протащил самого лучшего ученика — Виланда за волосы к ногам его учителя.

— Это не дело, — сказал Миме, — лучше пойдешь и выкупи себе добрый меч.

Зигфрид давно был к этому готов. Он попросил самого лучшего железа и самый тяжелый молот: такой, что держать его можно было только обеими руками. Миме вытащил из горна самую толстую полоску раскаленного железа, светившегося красным светом, и положил ее на наковальню. Зигфрид взял молот одной рукой, как игрушку, и с такой силой обрушил его на наковальню, что раздался удар, подобный грому, дом вздрогнул до основания, железо разлетелось на кусочки, а наковальня на целый фут ушла в пол.

— Это не дело, — снова сказал мастер, — попробуй-ка подойти по-другому, мой мальчик, если хочешь раздобыть меч себе по руке. Иди к углежогу и принеси мне столько угля, сколько сможешь унести на своих плечах. Тем временем я приготовлю железную болванку, чтобы выковать из нее такой меч, какого еще не было на свете.

Услышав такие слова, Зигфрид так обрадовался, что схватил самый большой топор, какой только мог найти, и отправился в лес. Был чудесный весенний день, пели птички, и в траве были рассыпаны фиалки и незабудки. Он сорвал несколько цветков и заложил за отворот своей кожаной шапки, потому что ему вдруг показалось, что они принесут ему удачу. Он шел все дальше и дальше, пока не зашел в самую чащу, в темный еловый лес. Здесь не слышно было пения птиц, а гнетущую тишину на-

рушало только какое-то бульканье, шипение и рычание, способные напугать душу более робкую. Вскоре он обнаружил источник звуков. Ему открылось унылое болото, в котором резвились огромные жабы, змеи и земляные черви.

— В жизни не видел столько мерзостных тварей, — промолвил Зигфрид, — но скоро я положу конец этой музыке.

Сказав, он взялся собирать сухие деревья и швырял их в трясины до тех пор, пока не закрыл ее полностью. Потом он поспешил в хижину углежого и, войдя, попросил у того огня, чтобы спалить чудовищ.

— Бедный мальчик, — сказал углежог, — мне жаль тебя, ведь, если ты будешь возвращаться той же дорогой, что пришел, из пещеры вылезет огромный дракон, набросится на тебя и проглотит в один присест. Кузнец Миме — подлый предатель. Он заходил сюда незадолго до тебя и сказал, что не смог с тобой справиться. Тогда он разбудил дракона, чтобы погубить тебя.

— Не бойся, добрый человек, — ответил Зигфрид, — сначала я прикончу дракона, а потом разберусь с кузнецом. А теперь дай мне огня, чтобы я мог сжечь это ядовитое отродье.

Вскоре юноша вернулся обратно к болоту. Он поджег сухие деревья, которыми закидал трясины, и дал им разгореться. Ветер раздул пламя, все мерзкие твари сгорели в один миг. Потом Зигфрид обошел обгоревшие останки и заметил, что из-под них вытекает небольшой ручеек горячего жира. Он окунул в него палец, а когда вынул, то кожа стала твердой, как рог.

«Ага, — подумал он. — Это может пригодиться в сражении».

И тогда он разделся и целиком погрузился в горячий жир, так что теперь он стал неуязвим с головы до ног, за исключением одного-единственного маленького пятнышка между лопатками, где к его коже прилип маленький

листок, а он сразу не заметил. Потом он надел кожаные штаны и рубашку и пошел дальше, перекинув дубинку через плечо. И тут вдруг на него набросился дракон, поджидавший в укрытии. Но Зигфрид в три удара прикончил чудовище, а затем вернулся в кузницу, чтобы поквитаться с Миме и его сообщниками. При виде его подмастерья бросились наутек, но кузнец остался стоять на месте. Сначала Миме пытался обмануть юношу льстивыми речами, но видя, что все слова напрасны, выхватил меч. Однако стоило Зигфриду один раз ударить, и с кузнецом было покончено.

После этого юноша вошел в кузницу, где терпеливо и осторожно выковал себе меч, а потом закалил его лезвие в крови дракона. Теперь он мог вернуться во дворец своего отца. Король резко отчитал его: кузнец был хорошим подданным, и польза от него была всей стране. Убив его, Зигфрид совершил злое дело. Королева, в свою очередь, со слезами укоряла его за то, что он запятнал свои руки невинной кровью. Упреки отца привели юношу в чувство, а слезы матери разжалобили до глубины души. Он не стал оправдываться, упав на колени перед королевой и спрятав лицо в ее ладонях, он сказал, что вид ее слез ранит его в самое сердце и он клянется, что в будущем он будет совершать лишь благородные поступки. Этим он очень успокоил родительские сердца.

С тех пор Зигфрид очень изменился. Он стал прислушиваться к советам понимающих людей и изо всех сил старался быть мудрым и рассудительным. Когда на него, как в былые времена, нападал приступ ярости, он вспоминал слезы матери и упреки отца и превозмогал злой дух, что грозил взять над ним верх. Люди много ожидали от него в будущем, полагая, что он станет новым героем своего народа. А кроме того, он был так статен и хорош собой, что женщины любили его за красоту не меньше, чем мужчины за силу и отвагу.

Юный Зигфрид отправляется в Исландию

Родители Зигфрида очень гордились своим сыном и с нетерпением ждали того дня, когда его имя прославится по всей земле.

Король наконец решил, что пришло время дать Зигфриду и его товарищам, благородным юношам со всей страны, меч и доспехи, подобающие воинам. В те дни облачение было очень важной церемонией и занимало в жизни юноши примерно такое же место, как посвящение в рыцари в последующие эпохи. За торжественной церемонией облачения следовали турниры и демонстрации военного искусства. Зигфрид вышел победителем из всех испытаний, и публика начала скандировать:

— Да здравствует Зигфрид, наш король! Пусть он правит нами вместе с отцом!

Но он сделал им знак замолчать и сказал:

— Я не заслужил такой высокой чести. Сначала я должен сам завоевать себе королевство. Я попрошу отца отпустить меня посмотреть на мир и попытать своего счастья.

Когда все воины собрались за пиршественным столом, Зигфрид не занял свое место во главе стола рядом с отцом, а скромно уселся среди молодых воинов — тех, кому еще только предстояло прославить свое имя. Среди них зашел разговор о далекой Исландии, королевстве прекрасной воительницы Брунгильды, которая вызывала на бой всякого, кто желал взять ее в жены, и уже многие доблестные воины пали от ее руки.

Рассказывали также о земле Нибелунгов, искусных в магии, и о Драконьем камне — пещере, где поселился ужасного вида крылатый змей.

Еще говорили о красавице королевне, что живет в Вормсе на Рейне под охраной своих трех братьев и дяди — могучего Хагена.

— Как счастливы те, кто видел все эти чудеса и испытал множество приключений! — воскликнул Зигфрид.

Подойдя к отцу, попросил у него разрешения покинуть родной дом и посмотреть мир.

Королю было понятно такое желание, поскольку ему самому в молодости довелось пережить немало приключений, и он обещал отпустить сына, если его мать даст на то свое согласие.

Королеве очень не хотелось разлучаться с сыном, но она в конце концов согласилась его отпустить. И вот в одно прекрасное утро Зигфрид верхом на резвом коне, одетый в сияющие доспехи, отправился в далекий путь, взяв с собой лишь добрый меч, что он собственноручно сковал себе. На сердце у него было легко и радостно, как у всякого молодого человека, отправившегося на поиски приключений.

Он двинулся на север по направлению к Ирландии. Добравшись до моря, он нашел корабль, готовый к отплытию. Однако шкипер боялся шторма и поставил парус, только уступив просьбам Зигфрида. После короткого, но бурного путешествия юноша сошел на берег и отправился во дворец.

Королева Брунгильда приняла его в большом зале, где собралось уже много воинов. Каждый надеялся завоевать сердце дамы своими подвигами.

На следующий день витязи вышли на арену. Вскоре к ним присоединилась и Брунгильда. Она была с ног до головы в доспехах и казалась столь же прекрасной и величественной, как Фрейя — предводительница валькирий.

Зигфрид смотрел на нее удивленно. Она была выше и благородней любой девушки из своей свиты, что были вооружены так же, как и она. Он едва удержался, чтобы не вступить в ряды борющихся за ее руку и сердце. Однако он лишь поднял с земли огромный камень и зашвырнул его так далеко, что тот скрылся из вида. Затем, повернувшись

к королеве, простился с ней со всей возможной учтивостью и вернулся на корабль, сказав себе:

— Я бы никогда не смог полюбить ее, слишком уж она похожа на мужчину. Сердце отважного воина может принадлежать только девушке скромной, застенчивой, доброй и нежной, и только за такую девушку он согласится отдать всю свою кровь без остатка.

После короткого плавания Зигфрид отправился дальше по суше. Теперь путь его пролегал сначала через богатые возделанные равнины, а потом снова через глухие леса, где жили лишь дикие звери да разбойники. На своем пути он не раз вступал в сражения с чудовищами и великанами и многих из них убил. Менестрели слагали о его подвигах песни, что звучали под сводами замков и в маленьких избушках, слава его разошлась далеко по всей земле.

Когда он добрался до страны Нибелунгов, ее короли, Шильбунг и Нибелунг, попросили его помочь им разделить между собой сокровища, доставшиеся им от отца, Нибелинга, поскольку они никак не могли договориться. В награду за эту услугу они обещали ему добрый меч Бальмунг, выкованный карликами и закаленный в крови дракона. Герой разделил сокровища по справедливости, но братья все равно остались недовольны. Они заявили, что он украл самые ценные вещи, и приказали двенадцати огромным великанам схватить его и заключить в пещеру, где хранилось сокровище. Тогда герой выхватил из ножен меч Бальмунг и зарубил всех великанов одного за другим. Опасаясь за свою жизнь, короли-чародеи сотворили заклинание и вызвали густой туман. Разразилась буря, горы содрогались от раскатов грома, но это их не спасло. Последний великан пал, а потом и оба брата были убиты, и тогда туман рассеялся, и солнце осветило победителя.

Увидав эти чудеса отваги и доблести, бывшие подданные Нибелунгов сразу же предложили Зигфриду стать их королем. Однако его приключения на этом не закончились. Явился мститель — карлик Альберих. Он был во-

оружен заговоренным мечом и, кроме того, владел шапкой-невидимкой и поэтому мог в любой момент стать невидимым. После долгой борьбы Зигрфид одолел его.

Карлик был целиком в его власти, но юноша не мог убить беззащитного врага. Альберих был так тронут его великодушием, что поклялся верой и правдой служить победителю и никогда потом не изменял этой клятве. После этого уже никто не оспаривал право Зигфрида на земли Нибелунгов. Все признали в нем короля. По праву победителя он также завладел всеми сокровищами, что были в пещере, и шапкой-невидимкой Альбериха.

Когда Зигфрид восстановил в своем королевстве порядок и назначил верных людей управлять провинциями, он предложил двенадцати благородным витязям стать его спутниками. Владея сокровищами, он мог щедро одаривать их цепями и кольцами из золота и серебра. Вместе они выглядели как короли под предводительством могущественного вождя.

Зигфрид в сопровождении своего отряда отправился домой, и вскоре они без дальнейших приключений достигли Нидерландов. Король и королева, давно не видевшие сына и не получавшие о нем никаких известий, кроме смутных слухов, были вне себя от радости. Зигфрид долго жил дома, отдыхая от тягот путешествия. Он, как в детстве, часами сидел у ног матери, рассказывая ей о своих мечтах и надеждах. Она была счастлива его доверием и нежной привязанностью, но, когда он стоял перед ней во всем блеске воинского облачения, ее сердце билось от гордости, что этот герой — ее сын.

Как ни хорошо было Зигфриду в отчем доме, он не мог долго оставаться в праздности, его душа рвалась в битву жизни, где только и можно сохранить силу духа и тела. Он сказал отцу, что хочет поехать в Вормс на Рейне и померяться силами с великими воинами Бургундии.

Когда король услышал это, лицо его омрачилось.

— Сын мой, — сказал он, — не ездь в Бургундию. Там живут самые лучшие воины в мире. Никто не может с ними сравниться. Это безжалостный Хаген, силач Ортевин из Меца, а также король Гунтер и его брат Гернот. Все вместе они охраняют прекрасную Кримхильду, к которой сваталось много смельчаков, да только все они лишились жизни.

— Ха, мне это нравится! — воскликнул неустрашимый Зигфрид. — Эти могучие воины отдадут мне свое королевство и красавицу сестру в придачу, если, конечно, она мне понравится. Имея за спиной двенадцать моих Нибелугов, я готов сразиться с кем угодно.

Увещевания отца и мольбы матери были бесполезны. Королю с королевой пришлось снова отпустить сына навстречу приключениям.

ГЛАВА 2

Зигфрид в Бургундии

Красавица Кримхильда, что жила в Бургундии, была дочерью короля Данкрата и его жены Уты. Ее отец давно умер, но трое ее братьев Гунтер, Гернот и юный Гизельхер берегли любимую сестру как зеницу ока. Братья окружили себя бесстрашными воинами, не знавшими поражений в битвах. Первым среди них был безжалостный Хаген из Тронье, одноглазый и страшный видом, которого знали и боялись как германцы, так и латиняне. Ему оказывали особый почет, поскольку он приходился королям дядей. За ним следовали его брат, маршал Данкварт; Ортвин из Меца, маркграфы Гере и Эккеварт; начальник над кухней Румольт; верный менестрель Фолькер из Альца; чашник Синдолт и постельничий Хунольт.

Юная Кримхильда жила очень одиноко. Она любила бродить по саду в тени деревьев и ненавидела все, что свя-

зано с войной. Однажды братья уговорили ее отправиться с ними на охоту, но, увидев, как благородный олень пал мертвым рядом с копытами ее коня, она так опечалилась, что сразу же вернулась домой и никогда больше не соглашалась участвовать в подобных забавах.

Однажды рано утром, зайдя в спальню дочери, королева застала ее в слезах и спросила, что ее так сильно огорчило.

Кримхильда отвечала:

— Мне приснилось, что у меня поселился благородный сокол, которого я очень полюбила. Однажды, когда я отпустила его полетать над высокими горами, два орла набросились на него и заклевали прямо у меня на глазах.

— Дитя мое, — ответила ей мать очень серьезно, — этот сокол — благородный витязь, которого ты полюбишь всем сердцем, а орлы — злодеи, строящие козни, чтобы лишить его жизни. Дай тебе Бог мудрости и силы, чтобы разрушить их планы.

— Матушка, — сказал Кримхильда, — не говорите мне о мужчинах. Я никогда не свяжу свою судьбу ни с одним из них. Если бы не они, на свете не было бы войн и кровопролития.

— Кто знает? — отвечала ее мать, смеясь. — Иная женщина может языком пролить больше крови, чем мужчина мечом. Но придет время, тебе приглянется какой-нибудь достойный витязь, и станешь его женой.

— Никогда! — в ужасе вскричала девушка. — Матушка, ты пугаешь меня больше, чем мой сон.

Ута и Кримхильда вышли в сад. Вскоре до них донесся топот копыт и звуки рога. Королева вышла посмотреть, что случилось. Вернувшись, она рассказала, что ко двору прибыли какие-то чужеземные воины в сияющих доспехах на прекрасных конях. Она попросила девушку помочь ей принять гостей. Но Кримхильда наотрез отказалась, и Ута вернулась во дворец одна. Тем временем до Гунтера и его братьев тоже дошла весть о приезде незнакомцев. Никто

не знал, кто они такие, поэтому послали за Хагеном, и он сразу же узнал Зигфрида. Он посоветовал племяннику принять героя и его спутников со всевозможными почестями и вступить с ними в дружественный союз.

Гунтер хотел было последовать совету Хагена, но Зигфрид заявил, что он приехал узнать, правда ли бургундские витязи такие великие воины, как о них говорят. Он предложил им свое королевство и сокровища Нибелунгов в придачу, если они победят его в бою, добавив, что, если короли Бургундии дадут в заклад свое королевство, он согласен, чтобы они выставили вдвое или даже втрое больше людей, чем у него самого. Храбрый Ортвин и другие бургундские витязи отвечали, что у них принято сражаться с незнакомыми витязями только за лошадей и доспехи. Тогда вперед вышел король Гернот и сказал:

— Достойнейший Зигфрид, нам не нужно ни твоей крови, ни твоего добра. Я бы хотел принять тебя как почетного гостя и стать твоим другом и союзником, если ты не откажешься стать нашим.

Сказав это, он протянул руку Зигфриду руку, которую тот пожал и ответил:

— Бог свидетель, я буду тебе верным другом и союзником, и, если вы когда-нибудь появитесь в наших краях, я буду рад принять вас как почетных гостей.

После этого Нибелунги последовали за гостями в главный зал, где было поднято много тостов за успех нового союза.

Зигфрид с удовольствием гостил в краях роз и виноградников. Дни проходили один за другим в охотах и ратных турнирах, но с каждым днем ему все больше хотелось увидеть юную Кримхильду, поскольку он все время слышал рассказы о ее прелести, кротости и благонравии — качествах, которые он ценил в женщинах превыше всего.

Кримхильда также слышала о нем, но видеть его она могла, только когда смотрела из окна своей башни на состязания в военном искусстве. Он казался ей светлым бо-

гом Бальдром, о чьей красоте и доброте слагали легенды. В этот момент он поднял голову, и Кримхильда отскочила от окна, боясь, как бы он ее не увидел. Она не могла понять, что с ней происходит. Ей очень хотелось, чтобы он остался в Вормсе, хотя раньше она никогда не обращала внимания на гостивших у них при дворе витязей.

Но вдруг в Вормс прибыли послы из Дании и Саксонии. Короли Людегер и Людегаст грозили королям Бургундии войной, если те не заплатят им большую дань, как платили когда-то в старину.

Бургунды отказались и стали собирать свою армию. Зигфрид и его дружина присоединились к войску короля Гунтера. И вот противники сошлись на поле боя. Вместе в армиях датчан и саксонцев было сорок тысяч человек, а в войске Гунтера гораздо меньше. Обе стороны храбро сражались, но с Зигфридом никто не мог сравниться. Он захватил в плен короля Людегаста и привез его, тяжелораненого, в лагерь бургундов, где передал под опеку слуг, и вернулся в битву. Сражение длилось несколько часов, суровый Хаген все время был в первых рядах, и рядом с ним были Фолькер, Синдолът и Хунольт. Зигфрид сражался с ними бок о бок, в то же время не упуская из виду короля Саксонии. Наконец он добрался до Людигера и обрушил свой меч ему на голову. Король Саксонии воскликнул:

— Зигфрид, королевич Нидерландский, дьявол отдал меня в твои руки! Я признаю себя твоим пленником.

Битва закончилась, и победители, покрытые славой и нагруженные трофеями, двинулись в обратный путь к Рейну. В Вормсе их встретили всеобщим ликованием, и имя Зигфрида было у всех на устах. Король Гунтер решил устроить в честь победы великий пир, но отложил его на несколько недель, чтобы раненые воины могли к тому времени поправиться и принять участие в празднествах. Людегер и Людегаст предложили за свою свободу большой выкуп. И когда бургунды стали спорить, какую сумму за них потребовать, Зигфрид воскликнул:

— Голову короля нельзя купить за золото, серебро или драгоценные камни! Ее можно только получить в награду за добрые дела. Пусть пленники поклянутся быть союзниками Бургундии в войне и после этого свободно едут домой.

Когда празднества закончились, гости стали возвращаться по домам, и Нибелунги уже приготовились к отъезду. Но Гунтер по совету Ортвина попросил Зигфрида немного задержаться, чтобы дамы, и особенно их сестра Кримхильда, могли выразить им свою благодарность. Лицо витязя просветлело, и он сказал, что в таком случае согласен остаться. Когда король подошел к дамам с такой просьбой, он в глубине души опасался, что его сестра откажется, однако она хоть и зарделась как маков цвет, но не высказала никаких возражений.

В назначенное время она вышла в зал вместе с королевой Утой, и ее глаза и глаза Зигфрида встретились. Она сказала ему несколько слов в своей обычной любезной манере, и сердце его забилося, как не билось никогда до сих пор. Никто, кроме королевы Уты, не заметил, что произошло между ними, а она очень обрадовалась, поскольку любила их обоих. Она устроила так, чтобы на пиру героя посадили рядом с ее дочерью и чтобы, когда они выйдут в сад, он присоединился к ним, пока все остальные витязи распивали вино.

ГЛАВА 3

Драконий камень

В тот вечер Зигфрид вернулся к себе в комнату, чувствуя себя, как никогда, счастливым. На следующее утро он поехал на охоту, но голова его была так полна мыслями о Кримхильде, что он не обращал на дичь никакого внимания. Вернувшись вечером с пустыми руками, он застал

столицу и королевский дворец в сильном волнении. На площадях толпились взволнованные горожане. Королева Ута плакала и заламывала руки. До Зигфрида доносились обрывки разговоров, но никто не хотел сказать ему, в чем дело. В конце концов он вошел в главный зал, где нашел Хагена и спросил, отчего весь этот переполох и не случилось ли чего-нибудь плохого.

— Случилось самое страшное, — ответил Хаген, — но чему быть, того не миновать. Что норны предназначтали, то и сбудется, как говорили в старину. Выслушай меня, Зигфрид. Когда мы сегодня утром были на ристалище, вдруг раздался ужасный шум, и небо потемнело, как будто волк Сколл проглотил солнце. С неба на нас опустился летающий дракон, такой страшный, что равного ему не найдется в подземном царстве Хель. Когда он пролетал у нас над головами, мы выпустили в него тучу стрел, но они отскакивали от его чешуи, как тростинки. Потом мы услышали крик и увидели, что чудовище схватило милую Кримхильду, сидевшую на скамейке в саду, и взмыло вместе с ней в воздух так быстро, что они вскоре скрылись из вида.

— И никто из вас не отправился в погоню! — вскричал герой Нибелунгов. — Жалкие трусы!

— Да ты в своем уме? — равнодушно спросил Хаген. — Разве мы птицы, чтобы летать с ветром и облаками?

— Я отыщу чудовище, — тихо ответил Зигфрид, — даже если для этого мне придется обойти весь мир и царство мертвых Хель в придачу. Я найду девушку или погибну сам.

Он поспешил прочь, сел в седло и помчался вперед, сам не зная куда. Паромщик переправил его на другой берег Рейна, и там он бродил среди пустынных скал, но не нашел и следов драконьего логова. В конце концов он забрел в темный густой еловый лес. Ветви деревьев свисали так низко, что ему пришлось спешиться и вести лошадь под уздцы. Настала ночь, и он, совершенно обесси-

ленный, прилег под деревом, оставив жеребца пастись на воле.

В полночь он услышал стук копыт и, взглянув наверх, увидел, что к нему приближается слабый красноватый свет. На лошади сидел карлик в золотой короне, увенчанной сияющим карбункулом. Герой попросил карлика указать ему дорогу, и малыш ответил, что рад этой встрече и что никто не знает лес так хорошо, как он. Он назвался Ойгелем — королем карликов и сказал, что живет в этих горах вместе со своими братьями и множеством подданных.

— Что до тебя, — продолжил он, — то я тебя знаю. Ты — Зигфрид из Нидерландов. Я часто видел тебя, когда путешествовал по миру в своей шапке-невидимке. Без меня ты бы никогда не выбрался из лесу и так бы и умер в Драхенштейне, где поселились ужасный великан Куперан и огромный дракон.

Услышав это, Зигфрид громко вскрикнул от радости и пообещал карлику богатую награду, хоть весь клад Нибелунгов, если он отведет его в Драхенштейн. Но Ойгель отказался это сделать, опасаясь за жизнь героя. Тогда Зигфрид схватил его за талию и тряс до тех пор, пока с того не свалилась корона и он не пообещал повиноваться. Воздрузив корону на место, он поехал впереди, указывая дорогу. На рассвете они подъехали к цели своего путешествия.

— Постучи в эту дверь, — сказал крошка-король. — Здесь живет Куперан. Если у тебя хватит сил убить чудовище, я и мои люди будем тебе служить. А сейчас мы целиком в его власти.

Сказав это, он нацепил шапку-невидимку и исчез.

Зигфрид постучал в дверь сначала тихо, а потом все громче и громче, требуя, чтобы Куперан отдал ему ключи от Драхенштейна. И тут дверь распахнулась, и разгневанный великан выбрался наружу. Громовым голосом он спросил Зигфрида, как тот посмел потревожить его утрен-

ний сон. С этими словами он обрушил на героя дубину, что была больше самых высоких деревьев и рассекала воздух с таким звуком, будто били в огромный колокол. Зигфрид отскочил в сторону, избежав удара, и поединок начался. Великан размахивал дубинкой с такой силой, что деревья и камни разлетались в разные стороны, но ему так и не удалось достать своего ловкого противника. В конце концов, взяв дубину двумя руками, он так хватил ею о землю, что она ушла в землю на три сажени в глубину. Пока он ее вытаскивал, герой бросился на него и нанес ему три глубокие раны. Взвыв от боли, великан кинулся в свое жилище и захлопнул за собой дверь. Зигфрид заколотил по железу кулаками, но дверь не двинулась с места. Он попробовал разрубить ее мечом, но сумел прорубить только несколько небольших отверстий. Заглянув через них внутрь, он увидел, что Куперан надевает кольчугу, блестящую, как солнце, когда оно отражается в море. В следующую секунду великан бросился обратно, и поединок возобновился. После долгой борьбы победа склонилась на сторону Зигфрида, и великан взмолился о пощаде, клянясь, что будет верным товарищем и помощником герою в его сражении с драконом и что без его помощи дракона не одолеть. После этого Зигфрид протянул Куперану руку, перевязал его раны и пообещал, что он, со своей стороны, будет верным товарищем, но, когда он повернулся к великану спиной, чтобы войти в пещеру, тот нанес ему такой сокрушительный удар по шлему, что герой без чувств упал на землю. И тогда Ойгель — он наблюдал за происходящим, оставаясь невидимым, — надел на Зигфрида шапку-невидимку. Куперан сообразил, что тут замешано какое-то колдовство, и принялся искать героя на ощупь, но в это время Зигфрид очнулся от беспомощности, сорвал шапку-невидимку и с первого же удара повалил великана наземь. Он еще раз простил предателя, но заставил его идти впереди себя.

На входе в Драхенштейн Куперан еще раз попытался убить героя, и Зигфрид бы ни за что не пощадил предате-

ля, если бы не опасался, что без его помощи он не сможет вызволить девушку. Куперан достал ключи, открыл дверь и, пройдя через множество длинных коридоров, провел его в комнату со сводчатыми потолками, где царил смутный полумрак. Оглядевшись, Зигфрид увидел ту, кого искал, бледную и измученную, но все равно прекрасную. Он окликнул ее по имени и поспешил к ней. Он даже решился обнять и поцеловать любимую. Она ответила на поцелуй, и от сознания, что любим, Зигфрид почувствовал, что ради нее готов сразиться хоть с силами ада. Кримхильда горько плакала и умоляла его оставить ее, пока не вернулся дракон, но Зигфрид горел желанием поскорее сойтись лицом к лицу с чудовищем и разрубить его на части. Великан сказал им, что в Драхенштейне спрятан меч, сработанный столь искусно, что ему под силу разрубить даже чешую дракона. Зигфрид отправился за ним в сопровождении Куперана и Кримхильды. Он заметил рукоять на уступе скалы, прямо у края нависающего утеса. Он остановился, чтобы его поднять, но тут великан схватил его и попытался сбросить вниз. Начался ожесточенный поединок, с ран великана слетели повязки, кровь хлынула потоком, силы покинули его, и Зигфрид сбросил его в пропасть. В ту же секунду раздался громкий торжествующий крик, и победитель, обернувшись, увидел короля Ойгеля, благодарившего его за то, что он избавил карликов от их жестокого повелителя. По его приказу явилось множество человечков: они принесли еды и вина, чтобы освежить и подкрепить храброго воина после его ратных трудов. Это пришлось как нельзя кстати, поскольку вот уже два дня как во рту у него не было и маковой росинки. Никогда еще яства и вино не казались ему такими вкусными, как те, что подала ему прекрасная Кримхильда.

И тут вдруг воздух наполнился свистом, и послышался ужасный рев, от которого карлики попрятались в трещины скал, а герой и девушка сразу же вспомнили об опасности. Кримхильда умоляла любимого спрятаться

в укрытие, но ему был неведом страх, и он отказался. Чудовище появилось, как грозовое облако, изрыгающее языки пламени. Оно надвигалось все ближе и ближе — темное, мрачное, пугающее. Гора дрожала, и маленькие человечки, прятаясь в щелях, боялись, что их раздавит насмерть. По просьбе Зигфрида Кримхильда вернулась в сводчатую палату. Дракон налетел на героя, своими когтями вырвал у него щит и попытался схватить его зубами. Герой не растерялся: он отскочил в сторону и подождал, пока огненное дыхание из пасти дракона остынет. И тогда снова бросился на чудовище, угрожая ему и справа и слева, однако стараясь при этом избегать страшных клыков.

Но вдруг дракон обвил его своим страшным хвостом с такой силой, что у героя потемнело в глазах. В отчаянии схватив меч Бальмунг обеими руками, Зигфрид что было сил ударил противника, да так, что содрогнулись скалы. Отрубленный хвост с грохотом скатился со скалы в пропасть. Вторым ударом, столь же яростным, как первый, Зигфрид разрубил чудовище пополам. Но и после этого челюсти дракона еще клацали, угрожая схватить героя, и тогда он последним усилием сбросил куски туши с обрыва. И тут же сам упал на землю без сил, задыхаясь от драконьего смрада, который он так долго вынужден был терпеть.

Придя в себя, он увидел, что Кримхильда сидит рядом с ним, а карлики варят какие-то травы и разбрызгивают душистые масла, чтобы избавиться от ужасающего зловония, которым пропиталось все вокруг.

Карлики провели героя и деву в свое подземное царство, где устроили им настоящий пир. Пока они отдыхали и веселились, Ойгель рассказал им, что дракон когда-то был статным и пригожим юношей, но могущественная волшебница, чью любовь он отверг, превратила его в дракона. В таком виде он должен был пребывать до тех пор, пока чистая дева не согласится выйти за него замуж.

Карлики предложили герою взять из их сокровищ все, что ему понравится. Он взял пару безделушек и приторочил их к седлу рядом с Кримхильдой, а затем двинулся в обратный путь в сопровождении Ойгеля. Когда они достигли границы дикого леса, король-карлик посмотрел на него печально и сказал:

— Знай, смелый витязь, жизнь твоя будет короткой, но славной. Ты падешь жертвой зависти, но твоя слава переживет века, и барды всего мира будут петь тебе хвалу до тех пор, пока будет жить на земле человеческий род.

С этими словами Ойгель их покинул и вернулся в свой дом в лесу. А Зигфрид и Кримхильда спустились к берегам Рейна. Герой взял сокровища, что подарили ему карлики, и бросил в воду.

— Что пользы мне в золоте, — воскликнул он, — если моя жизнь будет короткой! Спрячь этот клад на своей груди, могучая река! Пусть он позолотит твои волны, и они будут еще ярче блестеть под лучами солнца. В руках людей золото становится орудием дьявола: на нем точится кинжал убийцы, что вонзится в чье-то доверчивое сердце. Вполне возможно, что в мое. Но пока свет дня для меня не померк, я буду радоваться славе и любви самой прелестной девушки на свете.

Затем он вернулся к Кримхильде и попросил паромщика переправить их через Рейн. Они продолжили свой путь в Вормс, где их встретили всеобщим ликованием.

При первой же возможности оставшись наедине с Гунтером, Зигфрид попросил у него руки его сестры, и король ответил:

— Я с радостью отдам ее тебе в жены, но сначала помоги мне в моем сватовстве к отважной Брунгильде — гордой королеве Исландии. Много храбрых воинов лишилось жизни в надежде заполучить ее руку и сердце.

— Брунгильда — искусная воительница, — ответил Зигфрид, — но я не сомневаюсь, что мы ее одолеем. Готовься же к путешествию, чтобы нам вернуться домой до конца лета.

Королева Ута и ее дочь опасались за успех предприятия, но Зигфрид убедил их, что бояться нечего. С его помощью Гунтер легко справится с королевой Исландии, ведь она не страшнее чудовища из Драхенштейна. Король предложил взять с собой тысячу воинов, но Зигфрид отговорил его. Они отправились в путь лишь вчетвером: Гунтер, суровый Хаген, Данкварт и сам Зигфрид.

ГЛАВА 4

Сватовство к Брунгильде

Ветра и течения им благоприятствовали, и вскоре они прибыли в Изенштейн и подъехали ко дворцу. Вышедшие навстречу слуги приняли у них лошадей и доспехи. Хаген сначала не желал расставаться с конем и оружием, но Зигфрид уговорил его, объяснив, что таковы законы и обычаи Изенштейна. Витязи вошли в большой зал, где их ждала Брунгильда, одетая в королевское платье. Она вежливо поприветствовала гостей и сказала герою Нибелунгов, что рада снова видеть его, поскольку слышана о его великих подвигах. Королева полагала, что он тоже будет участвовать в состязаниях, но Зигфрид сказал, что приехал лишь как спутник короля Гунтера, своего господина, который желает испытать судьбу и как никто достоин победы.

— Это новость для меня, — отозвалась Брунгильда. — Я всегда считала, что ты сам себе господин и никому не приходишься вассалом.

Затем, повернувшись к королю Гунтеру, она сказала, что слышала о его героических деяниях, и спросила, кто те воины, что приехали вместе с ним. Поблагодарив ее за радушный прием, Гунтер представил своих товарищей. Брунгильда рассмеялась и спросила, собираются ли они помогать ему в сражении.

— Нет, я буду сражаться один, — ответил король. — Потому что хочу, чтобы приз достался мне одному.

— Ну что ж, — сказала Брунгильда, — арена готова. Приготовься показать все, на что ты способен.

Воинов провели во двор замка, где было отгорожено место для поединков. Королевские слуги в полном вооружении встали вокруг них. Один из них громко провозгласил:

— Всякий витязь благородного происхождения, осмелившийся посвататься к королеве, должен померяться с ней силами в трех состязаниях. Если он одержит победу, он получит ее и королевство в придачу, ну а если проиграет, то его голова и богатство достанутся ей.

Четверо слуг выкатили на арену огромный камень, который соперникам предстояло метать. Трое других внесли огромный меч с широким лезвием — королева часто забавлялась тем, что метала его в цель.

— Если у женщины такие игрушки, то самый подходящий жених для нее — это дьявол, — заявил Хаген. — Простому смертному с ней не справиться.

— Эх, вернули бы нам оружие, — воскликнул Данкварт, — чтобы нам не погибать понапрасну.

— Не отчаивайся, король Гунтер, — сказал Зигфрид. — Я схожу на корабль и возьму свою шапку-невидимку. Тогда я смогу тебе помочь, да так, что никто ничего не увидит.

Он незаметно ушел, и никто не обратил на это внимания, поскольку все глаза были устремлены на королеву, которая вышла во двор в полном боевом облачении, окруженная своими дамами.

— Разве справедливо, — обратился к ней Хаген, — что твои люди вооружены, а мы стоим тут безоружные?

— Принесите витязям их мечи и доспехи, — приказала Брунгильда, а затем, повернувшись к Хагену, продолжила: — Это вам не поможет. Когда Гунтер проиграет, как все, кто являлся сюда до него, ваши головы падут под ударом топора. Видите, палач уже ждет.

Витязи взглянули в ту сторону, куда она указала, и увидели человека в кроваво-красном одеянии, стоявшего за барьером. В руке у него был острый топор.

Состязания начались.

Брунгильда подошла к камню и, подняв его обеими руками, метнула сразу на шесть саженей. И тут же легко, как птичка, прыгнула за ним, дотянувшись до него в полете кончиком ступни. Все заплодировали ее силе и ловкости. Затем наступило гробовое молчание. К камню подошел Гунтер. Он поднял камень, взвесил его на одной руке и зашвырнул на целую сажень дальше, чем королева. Но и в метании, и в прыжке, унесшем его дальше того места, куда упал камень, ему помогала сильная рука Зигфрида, укрытого шапкой-невидимкой.

Таким образом, из первого состязания Гунтер вышел победителем.

Брунгильда поднялась и, сверкнув глазами, взяла тяжелое боевое копьё с острым стальным наконечником.

— Поберегись, король! — воскликнула она и метнула копьё с такой силой, что оно пробило щит и повергло бы Гунтера наземь, если бы Зигфрид не пришел ему на помощь, подставив под острие край щита.

Высвободив копьё из сломанного щита, Зигфрид повернул его тупым концом вперед и метнул в Брунгильду, направляя руку Гунтера. Удар получился такой силы, что королева упала на землю, звеня кольчугой.

Схватка была закончена, победа завоевана. Брунгильда поднялась. Она казалась спокойной, но, если бы кто-нибудь мог заглянуть в ее сердце, он увидел бы там стыд, гнев и жажду мщения. Нотаблям Исландии было приказано съехаться в Изенштейн в течение трех дней, чтобы присягнуть на верность Гунтеру. Брунгильда попросила бургундских витязей до того времени оставаться ее гостями. Оглядевшись, она спросила, где же герой Нибелунгов. Тогда Зигфрид вышел вперед, сказав, что дела задержали его на судне. Брунгильда заметила, что

не пристало верному слуге отсутствовать, когда его господин рискует жизнью.

В большом зале устроили торжественный пир. На нем присутствовали многие дамы, но королева оставалась в своих покоях. Гунтером владели противоречивые чувства. С одной стороны, он стыдился, что не сумел победить Брунгильду без посторонней помощи, с другой стороны, радовался, что получит ее в жены. Хаген опустошил бессчетное количество кубков и теперь с мрачным видом смотрел на пирующих. Когда героев Рейна отвели в их покои, Хаген посоветовал им держать оружие под рукой, потому что опасался, что королева вынашивает коварные планы. Отважный Зигфрид ответил, что он, не медля ни минуты, отправится в земли Нибелунгов и вернется вместе с отрядом надежных бойцов. Скрывшись под шапкой-невидимкой, он пробрался на корабль и направил его к берегам своей родной страны. Там он пришел к карлику Альбериху, сторожившему сокровища, и потребовал, чтобы тот призвал тысячу хорошо вооруженных витязей, готовых отправиться с ним в Исландию. Его приказание было немедленно выполнено, и он с дружиной отплыл друзьям на выручку. Утром третьего дня он высадился прямо перед дворцом, к великой радости бургундов. Королева, напротив, встревожилась, не зная, как расценить прибытие такого большого отряда. Но Гунтер успокоил ее, сказав, что Зигфрид привел своих Нибелунгов лишь для того, чтобы воздать подобающие почести своему господину.

В течение следующих нескольких дней были отданы все необходимые распоряжения относительно управления Исландией, а затем Брунгильда простилась с народом и со своим дядей, братом матери, который был оставлен наместником. На глаза всех, при этом присутствовавших, навернулись слезы. На сердце у королевы было невесело — она чувствовала, что больше никогда не увидит родного берега, но Гунтер торопил ее, стремясь скорее вернуться в Вормс и отпраздновать свадьбу.

Когда путники прибыли в Бургундию, их встретили там всеобщим ликованием. Госпожа Ута приняла Брунгильду как родную дочь, Кримхильда поцеловала ее и обещала быть верной сестрой. Две девы стояли вместе, бок о бок: одна — величественная и загадочная, как звездная ночь, а другая — милая и ласковая, как майское утро. Глядя на них, никто не мог бы сказать, кто из них прекрасней. Но у Зигфрида на этот счет не было сомнений. Он не отходил от Кримхильды с того самого момента, как они вернулись в замок.

В тот же день отдали приказание готовиться к двум свадьбам, что должны были состояться на следующий день. Вечером на пиру Брунгильда, сидевшая рядом с Гунтером, была бледна и холодна, как мрамор, а Кримхильда улыбалась и щебетала, сидя между своей матерью и возлюбленным.

— Король Бургундии, — сказала наконец Брунгильда, — почему ты выдаешь свою сестру за вассала? Ее мужем должен стать великий король.

— Не говори так, — ответил Гунтер. — Зигфрид такой же король, как и я. Он королевич Нидерландов, и после смерти своего отца Зигмунда он будет владеть всей страной.

— Мне странно это слышать, — сказала она, — он говорил, что ты — его господин.

— Я как-нибудь в другой раз тебе объясню, — ответил Гунтер. — Давай сейчас не будем это обсуждать.

На следующий день состоялись две свадьбы. После церемонии старая королева показала невестке все, чем до сих пор владела, и передала ей право распоряжаться всем домом.

— Ах, матушка Ута, — сказала молодая жена, — Бургунды богаты и могущественны, но им не хватает мудрости и решимости, в противном случае король бы не поехал в Исландию.

Не дождавшись ответа, она отвернулась и вышла из комнаты. Пир подходил к концу, ступились сумерки, и гости разошлись по своим постелям. Гунтера и его королеву проводили в брачные покои. Он хотел войти туда следом за ней, но Брунгильда остановила его, сказав:

— Тебе тут не место. Подыщи себе более подходящую комнату где-нибудь во дворце. Если я позволю тебе войти ко мне, я лишусь своей богатырской силы.

Сначала он попробовал уговоры, потом угрозы, потом силу. Она боролась, но очень быстро она одолела его, связала по рукам и ногам и оставила лежать за дверью. Этой ночью спать ему не пришлось.

На следующее утро, пока весь дом еще не проснулся, гордая королева развязала своего мужа, приказав ему молчать и не перечить ее воле в будущем. Весь следующий день Гунтер был грустен. Он смотрел на жену почти что с ужасом и часто уходил из-за праздничного стола, чтобы погулять в одиночестве по саду. Там его встретил Зигфрид и спросил, в чем причина его печали. Услышав всю правду, он воскликнул:

— Не волнуйся, мой друг. Мы одолели эту гордычку раз, одолеем и другой. Когда ты сегодня вечером поведешь королеву в ее покои, я в шапке-невидимке пойду следом за тобой. Задуй свечу, а я займу твое место. И тогда посмотрим, сможет ли она со мной тягаться.

— Друг мой, — ответил Гунтер, — я опасаюсь за твою жизнь. Напрасно мы привезли ее из Исландии на солнечные берега Рейна. Правильно говорит Хаген: она — демон, и ее чудесная сила от дьявола.

— Ну что ж, — ответил Зигфрид, — если в ее сердце поселился дьявол, то мы его одолеем, чего бы нам это ни стоило. Я буду с тобой сегодня в шапке-невидимке.

Короли вернулись за пиршественный стол. Зигфрид был, как всегда, весел, а Гунтер согнулся под грузом забот и волнений. В полночь он проводил королеву в ее комнату, задул свечи, и сразу же Зигфрид занял его место. Началась борьба. Брунгильда швыряла Зигфрида на стены и пыталась связать поясом. Она сжимала его руки так сильно, что кровь выступила у него из-под ногтей. Никогда еще не было такого поединка между мужчиной и девицей. Призвав на помощь всю свою богатырскую силу, он зажал

ее в углу комнаты, и, когда она, дрожа и рыдая, стала просить его не лишать ее жизни, обещая взамен быть ему послушной женой, Зигфрид скользнул прочь, оставив Гунтера наедине с супругой.

Свадебные празднества продлились еще восемь дней, после чего гости покинули хозяев и отправились домой с богатыми подарками. Зигфрид с женой также готовились к отъезду. Герой решил не брать за женой никакого приданого. Владея несметными сокровищами Нибелунгов, он был богаче любого короля.

В один прекрасный день путешественники подъехали ко дворцу короля Нидерландов. Король Зигмунд и королева Зиглинда были очень рады снова видеть их живыми и здоровыми. Была созвана ассамблея, и после короткой речи, произнесенной с трона, старый король и королева возложили свои короны на головы Зигфрида и Кримхильды. Повсюду раздавались приветственные крики:

— Да здравствуют молодые король и королева!

Народ желал счастья и благополучия королевской семье на многие годы. Королеве Зиглинде выпала еще одна большая радость — ей довелось подержать на руках внука. Мальчика нарекли Гунтером, в честь его дяди, жившего на далеком Рейне. А сын короля Гунтера, родившийся примерно в то же время, получил имя Зигфрид. Вскоре после этого королева Зиглинда заболела и умерла. Это событие омрачило их семейное счастье, но в королевстве по-прежнему царили мир и благоденствие.

ГЛАВА 5

Измена и смерть

Прошло около восьми лет. И вот из Бургундии прибыли гонцы с известием, что Гунтер приглашает Зигфрида и Кримхильду приехать к нему в гости на берега Рейна. При-

глашение было принято, и Зигмунд решил отправиться в Вормс вместе с ними.

Однажды Брунгильда сказала мужу:

— Король Гунтер, почему твой шурин Зигфрид никогда не является к нашему двору, как другие вассалы? Я бы хотела повидать его и твою сестру Кримхильду. Пожалуйста, прикажи им явиться к нам во дворец.

— Я уже говорил тебе, — отвечал Гунтер уязвленно, — что мой шурин такой же могущественный король, как и я. Он правит Нибелунгами и Нидерландами.

— Как странно! — ответила она. — Почему же он назвался твоим слугой, когда прибыл в Исландию?

— Он сказал это лишь для того, чтобы помочь мне в моем сватовстве, — признался Гунтер, чувствуя себя весьма неловко.

— Ты так говоришь, — отвечала королева, — чтобы не показать, как унижена твоя сестра. Но, так или иначе, я бы хотела увидеть их обоих.

— Хорошо, — ответил он спокойно, — я пошлю им приглашение на пир на Иванову ночь, и тогда они не откажутся приехать.

Он вышел из комнаты и, как обещал, отправил Зигфриду приглашение. Брунгильда осталась одна, погруженная в свои мысли.

«Странное дело, — подумала она, — у этого человека хватило мужества и силы, чтобы победить меня, ни в чем не уступающую валькириям древности. И вместе с тем он подобен слабому тростнику, что колышется при малейшем дуновении ветра. Вот Зигфрид совсем не таков. Он герой, и весь мир лежит у его ног. Но он вассал! Вассал и мечтать не мог о королеве Исландии. Я бы с презрением отвергла его сватовство».

В назначенное время Зигфрид со свитой прибыли в Вормс. Пирам, забавам и музыке не было конца. Старый Зигмунд вспомнил молодость и с радостью беседовал с госпожой Утой, которую знал еще ребенком. Молодые ко-

ролевы все время были вместе: в церкви, на пиру или на балконе, откуда они смотрели на ратные состязания. Единственным развлечением, в котором Кримхильда не принимала участия, была охота.

Однажды, когда они вместе сидели на балконе, глядя на витязей, проявлявших чудеса ловкости и военного искусства, Кримхильда не удержалась и воскликнула:

— Ну, разве найдется среди воинов хоть один, равный Зигфриду? Он между ними как луна среди звезд.

— Он заслужил твою похвалу, — согласилась Брунгильда, — но он должен уступить первенство моему мужу.

— Да, конечно, — ответила Кримхильда, — мой брат отважный воин, но в ратном искусстве ему далеко до моего мужа.

— Разве? — возмутилась Брунгильда. — Почему же тогда он победил меня в Изенштейне, а Зигфрид тем временем отсиживался на корабле?

— Ты хочешь сказать, что Зигфрид, герой Нибелунгов и победитель дракона, — трус? — воскликнула Кримхильда оскорбленно.

— Он не может сравниться с королем Бургундии, — отвечала Брунгильда, — потому что он не свободный человек, а обязан служить моему мужу.

— Ты лжешь, гордячка! — вскричала Кримхильда, и лицо ее разгорелось гневом. — Ты нагло лжешь. Мой брат никогда не выдал бы меня за своего подданного. Зигфрид полновластный хозяин и на землях Нибелунгов, и в Нидерландах. Первое королевство он завоевал своей рукой, а второе досталось ему в наследство; и я, его королева, могу держать голову так же высоко, как и ты.

— Попробуй, болтушка! Все равно я всегда буду входить в церковь перед тобой!

С этими словами Брунгильда поднялась и ушла, а Кримхильда осталась сидеть униженная и раздосадованная. Это была первая обида в ее жизни, и ей было трудно справиться со своими чувствами. Она пошла в свою комнату и на-

дела свои самые лучшие наряды и украшения. Затем в сопровождении своих дам и прислуги она отправилась на службу. Брунгильда со своей свитой была уже там. Кримхильда хотела было пройти мимо, но гордая королева остановила ее:

— Твой муж — вассал моего мужа, поэтому ты должна пропустить свою королеву.

— Ты бы лучше помолчала, — отрезала Кримхильда. — Не пристало любовнице идти вперед жены.

— Ты в своем уме? — вскричала Брунгильда. — Что значат твои слова?

— Я скажу тебе это, — ответила Кримхильда, — когда выйду из церкви.

И, пройдя мимо соперницы, она вошла в храм.

Гордая королева терпеливо ждала ее перед входной дверью. Стыд и гнев боролись в ее душе, и она не могла дожидаться окончания службы. Наконец дверь распахнулась и появилась Кримхильда.

— Ну, жена холопа, — воскликнула Брунгильда, — объясни, наконец, что значили твои слова?

— Жена холопа? — повторила Кримхильда, как будто не слышала ее последних слов. — А узнаешь кольцо-змею на моем пальце?

— Это мое кольцо, — сказала Брунгильда, — и теперь я знаю, кто его у меня украл.

— Ах так! — ответила Кримхильда. — А может, и шелковый пояс с золотыми застежками и драгоценными камнями, что надет у меня на талии, тебе тоже знаком? Мой муж получил от тебя кольцо и пояс в ту ночь, когда он покорила тебя.

Кримхильда пошла прочь с гордым видом, как будто одержала величайшую победу в своей жизни. Опозоренная Брунгильда осталась где стояла, поникнув головою от стыда. Она послала за Гунтером и рассказала ему о нанесенном ей оскорблении. Гунтер обещал спросить Зигфрида, как такое могло случиться.

Он принял своего шурина в главном зале в присутствии храбрейших своих воинов. Гунтер объяснил, в чем дело, и герой Нибелунгов ответил, что никогда не говорил ничего, что бесчестило бы королеву. Он тут же добавил, что не стоит придавать значения женской ссоре. Зигфрид заявил, что готов подтвердить свои слова клятвой, но Гунтер ответил, что в том нет необходимости, он и так верит Зигфриду.

— Смотрите же, бургунды, — сказал герой, — вы все свидетели того, что я признан невиновным в оскорблении, нанесенном вашей королеве. А теперь, дорогой шурина, отругай свою жену, как я отругаю свою за то, что они натворили, чтобы их пустая болтовня не породила вражды между нами.

Он повернулся и вышел из зала, но многие бургунды чувствовали, что их королеве нанесено ужасное оскорбление. На следующий день Брунгильда стала готовиться к отъезду в Исландию. Король и его братья уговаривали ее остаться, но она сидела молча и неподвижно, как камень.

— Мы не можем позволить тебе уехать, — воскликнул король. — Мы готовы любой ценой заглазить безрассудные слова нашей сестры. Чего ты хочешь?

— Крови!

Бургунды удивленно переглянулись, не решаясь заговорить. Она продолжала тем же тоном:

— Все воды Рейна не смоют пятна с моего доброго имени. Только кровь из сердца этого человека может это сделать.

Витязям стало не по себе, но Хаген сказал:

— Разве отважные бургунды совсем одряхтели и ослабли духом? А может, они снова впали в детство? Я вам объясню, в чем тут дело. Наша королева требует крови из сердца Зигфрида. И что же? Чего же вы испугались?

Бургунды начали перешептываться. Все знали силу Зигфрида — на свете нет такого воина, кто мог бы сразиться

с ним в открытом бою. Да и кроме того, он не виновен в том, что случилось.

Тогда безжалостный Хаген повернулся к Брунгильде и сказал:

— Госпожа, я советовал Гунтеру не ездить в Исландию и не свататься к тебе. Но теперь, когда ты наша королева, твоя честь под нашей защитой. Мы выполним твое желание.

— Нет! — вскричал юный Гизельхер. — Не в обычаях бургундов платить злом за добро. Зигфрид всегда был нам добрым другом, и я его не предаю.

Хаген попробовал было уговорить Фолькера помочь ему осуществить убийство, поскольку открыто нападать на Зигфрида они не решались. Но Фолькер отказался. Тогда Ортвин вызвался сделать это вместо него, добавив, что Зигфрид передал своей жене кольцо и пояс, полученные от королевы Бургундии, и за одно это заслуживает гибели.

Тут Гунтер не мог больше молчать и вмешался в разговор:

— Это убийство покроет бургундов несмываемым позором, и мой долг — предотвратить его.

— Рейнский государь! — вскричала Брунгильда, вставая с места. — Я даю тебе три дня на размышление. После этого я либо уеду в Исландию, либо отомщу сама.

С этими словами она удалилась.

— Он неуязвим для нашего оружия, — напомнил маркграф Гере, — потому что он искупался в жире дракона, и единственное уязвимое место у него там, где к спине прилип липовый листок.

— Я применю хитрость, — вымолвил безжалостный Хаген.

Король не мог решить, что же ему делать. И так плохо, и так. Три дня прошло, и он увидел, что королева непреклонна в своем решении, и тогда он со вздохом согласился на предложение Хагена.

В это время прибыли гонцы от Людегаста и Людегера с известием, что они объявляют Бургундии войну. Зигфрид сразу же согласился помочь своему шурина в борьбе с врагом. Дамы готовили камзолы для своих мужей. Когда Хаген вошел в комнату Кримхильды, он застал ее за этим занятием. Он уговаривал ее не волноваться, потому что герой, искупавшийся в драконьей крови, — неуязвим.

— Мой добрый друг, — ответила она печально, — Зигфрид так отважен, что на всем скаку летит в самую гущу врагов, а там его легко могут случайно ранить в единственное незащищенное место.

Хаген уговорил ее вышить в этом месте метку, чтобы он всегда мог закрыть Зигфрида своим щитом. По его совету она вышила на бархате камзола тонкой серебряной ниткой маленький крестик. Но она напрасно волновалась, потому что скоро снова явились гонцы с известием, что короли передумали и решили не воевать, а сохранить верность старому союзу. Вскоре после этого Гунтер начал приготовления к грандиозной охоте, чтобы отпраздновать установление мира. Утром, в назначенный для охоты день, Кримхильда стала уговаривать своего мужа остаться дома. Этой ночью ей снились страшные сны, и она боялась за его жизнь. Он посмеялся над ней, а потом поцеловал и сказал, что не может отказаться от участия в охоте только потому, что ей приснился страшный сон.

— Не волнуйся обо мне, дорогая, — успокоил он ее. — Что может со мной случиться? Весь день я буду среди друзей и товарищей, а кроме того, возьму с собой свой добрый меч Бальмунг и острое копье, и хотел бы я посмотреть на того, кто осмелится напасть на меня!

Он поцеловал ее еще раз и сразу же вышел. Она подбежала к окну и следила за ним, пока он не скрылся из виду. Утро прошло в забавах и веселье, и в полдень охотники присели перекусить на траве. Еды было в избытке, но вино быстро кончилось. Хаген объяснил, что приказал

принести вино в другое место, полагая, что они будут обедать там, и при этом добавил, что неподалеку, под старой липой, есть родник. Он предложил Зигфриду бежать к роднику наперегонки. Герой со смехом принял вызов, добавив, что он возьмет меч и охотничьи принадлежности, а Хаген может бежать налегке. Тогда шансы у них уравниются. Двое витязей помчались через луг к липе. Когда они бежали, полевые цветы старались оплести ноги отважного Зигфрида, деревья махали ему ветвями, чтобы он поворачивал назад, и птицы на ветвях пели грустными голосами, как бы говоря: «Обернись, герой Нибелунгов, у тебя за спиной предатель», но Зигфрид не понимал языка цветов, деревьев и птиц. Он верил другу, как самому себе.

— Ну вот, мы, наконец, у цели! — воскликнул он, обращаясь к задыхающемуся от быстрого бега Хагену. — Смотри, как блестит вода. Давай отдохнем в тени липы, пока не подойдет король: ему принадлежит право сделать первый глоток.

Он отложил в сторону меч и остальное оружие и растянулся на цветочном ковре.

— У тебя такой унылый вид, — продолжил он, обращаясь к Хагену, — а день такой чудесный, и мы так весело провели сегодняшнее утро. А вот и остальные. Иди же сюда, Гунтер, мы тебя ждем. Ты должен сделать первый глоток.

Король подошел, наклонился и зачерпнул прохладной, чистой воды из ручья. Теперь была очередь Зигфрида, и он сказал со смехом:

— Я готов выпить море, но не бойтесь, друзья, вам тоже достанется. Ручей подобен человеческой реке: один отходит к земле, но на смену ему на свет приходит другой, и так без конца.

— Воистину так, — промолвил Хаген, — одной жизнью больше, одной меньше... Какая разница?

Герой Нибелунгов наклонился к ручью и принялся пить, а в это время Хаген подобрал свое копьё и вонзил его Зигфриду в спину, как раз в то место, где Кримхиль-

да вышила крестик на его камзоле. Он сделал это с такой силой, что острый конец вышел у него из груди. Раненный, он встал на ноги и попытался схватиться за меч, но не нашел его там, где оставил, поскольку один из заговорщиков убрал его. Тогда Зигфрид схватил свой щит и повалил убийцу на землю. Больше он ничего уже не смог сделать. Он упал без сил среди цветов, и вода ручья стала алой, и небо окрасилось багряным светом заката. Казалось, вся природа покрылась краской стыда при виде злого дела, что здесь свершилось.

Последний раз герой поднял свою прекрасную голову и сказал, глядя на бургундов:

— Кровавые псы, что я вам сделал? Знай я о вашем предательстве, вы бы давно лежали мертвыми у моих ног. Сам дьявол внушил вам этот подлый план. Никто из вас не осмелился встретиться со мной в открытом бою, поэтому вы поручили Хагену трусливо убить меня ударом в спину. Память о вашем предательстве не изгладится до конца времен. Король Гунтер, ты слабый и безвольный человек, запятнавший себя гнусным злодейством! Выслушай последнюю волю умирающего. Защити мою жену — твою сестру — от Хагена!

Это были последние слова короля Нибелунгов.

Витязи стояли молча. Их сердца были полны жалостью и раскаянием. Наконец Гунтер произнес:

— Давайте скажем, что его убили грабители. Тогда Кримхильда не будет держать на нас зла.

— Нет, — вымолвил Хаген, — так нельзя. Я не стану отрицать, что это дело моих рук. Наша королева получила искупление, которого хотела и которого требовала твоя честь. Бургундии ничто не угрожает, поскольку нет и не будет на свете воина, равного Зигфриду. А до женских слез мне дела нет. Давайте сделаем носилки из ветвей, чтобы перенести его тело в Вормс. Ха! Вот его добрый меч Бальмунг. Сегодня он окажет последнюю услугу своему старому хозяину и первую — новому.

Когда носилки были готовы, охотничья экспедиция двинулась в Вормс, откуда они отправились на охоту сегодня утром. Но как же все изменилось с тех пор! Была уже глубокая ночь, когда они наконец прибыли в город. Казалось, мертвый Зигфрид наводил ужас на воинов и слуг. Никто из них не решался поднять тело вверх по лестнице. Хаген обозвал их трусливыми бездельниками и, взвалив труп себе на плечи, отнес его наверх и положил под дверь Кримхильды. На следующее утро королева встала и собралась идти в церковь. Она позвала своего камергера, и он, поднимаясь к ней, увидел лежащего в проходе мертвеца, но в полумраке сразу не узнал его. Он сказал об этом своей госпоже, и она отчаянно вскрикнула:

— Это Зигфрид! Хаген убил его по приказу Брунгильды!

Слуги принесли факелы, и все увидели, что она не ошиблась. Кримхильда упала на тело мужа и слезами смыла кровь, запекающуюся у него на лице. Зигфрид лежал перед ней холодный и бездыханный, и никогда, никогда она снова не услышит его голоса — никогда! Это слово стучало у нее в ушах и сводило ее с ума. Она бы с радостью сошла в могилу вместе с ним и, согласно вере древних, воссоединилась бы с ним в чертогах Фрейи.

Старый Зигмунд, услышав о происшедшем, не вымолвил ни слова, но сердце его разбилось. Он поцеловал раны сына, как будто надеялся тем самым вернуть его к жизни. Внезапно он вскочил на ноги, и старый боевой дух снова ожил в нем.

— К отмщению! — закричал он. — Вставайте, Нибелунги, вставайте и отмстите за своего героя!

О поспешил во двор, и Нибелунги, услышав его слова, столпились вокруг него, готовые к битве. Старик попросил себе меч и кольчугу, но его руки были слишком слабы, чтобы держать оружие, и в следующую минуту он без чувств упал на землю. Бургунды ждали нападения с оружием в руках, и безжалостный Хаген привел свежие силы на подмогу тем, что уже были во дворце.

Нибелунги, стиснув зубы, отступили.

На третий день после этого носилки отнесли в храм, чтобы отслужить панихиду. Народ толпился возле церкви, чтобы последний раз взглянуть на убитого героя, которому Бургундия была стольким обязана. Кримхильда стояла рядом с незакрытым гробом, украшенным золотом и драгоценными камнями. Ее глаза были сухи, но во всем ее облике читалась глубокая скорбь. В толпе подошла женщина, спрятавшая свое лицо под вуалью, но Кримхильда все равно узнала ее.

— Ступай прочь, — вскричала она, — пока мертвый не изобличил тебя!

Неизвестная смешалась с толпой.

Бургундские воины подошли, чтобы проститься с мертвым, как велел обычай. Когда Хаген приблизился, раны открылись, и кровь из них потекла жарким потоком, как в час убийства.

— Не стой здесь, убийца! — воскликнула Кримхильда. — Разве ты не видишь, что мертвый свидетельствует против тебя?

Отважный воин не сдвинулся с места.

— Я не отрицаю, что это сделала моя рука. Я поступил так, как мне велел мой долг перед моим государем и его королевой.

Будь у Кримхильды в руках меч и имей она силу мужчины, Хаген вряд ли бы вышел из церкви живым.

На четвертый день павшего героя похоронили. Над его могилой насыпали высокий курган, и в память о нем бедным раздали множество подарков. Кримхильда провожала гроб до места его последнего приюта. По ее просьбе крышку подняли в последний раз, и она склонилась над телом мертвого мужа и покрыла его лицо поцелуями. Дамам с трудом удалось увести ее — иначе она осталась бы там навсегда.

Хаген стоял у могилы хмурый и невозмутимый, как обычно. Со своим обычным фатализмом он сказал:

— Случилось то, что должно было случиться. Нить в руках норн оборвалась.

Королева его не слышала. Она не видела, что Гунтер, Гернот и другие пытаются скрыть сожаление и раскаяние. Ее мысли были с мертвым мужем.

Зигмунд и Нибелунги стали готовиться к отъезду. Они хотели забрать Кримхильду с собой, чтобы защитить ее от коварных бургундов, но она не желала покидать дорогу сердцу могилу и только просила старого короля и маркграфа Эккеварта позаботиться о ее маленьком сыне и воспитать его достойным своего отца, поскольку он теперь лишился отца, а возможно, и матери. У нее теперь осталось одно желание — жажда мщения. Зигмунд не попрощался ни с кем, кроме госпожи Уты, которая оплакивала Зигфрида так, будто он был ее собственным сыном, и Гизельхера, самого младшего из братьев. С тем они и отправились в Нидерланды.

Время шло, и стало казаться, что Кримхильда успокоилась и примирилась с братьями. Только мрачный Хаген вызывал у нее ужас, и Брунгильды она избегала. Однажды она сказала брату, что хочет, чтобы сокровища Нибелунгов перевезли в Вормс, поскольку они принадлежат ей. Гунтер воспринял это как знак доверия и очень обрадовался. Он сразу же послал за сокровищами, и Альберих без промедления доставил богатства Нибелунгов в Вормс. Королева стала делать людям щедрые подарки, и каждый раз, когда она находила небогатого, но смелого воина, она снабжала его всем необходимым для службы и начинала платить ему содержание. Постепенно она получила в свое распоряжение небольшую армию, которая день ото дня становилась все больше и все могущественней.

Хаген предупреждал королей, что Кримхильда вынашивает планы мести. Сам он, по его словам, не боялся смерти, но не хотел бы, чтобы земли Бургундии достались ей. Есть только один способ этого избежать — отнять у нее сокровища Нибелунгов. Братья не согласились. Гернот

сказал, что и без того они причинили сестре немало горя, и не пристало им теперь подвергать ее мелочным унижениям. Но однажды, когда его государи были в отъезде, Хаген, посчитавший, что беду легче предотвратить, чем потом расхлебывать ее последствия, созвал своих людей и напал на стражей, охранявших клад Нибелунгов. Он захватил все оставшиеся сокровища и утопил их в глубоких водах Рейна. И хотя по возвращении короли сразу же узнали о его низком поступке, но сделанного не воротишь.

— Если бы ты не был нашим дядей, — сказал ему Гернот, — ты бы заплатил за это жизнью.

Хаген показал своим племянникам то место, где он опустил сокровища в воды Рейна, и заставил их поклясться, что, пока они живы, никто из них не выдаст тайны клада. Кримхильда стала печальна и грустна, как раньше. Она все время сидела рядом с матерью и вышивала сцену убийства Бальдра его братом Хедом, а рядом — жену Бальдра, Нанну, умершую от разбитого сердца и разделившую с мужем погребальную ладью. Но в Бальдре все узнавали черты Зигфрида, а в Нанне — ее собственные, в то время как Хед всем своим обликом, нарядом и оружием походил на мрачного Хагена. Кримхильда часто замирала с иглой в руке и сидела, внимательно разглядывая картину. Когда в такие минуты госпожа Ута спрашивала ее:

— О чем ты думаешь, дитя мое?

Она неизменно отвечала:

— Я думаю о Хагене.

ГЛАВА 6

Сватовство короля Этцеля

В Вормс прибыли желанные гости — маркграф Рюдигер из Бехларена, по прозвищу Добрый, и его дружина. Гунтер, Гернот и Хаген были его давними знакомыми, а

Гизельхера он держал коленях, когда тот был ребенком. Когда он приехал в этот дом скорби, его благородство и доброта так подействовали на Кримхильду, что она стала изредка выходить вместе с матерью в большой зал и слушала маркграфа с улыбкой, чего за ней не замечали с тех пор, как умер ее муж. Но, если в зал входили Хаген или Брунгильда, она тут же вставала и уходила.

Дни и недели проходили, и наконец Гунтер стал догадываться, что маркграф Рюдигер приехал не только для того, чтобы возобновить старое знакомство. Он сказал об этом гостю, и тот ответил:

— Хорошо, король Гунтер, я скажу тебе, что привело меня сюда. Ты знаешь, что супруга моего господина, короля Этцеля, наша добрая королева Гельха, умерла несколько лет назад и что ее сыновья пали от рук Виттига. Король гуннов долго жил один в своем огромном дворце в Этцельбурге, но теперь он решил жениться снова. Я посоветовал ему посвататься к твоей сестре — благородной госпоже Кримхильде, вдове героя Зигфрида. Если ты согласишься, я сразу же предложу ей стать королевой гуннов.

— Я не могу решать за нее, — последовал ответ. — Она королева Нибелунгов и Нидерландов и, боюсь, не захочет снова выходить замуж.

— Я расскажу ей эту новость, — обрадовался Гизельхер, — и наша матушка, Ута, скажет ей, чтобы она не отказывалась от этого предложения.

Молодой витязь сразу же встал и прошел в женские покои. Он застал сестру, как обычно, за вышиванием. Гизельхер стал ей говорить, что пора перестать горевать по мертвому мужу, что она еще молода и может быть счастлива. А потом передал ей рассказы Рюдигера о дворе Этцеля, его величии и славе и напоследок сообщил о сватовстве короля гуннов. Но Кримхильда была непреклонна: она не покинет могильный курган, где похоронено все, что она любила в этой жизни.

Тогда заговорила госпожа Ута:

— Дитя мое, если ты согласишься стать женою Этцеля, ты станешь самой могущественной женщиной на свете.

— Самой могущественной женщиной на свете? — задумчиво повторила Кримхильда. — Послушай, Гизельхер, — продолжила она, указывая на свою вышивку, — ты знаешь, кто это тут изображен?

Он покачал головой, и она сказала:

— Это Вали, отомстивший за Бальдра и отправивший Хеда в царство Хель.

— Это старые сказки. В них больше никто не верит, — отвечал Гизельхер. — Давай лучше поговорим о добром Рюдигере, приехавшем посватать тебя за Этцеля.

— А вдруг это все сбудется? — проговорила она. — Все может быть... Позови маркграфа ко мне, я должна услышать это сама.

Гизельхер вышел, и госпожа Ута тоже ушла, оставив Кримхильду одну, как та и просила.

— Зигфрид, — сказала молодая королева, — только ради тебя я покидаю место твоего последнего приюта, откуда ты приходил ко мне во сне и наяву и указывал на свои раны — открытые, кровоточащие раны, что не закроются до тех пор, пока мне не удастся послать мрачного Хагена в царство Хель.

Рюдигер вошел и в самой учтивой манере сделал ей предложение от лица своего господина, но она согласилась переехать в землю гуннов и стать женою Этцеля лишь после того, как он поклялся именем бога Ирмина, что у нее будет своя дружина.

Когда Рюдигер сообщил эту новость трем братьям-королям, они встретили ее с радостью, потому что хотели, чтобы их сестра снова была счастлива. Но Хаген подошел к ним и сказал:

— Зачем вы призываете на свои головы громы небесные? Не выдавайте свою сестру за короля гуннов. Между нами и вдовой Зигфрида не может быть дружбы, как меж-

ду огнем и водой. Только неразумные дети могут вкладывать в руки врага меч, чтобы тот мог отсечь им головы.

Но братья не желали слушать его предупреждений. Начались приготовления к поездке в Этцельбург. Были посланы гонцы к Нибелугам и в Нидерланды, чтобы сообщить о предстоящем замужестве королевы. Они вернулись в сопровождении бесчисленных слуг и дружинников. В конце концов все было готово. Короли проводили сестру до Дуная, где они с ней простились, и дальше отряд путешественников возглавил маркграф Рюдигер. На границе Этцель со свитой ожидал прибытия королевы. При виде прекрасного бледного лица Кримхильды король просиял от радости. Он сказал, что она сможет по своей воле распоряжаться его землями и сокровищами, когда станет его королевой. Она отвечала, что будет ему верной и послушной женой, но ее любовь похоронена с Зигфридом. Король не придавал значения ее последним словам. Он был уверен, что ему удастся завоевать ее сердце добротой и лаской. И они вместе двинулись в Этцельберг. Свадебные торжества длились две недели — это была настоящая королевская свадьба.

Кримхильда почти не принимала участия в празднествах. Она делала все, что от нее требовалось, но все время думала о Зигфриде. Среди воинов, собравшихся на пиру, был один, кто славился своей необычайной силой — отважный Дитрих Бернский. Его мысли были далеко — в прекрасных землях Амелунгов, отнятых у него его дядей Эрменрихом. Ему не терпелось вернуться к своему народу и освободить его от ига завоевателей, но Этцель не давал ему обещанной помощи. Он часто одиноко и печально сидел в большом зале, пока остальные болтали и веселились. Королева подошла к нему и рассказала о злодействе Хагена. Он понял, что она уговаривает его отомстить, но он промолчал, поскольку не мог обратить свой меч против бургундских витязей, что были ему верными товарищами в былые дни.

Прошли месяцы и годы. У королевской четы родился сын. Он был точной копией своей матери и получил имя Ортлиб. Король и вся страна радовались рождению наследника. Король Этцель был готов исполнить любую просьбу своей жены, но ей все было безразлично. Она оставалась грустна и молчалива, хотя не оставляла без внимания свои обязанности. Даже маленький сын не принес ей счастья. Хотя она и заботилась о нем, но никогда не улыбалась даже ему. Рана, нанесенная смертью мужа, так и не зажила. Дух мести, не переставая, шептал ей в уши: «Кровь за кровь! Смерть за смерть», и она не слышала ничего, кроме этого шепота.

ГЛАВА 7

Бургунды приезжают в страну гуннов

Однажды, когда король Этцель играл с маленьким Ортлибом в присутствии королевы Кримхильды, он обмолвился, как сильно ему хотелось бы, чтобы мальчик стал таким же героем, как Зигфрид. Она едва не вскрикнула при упоминании этого имени, но, овладев собой, попросила мужа пригласить ее братьев и их друзей навестить их в стране гуннов. Это была ее первая просьба за все время их совместной жизни, и король Этцель был вне себя от радости, когда ее услышал. Он отправил менастрелей Свеммея и Вербея с двадцатью четырьмя благородными воинами, чтобы пригласить королей Бургундии на праздник летнего солнцеворота. Кримхильда послала с ними письмо своей матери, умоляя ее приехать. Несмотря на возражения Хагена, трое королей приняли приглашение Этцеля.

Хаген готовился к поездке так, будто они отправлялись на войну, а не на праздник. Госпожа Ута хотела поехать с ними, но ее преклонный возраст и многочисленные хвори

не позволили ей отправиться в столь длительное путешествие. Брунгильда тоже осталась дома, потому как не желала видеть счастье соперницы. И, кроме того, ее давно уже не радовали пиры и увеселения, большую часть времени она теперь проводила у могилы Зигфрида.

— Нибелунги собрались в гости к гуннам, — говорили простые люди, глядя на то, как король со свитой переезжают через Рейн.

С тех пор как сокровище попало в их страну, бургундских королей стали называть Нибелунгами, в честь незнакомой страны.

Путешественники двенадцать дней ехали через Черный лес и другие дикие места, пока наконец не добрались до Дуная. Здесь, на границе Баварии, им не повстречалось ни одного постоянного двора и ни одного паромщика. Пока остальные разбивали лагерь, Хаген проехал в глубь негостеприимной земли. Вскоре он наткнулся на ручей, впадавший в небольшое озеро. У берега Хаген увидел красавиц, плещущихся в прозрачных водах, и сразу догадался, что это девы-лебеди. Заметив его, они уплыли, но Хаген отыскивал их наряды из перьев, спрятанные на берегу, и девам пришлось за ними вернуться.

— Отдай нам наши перышки, — сказала одна из них, — и я скажу тебе, что ждет тебя в будущем.

Он обещал выполнить ее просьбу, если она скажет ему, чем закончится их поездка. Она обещала ему радость и веселье, и он отдал ей ее лебединый наряд. Но как только он это сделал, другая призналась, что ее сестра обманула его и что не счастьем, а горем закончится для них это путешествие. Из всех тех, кто отправился в страну гуннов, один лишь капеллан снова увидит воды Рейна. А что до воинов, то все они погибнут от меча, если сейчас же не вернутся домой. Хаген отвечал, что готов защищать себя и своих королей, и спросил, как перебраться через реку? Девы-лебеди указали ему, где найти паромщика, и улетели прочь.

Хаген последовал их совету и привел своих спутников к парому. Лодочник оказался его старым врагом и после рукопашной схватки был убит, а Хаген занял его место. Когда они были на середине реки, Хаген сбросил капеллана в воду, чтобы хотя бы одна часть предсказания не сбылась. Но его расчет оказался неверным: широкие одежды капеллана удержали его на поверхности бурных вод, и его вынесло на берег течением.

— Святому отцу дьявольски везет, — заметил сумрачный витязь. — Но мне все равно. Чему быть, того не миновать, как говорили норны в старину.

И путешественники поехали еще быстрее, чем раньше. Наконец не без приключений они добрались до замка маркграфа Рюдигера. Маркграф и его жена тепло встретили старых друзей. За то время, что они гостили в Бехларене, юный Гизельхер полюбил красавицу Дителинду, единственную дочь хозяев, и посватался к ней. По старому обычаю, юноша и девушка должны были перед всеми объявить, что согласны стать мужем и женой. Гизельхер не промедлил ни секунды. Его «да» прозвучало громко и отчетливо. Но прекрасная Дителинда краснела и смущалась и только в ответ на строгий вопрос решилась прошептать «да». Тогда Гизельхер заключил ее в объятия и поцеловал как свою нареченную невесту. Так они заключили союз на всю жизнь.

Бургунды, или Нибелунги, как их теперь все зовут, оставались в Бехларене несколько дней, а когда они уезжали, хозяин осыпал их дорогими подарками. Хаген отказался от всех даров, попросив взамен крепкий щит, что висел на стене среди другого оружия.

— Это щит Нудунга, нашего единственного сына, убитого вероломным Виттигом, — сказал маркграф, — возьми его, благородный витязь, и пусть он послужит тебе надежной защитой.

Путешественники снова двинулись в путь. Прибыв в землю гуннов, они были встречены Дитрихом и его дру-

жиной. Вместе с ними и Рюдигером Нибелунги прибыли в Этцельбург. Королева встретила их во дворе замка. Она приветствовала королей и поцеловала молодого Гизельхера, но не уделила никакого внимания воинам, что прибыли вместе с ними. Хаген сказал сердито:

— Странно, вроде мы приехали по приглашению, а не слышали от хозяев даже «добро пожаловать».

— Хаген из Тронье, — отвечала ему Кримхильда, — что ты сделал для того, чтобы заслужить такое приветствие? Ты привез мне украденные сокровища Нибелунгов?

— Они лежат на дне Рейна, и там они и останутся до конца времен. Но я знал, что ты захочешь богатый подарок, и привез его тебе.

— Мне не надо от тебя никаких подарков, — сказала королева. — Я достаточно богата. Я подумала, может, ты решил вернуть мне то, что мое по праву?

— Мне нелегко нести на себе мой щит, шлем, острый меч и кольчугу, — ответил витязь. — Но я постараюсь принести тебе дьявола. У него много сокровищ.

— Твои подарки мне не нужны, — отвечала королева. — Ты плохо служил мне в прошлом, убийца и вор. Я еще не расплатилась с тобой за твои прошлые дела.

Она отвернулась в гневе и, собрав вокруг себя своих дружинников, пообещала щедро вознаградить того, кто отомстит за смерть Зигфрида.

Затем королева предложила братьям снять оружие и доспехи перед тем, как предстать перед королем Этцелем. Хаген тут же посоветовал им этого не делать, предупредив о возможных последствиях.

Кримхильда воскликнула, что хотела бы знать, кто дал им такой совет. Тут герой Амелунгов вышел вперед и прямо заявил, что это он рассказал Нибелунгам, какие дьявольские планы плетутся во дворце. Королева бросила в его сторону сердитый взгляд и скрылась в своих покоях.

Пока короли дружески беседовали друг с другом, гуннские воины косо смотрели на бургундов. Хаген, желая по-

казать, что ничего не боится, предложил своим соратникам выйти во внутренний двор и ждать выхода королевы. Пойти с ним вызвался его старый друг, менестрель Фолькер. Вместе они сели на скамью под окнами королевы. Когда они садились, Хаген достал свой острый меч Бальмунг и положил себе на колени. Кримхильда вышла и спросила, за что он так ее ненавидит и почему он убил благородного героя Зигфрида.

— Что ж, — ответил он, — я никогда не скрывал, что это моих рук дело. Он нанес оскорбление королеве Бургундии, обесчестив тем самым весь королевский дом. Этот позор можно было смыть только кровью, а поскольку в открытом бою убить его было невозможно, пришлось действовать хитростью. Ты можешь обвинять меня в убийстве и вынашивать планы мести, но я не боюсь. У меня нет шапки-невидимки, и найти меня нетрудно.

Тогда Кримхильда повернулась к слугам и приказала им убить наглеца, оскорбившего их королеву. Но чужезранцы были так грозны с виду, что гунны не решились к ним приблизиться, хоть королева и сулила им за это горы золота. Они отступили, и королева скрылась в своих покоях, пылая от стыда.

И тут появился гонец от короля Этцеля с приглашением идти во дворец. Король принял их как старых друзей. Поприветствовав героев, он спросил, кто те два воина, что выглядят так устрашающе и все время держатся вместе.

— Это менестрель Фолькер и мой дядя Хаген из Тронье, — ответил король.

— Что? Хаген? — воскликнул Этцель. — Вот мы и встретились снова, старый друг, и по твоему лицу я вижу, что ты не обманул наших ожиданий. Но ты очень изменился с тех пор, как я в благодарность за службу отпустил тебя на родину, в Бургундию. Я вижу, ты лишился одного глаза, волосы твои поседели, а лицо стало таким суровым, что самый отважный воин испугается, если ты взмахнешь мечом.

— Кто знает, — отвечал герой, — когда мне придется снова взяться за меч.

— Пока ты на земле гуннов, такого не случится, — отвечал король. — Для нас ты желанный гость, как и все бургунды.

Вечер прошел спокойно, и ближе к полуночи бургундов провели в большой зал, где им были приготовлены постели, застланные покрывалами, расшитыми золотом. По предложению Хагена было решено выставить на ночь стражу. Ложась спать, бургунды положили рядом с собой свое оружие, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Хаген и Фолькер остались стоять на страже. Они какое-то время сидели молча, когда менестрель вдруг заметил, как в лунном свете блеснули латы воинов. Он указал на них своему товарищу. Хаген сразу же догадался, кто эти люди и что привело их сюда. Менестрель хотел напасть на Кримхильдиных слуг, но Хаген остановил его, опасаясь, что, пока они будут сражаться, кто-то из гуннов за их спиной проберется в зал и перережет их спящих товарищей. Так вышло, что мир не был нарушен, и на следующий день бургунды, надев доспехи, отправились в святилище на празднование солнцеворота. Увидев их, король Этцель спросил, почему они явились в полном вооружении. На это бургунды ответили лишь, что таков их обычай, решив не посвящать короля в подробности минувшей ночи.

После службы гостей ожидало праздничное пиршество, а затем последовали игры, танцы, музыка и другие увеселения. Во всех ратных забавах и воинских испытаниях бургунды превзошли гуннов. Наконец состязания подошли к концу, и витязи пожелали отдохнуть после трудного дня. Они как раз покидали арену, когда перед ними предстал один из гуннских принцев в сияющих доспехах. Он заявил, что до сих пор они состязались лишь с простолюдинами, и предложил им померяться силами с особой королевской крови. Отважный Фолькер крепче сжал в руке копьё и

принял вызов. Он метнул свое оружие с такой силой, что гуннский принц упал на песок тяжело раненный. Со всех сторон послышались крики: «Убийство! Смерть убийце!» В любую минуту могло начаться побоище. Тогда король Этцель бросился между враждебными сторонами и заявил, что всякий, кто причинит вред его гостям, будет немедленно казнен. Мир был восстановлен, но злобные взгляды с обеих сторон свидетельствовали о ненависти, бурлившей в каждом сердце.

В тот вечер король принес своего маленького сына Ортлиба в большой зал, чтобы показать его гостям. Все воины восхищались красивым и приветливым малышом и наперебой хвалили его, но Хаген сказал, что, по его мнению, ребенок не доживет до взрослых лет — уж больно хрупким он кажется.

Такие речи Хагена еще увеличили неприязнь гуннов к бургундам, но все промолчали. Вскоре в зале услышали шум, звон оружия, стоны и крики.

Первая кровь. Бледель и Данкварт

Перед тем как все отправились на пир, королева Кримхильда пригласила к себе героя Берна, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Она пообещала Дитриху помощь Этцеля в возвращении его королевства, но только если он окажет ей одну услугу — отомстит за Зигфрида. Но Дитрих отказался, сказав, что бургундские воины — его старые друзья и соратники, а кроме того, они приехали в Этцельберг как званые гости. Дитрих ушел, оставив ее в печали и отчаянии, но тут явился Бледель, брат Этцеля, и рассказал ей, что случилось в тот день на ристалище. Увидев, как он сердит, Кримхильда решила попробовать привлечь его на свою сторону. Она рассказала ему об убийстве Зигфрида, оставшемся неотомщенным, и посулила ему горы золота и серебра, если он выполнит ее просьбу. Он отказался,

опасаясь гнева Этцеля. Тогда хитрая женщина пообещала ему титул маркгарфа и руку одной из своих дам, за которой он давно и безуспешно ухаживал. Это решило дело. Бледель обещал устроить ссору с бургундами и, если Хаген вмешается, схватить его и привести, связанного, к королеве.

Кримхильда вернулась в свои покои, где царил смутный полумрак — занавеси из индийского шелка закрывали комнату от палящих солнечных лучей. Она сидела в задумчивости, и в памяти у нее вдруг всплыли слова, сказанные когда-то давно ее матерью: «Иная женщина может языком пролить больше крови, чем мужчина мечом». Кримхильда хотела было встать и отозвать Бледеля, но в ту же минуту отчетливо, как наяву, увидела мертвого Зигфрида на носилках. Он поднялся и протянул к ней руку, но, когда она подалась ему навстречу, ее рука не встретила ничего, кроме пустоты. Теперь она была готова дойти до самого конца. Пусть месть обернется для нее гибелью маленького сына, короля Этцеля и всего королевства, ей все равно. Она не боится смерти и с радостью умрет, если только ей удастся отплатить убийце Зигфрида.

Тем временем Бледель готовился осуществить задуманное. Когда он сказал своим дружинникам, что им предстоит, они с радостью проследовали за ним в зал, где брат Хагена, маршал Данкварт, следил за приготовлениями к пиру. Он поднялся со своего места, чтобы поприветствовать принца, но тот воскликнул:

— Готовься к смерти. Королева требует крови во искупление смерти великого героя Зигфрида.

— Но почему я должен платить за это убийство? Какое это имеет отношение ко мне?

— Теперь уже ничего нельзя сделать, — ответил гунн. — Наши мечи уже не могут вернуться в ножны.

— Жаль, что я приветствовал тебя, как друга. Теперь же ответчу тебе на языке холодной стали.

С этими словами он выхватил свой меч и с такой силой обрушил его на шею Бледеля, что с одного удара голова слетела с плеч.

Раздались дикие крики и призывы к мести, стало ясно, что сражения не избежать. Данкварту удалось проложить себе путь оружием, хотя его доспехи были забрызганы кровью, но беззащитные слуги были перебиты все до одного.

— Ко мне, брат Хаген, — кричал он, — спаси меня от вероломных гуннов! Бледель напал на меня и наших слуг, чтобы отомстить за смерть Зигфрида. Я убил его, но все наши слуги перебиты. Гунны предательски заманили нас в западню, и вырваться из нее смог лишь я один.

Побоище

Сражение возобновилось в пиршественном зале, несмотря на все попытки короля уладить дело миром. Во время борьбы маленький королевич Ортлиб, единственная надежда дома Этцеля, был убит. В конце концов Хагену, Данкварту и Фолькеру удалось запереть двери зала и закрыть их на засовы.

Король Этцель и королева следили за ходом схватки в страшном смятении. Дитрих и Рюдигер, не принимавшие участие в битве, также были мрачны и молчаливы. Наконец герой Берна воскликнул:

— Выслушайте меня, Нибелунги. Прислушайтесь к моим словам, бургунды. Дайте мне слово, что вы позволите мне и моим людям, а также маркграфу Рюдигеру беспрепятственно выйти отсюда.

— К чему спрашивать? — воскликнул пылкий Вольфхарт. — У нас найдутся ключи к этим дверям, пусть хоть тысяча Нибелунгов старается удержать их на замке.

— Тише, тише, безумец! — воскликнул Дитрих. — В твоих речах мало смысла.

Король приказал своим людям открыть двери, и, к ярости бургундов, Дитрих прошел через их ряды под руку с Кримхильдой с одной стороны и королем Этцелем с другой, а за ним шесть сотен его воинов. За ними следовал Рюдигер с четырьмя сотнями своих людей.

Гизельхер сказал маркграфу:

— Передай привет своей дочери и скажи, что я буду думать о ней даже в смерти.

Многие гунны пытались выбраться вместе с королем Этцелем, но Фолькер отрезал им путь к отступлению.

Как только Дитрих с Рюдигером благополучно ушли, кровавая резня возобновилась. Мечи бургундов не знали отдыха до тех пор, пока все гунны не были перебиты. Но отдохнуть после ратных трудов Нибелунгам не пришлось. Хаген призвал выбрасывать трупы из окон, чтобы они не загораживали проходы, когда атаки возобновятся. Его сразу послушались. Тела убитых и раненых гуннов полетели на камни во дворе.

Фолькер и Хаген охраняли вход на случай, если враг нападет неожиданно.

Пока Этцель заламывал руки и оплакивал гибель стольких верных друзей и надежных товарищей, Кримхильда предложила щит, полный золота и драгоценных камней, тому, кто убьет ее смертельного врага — Хагена из Тронье. Из всех, кто это слышал, только один человек вызвался исполнить ее волю. Это был граф Иринг из Дании.

Он смело ринулся на врага и проявил чудеса доблести и отваги, но в конце концов был побежден и пал мертвым под окном Кримхильды.

Хавард и Ирнфрид из Тюрингии не могли оставить смерть Иринга без последствий. Они собрали своих людей и ринулись в атаку. Сражение началось у самой двери, где Ирнфрид был сражен мечом менестреля, а Хавард был убит героем из Тронье. Но бойцы из Дании и Тюрингии продолжали сражаться, невзирая ни на что, и Хаген воскликнул:

— Откройте дверь. Пусть войдут. Им не выйти живыми назад. Фолькер пропоет им колыбельную, а наши мечи ему подыграют.

И тогда Нибелунги расступились и витязи из Дании и Тюрингии ступили на залитый кровью пол. Битва началась. Много отважных бургундов полегло в этом бою, но ни один из их врагов не ушел живым.

Переговоры и поджог

Тишина воцарилась во дворце. Воины Нибелунгов сложили свои щиты и доспехи, чтобы отдохнуть от ратных трудов, а Хаген и Фолькер остались на страже у двери. Воспользовавшись затишьем, бургунды попытались заключить мир. Они напомнили королю Этцелю, что они приехали по его приглашению, как друзья, а были встречены предательством и злобой. Но Этцель потребовал, чтобы бургунды признали его своим сувереном. Тогда Гизельхер повернулся к сестре и спросил, что сделал он ей плохого, чтобы заслужить подобное обхождение? И даже женщины, оплакивавшие мужей и сыновей, свидетельствовали, что он известен лишь добрыми делами. Его слова тронули сердце Кримхильды, и она отвечала, что он, Гунтер и Гернот могут свободно уехать вместе со всеми своими дружинниками и слугами, если только они выдадут убийцу Хагена, чтобы она могла расплатиться с ним за то зло, что он ей причинил. Но Нибелунги, все как один, отвергли это предложение, посчитав его позорным.

Взбешенная дерзостью врагов, королева приказала гуннам предпринять еще один штурм и выгнать бургундов из главного зала. Снова закипело яростное стражение. Кримхильда не знала жалости. Она велела слугам поджечь верхнюю, деревянную, часть дома, и вскоре языки пламени уже охватили всю крышу. В конце концов она со страшным грохотом обрушилась на них. Зал наполнился страш-

ными криками гибнущих в огне людей. После этого королева вернулась в свои покои и, стоя у окна, выходящего на дом, где, как она думала, сейчас горели ее братья и их друзья, она с грустью и сожалением думала о прошлом. Но сожаление это было недолгим. В ее сердце почти не осталось других чувств, кроме ненависти к Хагену.

А тем временем Нибелунги не погибли в огне, как надеялась Кримхильда. Большой зал со сводчатыми потолками, в котором они укрылись, был построен надежно и почти не пострадал от пожара. Бургунды долгое время просидели как в горячей печи, жар был такой силы, что им чудом удалось остаться в живых. По совету Хагена они утоляли неукротимую жажду кровью мертвых врагов.

Когда гунны пришли посмотреть на их обгоревшие тела, они, к своему немалому удивлению, столкнулись с шестью сотнями воинов, живых и невредимых.

Еще одно убийство. Гибель владетеля Бехларена

Королева с удивлением узнала, что Нибелунги по-прежнему живы и готовы сражаться. Пока она раздумывала, что лучше предпринять в такой ситуации, гуннская знать стала ей намекать, что следует обратиться за помощью либо к маркграфу Рюдигеру Бехларенскому, либо к Дитриху Бернскому. Первый получил от короля бесчисленное множество благодарностей, а второй долго пользовался гостеприимством Этцеля, будучи изгнанным с собственных земель. Кримхильда послушалась совета и послала за Рюдигером.

Благородный маркграф сразу же явился по повелению королевы. Этцель рассказал ему, как обстоят дела. Король напомнил маркграфу обо всех почестях и богатых подарках, что тот получил у него на службе, и заявил, что теперь Рюдигеру пора подтвердить свою благодар-

ность. Ему предстоит покарать бургундов за ужасный урон, который они нанесли королевскому дому и всей стране гуннов.

— Мой государь, — ответил доблестный витязь с горечью, — твои слова — истинная правда, и я готов сослужить тебе любую службу, какой бы опасной она ни была. Но не проси меня нарушить клятву в вечной дружбе, что я дал бургундам, когда они гостили у меня в Бехларене по дороге в Этцельберг. Они оказали мне большое доверие, а юный Гизельхер обручился с моей дочерью и собирался разделить с ней бургундский трон. С моей стороны было бы бесчестно поднять руку на тех, кто пришел ко мне с открытым сердцем.

Когда Этцель напомнил ему, что он дал клятву служить своему королю, Рюдигер ответил:

— Возьми себе мои замки и города, все богатство, что ты мне дал, и все, что добыл я сам в честном бою. Я пойду по миру с женой и дочерью, и моими главными богатствами останутся правда и честь.

— Нет, благородный маркграф, — ответила королева, — долг велит тебе повиноваться. Вспомни, как ты приехал в Бургундию сватать меня за Этцеля. Я боялась в одиночку ехать к варварам-гуннам, среди которых у меня не было ни друзей, ни советчиков, и ты поклялся мне торжественной клятвой, что будешь защищать меня от любого противника, кроме своего короля. Клятва, данная мне, старше той, что ты дал Нибелунгам. Если ты ее нарушишь — будешь обещен.

Рюдигер стоял перед королевой в глубокой задумчивости. Наконец он сказал:

— Отруби мне голову. Я не дрогну, когда топор палача коснется моей шеи. Но не заставляй меня делать то, что противно моей совести.

Но король и королева не соглашались, и наконец Рюдигер с тяжелым сердцем согласился исполнить их приказание.

Нибелунги стояли у окна, надеясь на помощь. Увидев, что благородный маркграф приближается к ним со своими людьми, Гизельхер радостно воскликнул, что еще не все потеряно, что они снова увидят Бехларен и Рейн. Когда Рюдигер подошел к двери, он объяснил, что привело его. Гунтер напомнил ему его клятву в вечной дружбе, и Рюдигер с болью в сердце ответил, что другая клятва, данная им жене Этцеля, вынуждает его сразиться с ними. Поэтому они попрощались как добрые друзья, вынужденные сражаться друг с другом против своей воли. Снова кровь Нибелунгов и их противников запятнала пол главного зала. Ярость боя кипела в каждом сердце, и многие были убиты. Среди них были Рюдигер и Гернот. В конце концов в живых не осталось ни одного бехларенца. Но и Нибелунгам дорого далась эта победа — они недосчитались двухсот человек.

Герои молча стояли в просторном зале. Снаружи, со двора, до них донесся негодующий голос королевы. Она обвиняла маркграфа Рюдигера в том, что он ее предал и заключил мир с Нибелунгами. Фолькер не сдержал гнева, услышав эти низкие подозрения. Высунувшись из окна, он посоветовал ей не возводить напраслину на верного слугу, потому что герой Бехларена сложил свою голову у нее на службе. Он приказал, чтобы тело маркграфа поднесли к окну, чтобы король, королева и все гунны могли его увидеть. У Этцеля вырвался крик ужаса и проклятия в адрес того, кто это сделал. Он потребовал свой меч, чтобы самому повести отряд мстителей, но не стал вынимать его из ножен, — так страшен был вид Хагена и Фолькера, стоящих на страже у дверей.

Кримхильда смотрела на происходящее, молча скрестив руки на груди. Она была по-прежнему прекрасна, но теперь это была красота павшего ангела. Услышав о смерти своего старого друга — Рюдигера, Кримхильда уронила пару слезинок. Хотя, может статься, она оплакивала не его, а потерю своего последнего союзника и раздумывала

вала, как ей добиться своей цели. Но последующие события оказались для нее столь же неожиданными, как и для всех остальных.

Дитрих и Амелунги

Один из людей Дитриха узнал о случившемся. Он поспешил к своему хозяину и рассказал ему о странных, необъяснимых событиях. Дитрих отказался верить. Он послал Хельфриха во дворец выяснить правду. Услышав о смерти Рюдигера, герой Берна послал своего старого учителя Гильдебранда к Нибелунгам, спросить, что заставило их совершить это злодейство.

Учитель намеревался пойти без оружия, но Вольфхарт воскликнул, что глупо идти как ягненку в пасть к волку. Гильдебранд счел этот совет разумным и облачился в доспехи. По пути к нему присоединились полностью вооруженные дружинники Дитриха под командованием Вольфхарта. Он приказал своему пылкому племяннику вернуться, но тот решительно отказался, заявив, что не допустит, чтобы его дядя шел один, и все остальные воины в один голос отказались его покинуть. Когда группка храбрецов приблизилась к дому, что защищали Нибелунги, Гильдебранд опустил свой щит и спросил, правда ли, что достойный маркграф убит? Хаген отвечал, что они сами сожалеют о случившемся, но уже ничего не поделаешь, поскольку он был убит в неизбежном бою. При этом известии Амелунги разразились горестными криками. Вольфхарт рвался тут же, не сходя с места, отомстить за гибель друга, но Гильдебранд удержал его, грозя гневом Дитриха. Затем, повернувшись к Нибелунгам, он именем Дитриха Бернского потребовал выдать им тело маркграфа, чтобы они могли похоронить его с почестями. Король Гунтер ответил, что это похвально с их стороны и они готовы удовлетворить подобное желание. Вольфхарт попросил Нибелунгов

лунгов поторопиться и поскорее вынести тело, на что Фолькер ответил, что они устали после сражения, и пусть Амелунги сами войдут и заберут тело.

Слово за слово, Вольфхарт не мог больше сдерживаться и ринулся на врагов, а следом за ним с боевым кличем бросились остальные Амелунги. Учитель Гильдебранд оказался подхвачен общим потоком, и, когда началось сражение, он оказался в самой гуще событий. Усталые Нибелунги и отважные Амелунги, сражавшиеся бок о бок в великой битве при Равенне, теперь схлестнулись в рукопашной схватке не на жизнь, а на смерть. Могучий Зигштаб, герцог Бернский, смелый Хельфрих, отважные герои Вольфбранд, Хельмнот, Ритшард и другие — все они горели желанием отомстить за смерть Рюдигера. Все смешалось, и старые враги не могли отыскать друг друга. Так Фолькер и Вольфхарт не смогли сойтись вместе: менестрель обрушился на Зигштаба, зарубившего многих бургундов, и нанес ему смертельный удар, но тут же и сам он был сражен рукой Гильдебранда. Данкварт был убит Хельфрихом, Вольфхарт успел совершить немало подвигов до того, как на него бросился Гизельхер. После отчаянного поединка молодой король нанес ему сокрушительный удар в грудь, но Вольфхарт в смертельной агонии схватил свой меч обеими руками и прикончил противника.

Старый Гильдебранд увидел, что племянник его упал, и поспешил к нему. Он поднял его и постарался вынести из этого проклятого места, но тот был слишком тяжел для него. Раненый герой открыл глаза в последний раз и произнес слабым голосом:

— Дядя, скажите друзьям, чтобы не плакали обо мне. Я принял смерть от руки короля, а он — от моей. В моей крови стихает буйство, она успокаивается, и скоро я мирно усну, как усталый ребенок.

Это были последние слова самого отчаянного и отважного воина из свиты Дитриха. Все товарищи Бернского героя, кроме Гильдебранда, лежали мертвыми на залитом

кровью полу, и вместе с ними все бургунды, за исключением Гунтера и Хагена.

— Постой, Гильдебранд! — послышался страшный рев. — Ты заплатишь мне за Фолькера.

Это был Хаген. Старый учитель смело защищался, но владелец Тронье был силен и полон решимости, а Бальмунг остр. Ужасный удар рассек кольчугу Гильдебранда, и кровь потоком хлынула из раны.

Смерть Нибелунгов

Старик почувствовал, что ранен. Он взглянул в суровое и мрачное лицо противника, и впервые за всю его долгую жизнь его охватил страх. Прикрывшись щитом, он бежал с поля боя, как трус.

В разбитых доспехах, весь забрызганный кровью, старый учитель вернулся к своему государю. Дитрих спросил, почему тот весь в крови. Тогда Гильдебранд сказал ему, что бургунды убили доброго Рюдигера и отказались выдать его тело для похорон.

Герой Берна был так опечален этими событиями, что не стал задавать больше никаких вопросов. Он приказал своему старому учителю собирать дружину.

— Кто явится на зов? — спросил Гильдебранд. — Ты, государь, да я — вот и все что осталось от бернской дружины. Из Нибелунгов же уцелели только Хаген и король Гунтер.

Сначала Дитрих не мог понять, что говорит ему Гильдебранд, но потом он громко застонал, оплакивая друзей и соратников.

— Как могло случиться, что мои витязи пали от рук Нибелунгов, обессиленных в недавнем сражении? И как теперь я верну себе земли Амелунгов?

Дитрих зарыдал, оплакивая свою судьбу. Но тут же, взяв себя в руки, он стал облачаться в доспехи, чтобы отомстить

за павших товарищей. Вместе с Гильдебрандом он направился в пиршественный зал, где Хаген и Гунтер ожидали решения своей судьбы, готовые дать отпор любому противнику.

Хаген и Гильдебранд обменялись столькими оскорблениями, когда встретились, что Дитрих устроил им выговор, назвав старыми бабами, и потребовал немедленно начать бой. Хаген без промедления двинулся к нему навстречу. Бальмунг не затупился в сражении, и герою Берна пришлось нелегко, но рука, что его держала, устала, и в ней уже не было былой ловкости. Видя это, Дитрих внезапно набросился на Хагена и, повалив его на землю, быстро связал. Затем он отвел своего пленника к Кримхильде, призвав ее проявить снисхождение к своему противнику — храбрейшему и отважнейшему из витязей. Поверив словам лести и благодарности, сказанным Кримхильдой, Дитрих не заметил, как глаза ее сверкнули злорадным огнем, и не придавал значения румянцу, вспыхнувшему у нее на щеках. Он поспешил прочь — ему еще предстояла последняя битва с королем Гунтером.

Кримхильда добилась своей цели — цели, к которой она шла через реки благородной крови. Хаген прочел свою судьбу в ее глазах, но он и глазом не моргнул, чтобы не доставить ей удовольствия. Однако Кримхильде еще нужно было узнать, где спрятаны сокровища Нибелунгов, и поэтому она говорила с Хагеном приветливо и обещала, что отпустит его домой целым и невредимым, если он выдаст ей тайну клада. Герой, казалось, был тронут ее великодушием и сказал, что охотно открыл бы ей секрет, но он поклялся никому не говорить об этом до тех пор, пока жив хоть один из королев Бургундии.

Она еще раз пообещала ему сдержать слово, если он выполнит ее просьбу, и приказала страже увести его.

— Ложь, все это ложь, — сказал он себе, когда стражники потащили его прочь.

Вскоре Дитрих Бернский явился с пленным королем Гунтером. Последнего тоже отвели в темницу, при этом королева распорядилась, чтобы Гунтера и Хагена держали врозь.

Ее кольнула совесть, когда она вспомнила, что Гунтер приходится ей братом, но она твердо решила держаться выбранного пути. По ее приказу королю Бургундии отрубили голову и положили ее у ног Хагена, дабы он убедился, что последний король Бургундии мертв.

Герой с презрением отшвырнул от себя голову Гунтера.

— Не тебе, — воскликнул он, — я клялся в верности. Королевский дом Бургундии, которому я служил и чью честь я берег как зеницу ока, повержен. Слава его померкла. Мне незачем больше жить.

В ту ночь Кримхильде приснился счастливый сон. Зигфрид, каким она его помнила, протягивал к ней руки с любовью и благодарностью, а потом медленно растаял в утреннем тумане.

На следующее утро Кримхильда сидела рядом с королем Этцелем в парадном одеянии. Героя Тронье привели к ней в оковах. Она снова спросила его, где лежат сокровища Нибелунгов. Подняв голову, он ответил со своей прежней дерзостью:

— Ты ошибаешься, женщина, если думаешь, что дух мой сломлен и теперь я покорюсь твоей власти. Короли Гунтер, Гернот и Гизельхер мертвы, и никто, кроме меня и Бога, не знает, где в глубоких водах Рейна спрятано сокровище. И я никогда тебе этого не скажу.

Кримхильда молча спустилась с трона и взяла в руки острый меч Бальмунг, что лежал рядом с доспехами Хагена.

— Ты хорошо позаботился об украденном у меня золоте, — сказала она. — Но ты украл у меня еще одну вещь. И теперь я держу ее в своих руках. Этот меч висел на поясе у моего мужа, когда я видела его в последний раз в тот

день, когда ты предательски убил его. Посмотрим, сможет ли он отомстить за своего хозяина.

Она вытащила меч из ножен, взяла его обеими руками и с такой силой обрушила его на пленника, что с одного удара отсекла ему голову, которая покатилась к ногам Гильдебранда.

Крик ужаса эхом прокатился по залу, и все стихло. Кримхильда вложила окровавленный меч обратно в ножны и сказала:

— Не смывайте кровь с клинка. Бальмунг отвезут в Вормс и положат в могилу Зигфрида. Так он узнает, что его любящая жена покарала убийцу. Все это время я жила лишь любовью и мщением. Моя работа сделана.

— Странно, — сказал Гильдебранд, глядя на отрубленную голову, — храбрый из воинов был убит женщиной. И хоть он не был моим другом, я отомщу за него.

С этими словами он вытащил свой меч из ножен и нанес королеве смертельный удар. Этцель вскрикнул и бросился на колени рядом с женой. Кримхильда побледнела как полотно и едва только смогла выдохнуть:

— Не наказывайте Гильдебранда, — сказала она, и это были ее последние слова.

ГЛАВА 8

Похороны Нибелунгов

Как ни велико было несчастье, обрушившееся на страну и на королевский дом, но мертвых нужно было без промедления похоронить. Сердце короля Этцеля было слишком переполнено горем, чтобы он мог думать о делах, поэтому Дитриху и Гильдебранду пришлось самим отдавать все распоряжения.

Все мертвые были похоронены со всеми возможными почестями, за исключением героя из Тронье, о котором

забыли. Когда могильные курганы были уже засыпаны, Гильдебранд вспомнил о храбром воине, чье обезглавленное тело осталось лежать в зале для приемов. Он приказал, чтобы ему приготовили отдельную могилу, где его и похоронили вместе со всем оружием, за исключением лишь доброго меча Бальмунга. По воле Кримхильды меч следовало положить в могилу Зигфрида. Многие из гуннов шли вместе с погребальной процессией, но никто не оплакивал воина, чья сильная рука принесла столько горя их родной стране. Следующей весной все курганы были покрыты цветами, а на могиле Хагена рос лишь чертополох да колючки, посреди которых устроила себе нору ядовитая змея. Все, кто видел эту змею вблизи, отмечали, что у нее только один глаз, как у героя из Тронье. Считалось, что дух Хагена вселился в эту змею.

В Бехларене

Дитрих и Гильдебранд послали гонцов в Бехларен и Вормс, чтобы рассказать обо всем, что случилось. Они поручили благородному менестрелю Свеммелингу быть их послом, потому что у него было чуткое сердце, и он сообщил бы им новость, не причиняя лишних страданий.

Маркграфиня с дочерью сидели у открытого окна, глядя на облака, поднимавшиеся на востоке. У Годелинды внезапно стало тяжело на сердце, ею овладели тяжелые предчувствия, и она не смогла не сказать об этом дочери.

Она сказала, что ждет плохих вестей, потому что прошлой ночью во сне ей явилась королева Гельха в окружении бургундов и многих других воинов, облаченных в доспехи.

— Королева, — добавила Годелинда, — сказала, что забирает героев с собой. Она взяла за руку твоего отца и Гизельхера и повела их прочь, а все остальные пошли следом за ними. Я хотела к ним присоединиться, но она сделала

мне знак идти назад. А потом они растаяли в сером тумане, и на его месте выросла гора, высокая, как...

Тут она прервалась, потому что услышала стук копыт — в ворота замка въехал Свеммелинг со своими спутниками. Маркграфиня увидела коня Рюдигера и его доспехи, и ей стало ясно значение сна. Но даже в горе она старалась держаться, чтобы не испугать дочь, которая сидела бледная как смерть.

Менестрель прошел к дамам. Маркграфиня поднялась ему навстречу и сказала, что обо всем догадалась, и он может не раздумывать, как ему лучше сообщить свою новость. Через несколько минут они уже были готовы выслушать рассказ о том, как встретил свою смерть благородный Рюдигер. Свеммелинг взял в руки арфу и запел о героях, верных долгу и встретивших свою смерть в бою, с оружием в руках. Теперь они живут во дворцах Одина и Фрейи. Их духи летают над морями и землями и говорят с живыми дыханием ветров и шелестом листвы, нашептывая им слова утешения.

Потом он во всех подробностях рассказал им, что случилось в Этцельберге. На следующий день Свеммелингу надо было снова трогаться в путь. Через несколько недель после его отъезда маркграфиня умерла от горя, и Дитлинда осталась совсем одна. Когда Дитрих вернул себе земли Амелунгов, он взял сироту из Бехларена в свиту своей жены, благородной Герраты. Там она покорила сердце отважного воина и вышла за него замуж.

Свеммелинг же торопился поскорее добраться до Вормса.

Вормс

А в Вормсе тем временем жизнь текла спокойно и тихо. Королева Ута проводила долгие часы, сидя за прялкой. Она все время напевала странные песенки, но почти ни с

кем не разговаривала. Королева Брунгильда сидела рядом с ней и вышивала сцену убийства Бальдера, скопированную со старых картин. Удивительно, но бог света получался у нее точной копией Зигфрида.

— Взгляни, матушка Ута, — сказала она. — Как я ни стараюсь, на картине выходит Зигфрид, такой, как в тот день, когда отправился на свою последнюю охоту. Это грустная история напоминает мне легенду, что я слышала в детстве в Исландии. В ней речь шла об убийстве, совершенном, чтобы завладеть волшебным мечом. Когда Хаген вернется, я потребую, чтобы он отдал мне меч Зигфрида — Бальмунг, и возвращу его мертвому герою. Боюсь, что, если этого не сделать, Бургундию ожидают такие же беды, как те, что постигли в прошлом Исландию.

— Ни Хаген, ни остальные не вернутся больше в этот дом, на котором грех кровопролития, до сих пор не искупленный, — сказала матушка Ута и, не договорив, принялась напевать одну своих жутких, странных песенок, которые никто не мог слушать без содрогания.

И тут как раз приехал Свеммелинг. Он рассказал королевам о путешествии бургундов в земли гуннов, о теплом приеме, что им там оказали, о последовавшей ссоре, сражении и трагическом исходе. Рассказ менестреля не прерывался ни плачем, ни стенаниями, ни расспросами. Когда Свеммелинг закончил, госпожа Ута сказала:

— Печальную повесть ты нам поведал, но иначе и быть не могло. Только кровь героев могла смыть с этого дома проклятие, тяготевшее над ним.

Брунгильда не обронила ни слезинки. Как полагается хозяйке, она отдала все необходимые распоряжения, чтобы гости ни в чем не нуждались. Потом она попросила Свеммелинга отдать ей добрый меч Бальмунг и, глядя на сверкающее лезвие с пятнами крови на нем, сказала:

— Ужасный Хаген украл этот меч из могилы Зигфрида. Я верну клинок, обгаренный кровью убийцы, его прежнему хозяину. Теперь герой может покоиться с миром.

Она ушла к могильному холму с мечом в руках, но не вернулась ни в тот день, ни на следующее утро. Когда ее нашли, она лежала мертвой рядом с гробом Зигфрида, на который она положила Бальмунг.

Госпожа Ута так и пряла день за днем свою пряжу и при этом напевала песню о королеве-змее, погубившей свое потомство.

Знать Бургундии и весь народ оплакали королевский дом и павших героев. Но когда враги королевства подняли голову, нотабли объединились и возвели на престол юного сына Гунтера и Брунгильды, поручив его, пока он еще ребенок, попечению достойных наставников.

ЛЕГЕНДА О ХЕГЕЛИНГАХ

ГЛАВА 1

Хаген

Множество славных рыцарей съехалось в высокий замок короля Ирландии Зигебанда на празднование летнего солнцеворота. Каждый старался быть первым в ратных забавах и турнирах, дабы прославить себя и свою страну. Менестрели слагали в честь особо отличившихся сладкозвучные песни, а для юношей из благородных семей были устроены состязания в метании копья и стрельбе из лука. Но в каком бы состязании ни участвовал маленький сын короля — Хаген, он всегда выходил победителем, и это наполняло сердце его матери, королевы Уты, гордостью.

В один из дней мальчишки забавлялись метанием копья. После того как последнее копьё вонзилось в мишень, все устремились за своим оружием, и юный принц вместе с остальными. Он далеко опередил своих товарищей и, подбежав к мишени, принялся вытаскивать копьё. И вдруг какой-то старик крикнул детям, чтобы они разбегались и прятались: им грозила опасность. Он указывал рукой на небо, крича:

— Грифон! Грифон!

В это время королева Ута выглянула в окно и увидела в небе черную точку. Маленькая и безобидная поначалу, точка стремительно приближалась и росла на глазах. И вот уже не стало слышно ничего, кроме шума хлопающих кры-

льев, и звук этот был подобен реву бури. Все мальчики в ужасе разбежались, только Хаген остался на месте и изо всех своих детских сил метнул в огромную птицу копьё. Но его оружие лишь слегка задело грифона, не причинив ему вреда, и в следующее мгновение чудовище схватило ребенка своими когтями и унесло прочь.

Так радость и веселье в замке Балиан сменились скорбью: наследник престола погиб. Не было никакой надежды на его спасение: много отважных рыцарей охотно сразились бы с грифоном, но его полет был так стремителен, что никто не видел, куда он скрылся. Шли годы, и король с королевой ничего не могли узнать о судьбе своего ребенка.

Грифон перенес Хагена через моря и земли к своему гнезду, устроенному на скале, поднимающейся из моря. Он отдал его на корм своим птенцам, а сам полетел за новой добычей. Маленькие грифоны набросились на мальчика, готовясь разорвать его на части, но он со всей силы оттолкнул их клювы и схватил птиц за горло, стараясь задушить. В конце концов один из грифонов, что был постарше других и уже умел летать, схватил ребенка и перелетел с ним на ветку дерева, чтобы полакомиться в одиночку. Но ветка оказалась слишком тонкой и, не выдержав тяжести, сломалась. Грифон вместе с мальчиком свалился вниз, в колючий кустарник. Птенец, захлопав крыльями, улетел, а Хаген, не обращая внимания на острые шипы, забирался все глубже и глубже в заросли. Наконец он заполз в глубокую пещеру и там, совершенно измученный, лишился чувств. Когда он пришел в себя, то увидел маленькую девочку, примерно его возраста, стоящую чуть поодаль и с удивлением его разглядывающую. Он приподнялся на локте, чтобы лучше ее рассмотреть, и она тут же отбежала подальше, потому что вид его был страшен. Он был весь покрыт грязью, раны его кровоточили, разорванная одежда свисала клочьями. Хаген заковылял вслед за девочкой и нашел ее укрывшейся в большой пещере вме-

сте с двумя другими. Увидев его, они вскрикнули от ужаса, потому что приняли его за злого карлика или водяного. Однако, когда мальчик объяснил им, что он — несчастный принц, похищенный грифоном и лишь чудом спасшийся из его гнезда, они успокоились и предложили ему разделить с ними их убежище.

Потом они поведали ему свои истории, что были как две капли воды похожи на его собственную. Выяснилось, что девочку, которую он увидел самой первой, зовут Хильда и что она — индийская принцесса. Вторая была Хильдбурга из Португалии и третья — из Исландии. Они усердно ухаживали за ним, и раны его вскоре зажили. Когда Хаген немного окреп, он отправился на поиски пропитания и зашел далеко в глубь острова, куда девочки никогда не решались заходить. Хаген соорудил себе лук и стрелы с наконечниками из рыбьих костей и стал бить разную мелкую дичь. Поскольку у детей не было огня, им приходилось есть пищу сырой, но от этого они стали только сильнее и крепче. Когда Хагену исполнилось двенадцать лет, он был ростом со взрослого мужчину.

Тем временем маленькие грифоны подросли и стали сами летать на поиски пропитания, поэтому мальчик уже не мог бродить по острову так свободно и безопасно, как раньше. И все же однажды вечером он отправился на берег и забрался под скалу, нависшую над берегом. Хаген вглядывался в бушующее море, озаряемое яркими вспышками молний. Его ничуть не пугали оглушительные раскаты грома, завывания ветра и рокот волн, бьющихся о скалы. Но внезапно он заметил корабль, борющийся с разбушевавшейся стихией, и сердце его наполнилось страхом и надеждой. Надеждой потому, что он вспомнил свою прежнюю жизнь в родительском доме, и страхом потому, что кораблик казался таким маленьким и беззащитным в бурном море. Он увидел, что корабль направляется к острову. Затем послышался один-единственный крик ужаса, и корабль вместе с командой поглотили kloкочущие волны.

Буря свирепствовала всю ночь, но первые лучи утреннего света, похоже, смягчили ярость ветра. По берегу были раскиданы обломки кораблекрушения и трупы несчастных моряков. Хаген намеревался отправиться туда, надеясь отыскать что-нибудь полезное, когда услышал шум крыльев и догадался, что грифоны слетаются на берег, учуяв добычу. Пока чудовища пиروвали, мальчик выбрался из своего укрытия в поисках еды. Но ему не подалось ничего, кроме плавающих бревен и утопленников в полном боевом вооружении, с мечами, луками и колчанами, полными острых стрел. Хаген едва не закричал от радости: теперь у него было настоящее оружие, подобное тому, что он видел при дворе своего отца. Он быстро облачился в кольчугу, надел на голову шлем, прикрепил к поясу меч и взял в руки стальной лук со стрелами. И только он успел это сделать, как один из грифонов кинулся на него. Хаген изо всех сил натянул лук, и стрела попала грифону в грудь. И в следующее мгновение он, захлопав крыльями, свалился мертвым к ногам мальчика. Еще одно чудовище постигла такая же участь. Тогда три оставшиеся птицы напали на него разом, но всех их он зарубил своим мечом. Отрубив мертвым грифонам головы, Хаген отнес их в пещеру, где его подруги провели ночь без сна, беспокоясь за его жизнь. Как же они обрадовались, когда узнали, что грифоны убиты. Вместе с героем они отправились на место битвы и помогли ему сбросить огромных птиц в море, а затем, согласно благочестивому обычаю, сложили могильный холм над мертвым воином, чье оружие помогло Хагену одержать победу. Они тщетно искали среди обломков какую-нибудь провизию, но зато нашли совершенно неповрежденную шкатулку с кремнем и огнивом, так что теперь могли разжечь огонь. После былых лишений еда, приготовленная на огне, показалась им верхом совершенства.

Теперь Хаген ходил охотиться гораздо чаще, чем раньше. Он убивал медведей, волков, пантер и других зверей. Но однажды ему встретилось странное существо. Все

тело у него было покрыто сияющей чешуей, глаза горели, как раскаленные уголья, а в пасти поблескивали ужасные зубы.

Мальчик направил ему в спину острую стрелу, но острие отскочило от блестящей чешуи, не причинив никакого вреда. Вторая стрела упала на землю с тем же результатом. Теперь Хаген вытащил меч, но все его усилия уходили впустую, и лишь благодаря необыкновенной ловкости ему самому удалось избежать ужасных когтей. Когда он был почти совсем измучен долгой борьбой, он наконец догадался, что нужно сделать, и метнул свое оружие прямо в пасть чудовищу. Обессиленный, Хаген присел рядом с еще вздымающимся телом своего недавнего противника. Он мечтал о глотке воды, чтобы утолить жажду, но рядом не было никакого источника, и тогда он испил свежей крови, что струилась из ран чудовища. Едва он это сделал, как силы вернулись к нему, и он почувствовал, что способен на великие подвиги. Он вскочил на ноги, горя желанием испытать себя в деле. Теперь он бы не побоялся сразиться со всеми великанами и грифонами в мире. Мальчик вытащил свой меч и одним ударом разрубил медведя. Точно так же он убил двух пантер и огромного волка. Измазанный с головы до ног кровью, Хаген выглядел так свирепо, что, когда он принес медвежью тушу к пещере, девушки испугались. Но, увидев милую Хильду, он сразу стал похож на себя прежнего.

Шли годы. У Хагена и трех его подруг было все, что нужно для жизни: вода, пища и одежда из шкур диких зверей. И хотя они жили дружно и счастливо, им очень хотелось вернуться к людям, и они часто бросали жадные взгляды на море в надежде увидеть приближающийся корабль. И вот однажды, когда девушки стояли на берегу, на горизонте появился белый парус и направился в сторону острова. Они разожгли костер и позвали Хагена, который присоединился к ним в полном вооружении. Сигнал был замечен, и с корабля послали лодку; вскоре она приблизи-

лась к берегу. Рулевой вскрикнул от удивления, когда увидел их странные одеяния, и спросил, люди ли они или духи вод.

— Мы бедные, несчастные люди, — сказал Хаген. — Ради бога, заберите нас с собой.

Моряки отвезли их на судно, и они поднялись на борт. Капитан посмотрел на них в крайнем изумлении, и, чтобы развеять его сомнения, Хаген рассказал ему их историю. Когда он сказал, что его отец — могущественный король Зигебанд, хозяин замка Балиан, капитан воскликнул:

— Что? Ты поубивал грифонов, как мух? Но все равно для меня большая удача, что ты попал ко мне в руки, потому что я, граф Гаради, много натерпелся от твоего отца. Теперь, когда я взял тебя в заложники, ему придется выложить кругленькую сумму. Эй, люди, закуйте этого юношу в кандалы и возьмите курс на Гарадин.

Едва он произнес эти слова, как Хагеном овладела безумная ярость. Он побросал моряков, что пытались его схватить, в море, а затем, вытащив меч, кинулся на хозяина судна, но тут чья-то мягкая рука легла ему на плечо. Он в бешенстве обернулся, но при виде прелестного, милого личика Хильды гнев его пропал. Хильда заговорила с ним в примирительном тоне, и Хаген ее послушался. А потом, повернувшись к графу, она пообещала уладить все разногласия между ним и королем, если он отвезет их в Балиан. Капитан согласился и направил свой корабль в Ирландию. Попутный ветер раздувал их паруса, и через десять дней вддали показались стены и башни замка Балиан. Как и следовало ожидать, родители сразу не узнали Хагена, но как же они обрадовались, когда узнали, кто он такой. С графом Гаради был заключен вечный мир, а три девушки были приняты с большим почетом.

Хаген недолго пробыл в отцовском доме. Ему хотелось повидать мир и добыть себе имя и славу.

Время шло, слава о подвигах Хагена распространилась по всему свету, и старый король назначил его пра-

вителем своих земель. Теперь, когда он окончательно вернулся домой после своих скитаний, его мать стала уговаривать его выбрать себе невесту. Он предпочел прекрасную Хильду, подругу своего детства, и вскоре женился на ней.

Королева Ута еще успела подержать на коленях внучку, которую называли Хильдой, в честь ее матери, но вскоре она и король Зигебанд умерли, оставив своего сына править одного.

Принцесса Хильда выросла настоящей красавицей, и многие воины приезжали в Балиан, чтобы просить ее руки. Но Хаген требовал, чтобы каждый, кто желает взять его дочь в жены, сначала победил его в ратном поединке, заявив, что не отдаст свою дочь за человека слабее его самого. Все, кто пытался вступить с ним в переговоры, только портили дело. Бешеный Хаген, гроза королей, стал еще и грозой женихов, и долго еще он оставался единственным хозяином в своем замке.

ГЛАВА 2

Хеттель из рода Хегелингов и его соратники

Примерно в то же время в Дании, в замке Мателан, жил король Хеттель из рода Хегелингов. Он был отважным воином, ему подвластны были Нордланд, Фризланд и Дитмарс. Вокруг его трона собралось много героев. Первым среди них был родственник короля старый Вате, что правил в Штурме и был славен многими подвигами. Не менее знамениты были менестрели Хорант и Фруоте — оба могущественные вельможи Дании. Далее следуют Ирольд Стремительный из Фризланда и Морунг из Нифланда — оба отважные воины, всегда готовые встать под знамена своего господина.

Как-то вечером, на пиру, Морунг из Нифланда посоветовал королю жениться и добавил, что самая лучшая невеста для него — ирландская принцесса Хильда, поскольку повсюду идет слава о ее красоте и добродетели. На это Хорант заметил, что похвалы эти справедливы, но ее отец — Бешеный Хаген — не дает никому посватать ее, и многие доблестные воины нашли свою смерть, сражаясь с ним за руку его дочери.

Рассказ о прекрасной Хильде запал королю глубоко в сердце, и он решил во что бы то ни стало посадить ее на престол Хегелингов рядом с собой. Он спросил, кто решится посвататься от него к Хильде. Придворные посоветовали ему сделать своим послом старого Вате, и хотя владельцу Штурма не хотелось брать на себя это поручение, но он пообещал отправиться в Балиан и добавил, что если Хорант и Фруоте отправятся с ним, то он не сомневается в успехе сватовства.

Трое витязей и присоединившийся к ним Ирольд из Нордланда стали собираться в дорогу. Они загрузили несколько судов дорогим товаром и, взяв с собой тысячу воинов, отправились за невестой для короля.

После долгого плавания они прибыли в Балиан, ко двору Бешеного Хагена.

При виде их кораблей местные жители пришли в изумление, поскольку до сих пор никто в Ирландии не видел такой роскоши. Мачты у датских судов были из сияющего кедра, паруса — из пурпурного шелка, а якоря — серебряные. Моряки в богатых одеждах вышли на берег и разложили перед толпой заморские диковины. Капитаны уговаривали народ подходить и покупать, объясняя, что они — купцы и привезли в Балиан свой товар для выгодной торговли.

Когда до короля Хагена дошли известия о том, что творится на берегу, он вместе с королевой Хильдой вышел к кораблям, чтобы самому посмотреть на приезжих. Тут Фруоте вышел к нему и, отведя его в сторону, пояснил, что

на самом деле они не совсем торговцы, а беженцы. Им пришлось скрываться от короля Хеттеля.

Хаген рассмеялся, когда это услышал, поскольку он давно хотел померяться силами с датским королем. Поэтому он сказал витязям, чтобы они ободрились и зашли к нему во дворец. Чужестранцы приняли его приглашение. Они подарили королю и королеве богатые одежды и украшения из драгоценных камней. Их богатства казались столь неистощимыми, что Хаген готов был оставить их у себя в стране и наделить землями и замками. Однако они отказались, сославшись на то, что на родине у них остались жены и дети, и когда-нибудь они надеются туда вернуться.

Они все собрались в пиршественном зале, и незнакомцев представили принцессе. Один Вате почти не разговаривал и часто бросал взгляды в сторону моря.

— Иди, Хильда, — прошептала королева, — поцелуй заморского гостя.

Девушка оробела, потому что герой Штурма был на целую голову выше всех своих товарищей, с суровым лицом, большим крючковатым носом, лысой головой и длинной седой бородой.

— На что вы там смотрите, сударь? — спросила королева у Вате. — Неужели на берегу вы видите женщин прекраснее тех, что сидят здесь, в зале?

— Я смотрю на мой корабль, — отвечал Вате, — потому что надвигается шторм.

Услышав такой ответ, принцесса улыбнулась и сказала:

— Вам не нравится у нас, благородный витязь, или вы всегда стремитесь туда, где беснуются штормы и ураганы?

— Моя госпожа, — отвечал ей Вате, — я не обучен говорить дамам любезности или танцевать с девушками. Я только и знаю, что танец бушующих волн и грохот битвы, когда норны поют о победе или славной смерти.

Это была речь сурового старика, но остальные воины говорили о прекрасной земле Хегелингов, о ее фермах и замках, о менестрелях и рыцарях, что преданно и благоговейно служили своим дамам. Затем они поблагодарили хозяев и удалились. Последующие дни, как и положено в подобных случаях, прошли в состязаниях, пирах и песнопениях.

Королеве и ее дочери очень понравилось пение Хоранда, и они попросили, чтобы он пел им каждый день рано утром и поздно вечером. Однажды, оставшись наедине с принцессой, он запел о могущественном короле, что всем сердцем полюбил прекрасную девушку по имени Хильда. Принцесса почувствовала, что за этим прячется намек, и спросила, кто тот король, которому она небезразлична. И тут менестрель достал портрет короля Хеттеля и рассказал ей, как жестоко поступает ее отец с теми воинами, что приезжают в Балиан посвататься к принцессе. Он не стал от нее скрывать, что истинная цель их путешествия — уговорить ее отправиться с ними в страну Хегелингов, где их король с нетерпением ожидает ее приезда. Там ей будет петь песни не только он, но и король Хеттель, который знает их гораздо больше.

Хильда обещала, что она попросит у отца разрешения подняться на их корабли, чтобы осмотреть иноземные товары и драгоценности.

И как она сказала, так и сделала.

Однажды Хегелинги пришли к королю Хагену и сказали, что получили хорошие вести из дома. Король Хеттель обнаружил, что все обвинения против них были ложными, и вернул им свое расположение. Они хотят покинуть Хагена и вернуться на родину. Король был недоволен тем, что ему придется расстаться с гостям, но, несмотря на это, не хотел отпустил их без богатых подарков.

— Государь, — отвечал ему Фроуте, прозванный Мудрым, — мы так богаты, что не можем взять у тебя ни золота, ни серебра, но мы бы хотели, чтобы ты, в знак особой

милости, поднялся на наши суда с королевой и ее дамами и осмотрел наши сокровища.

Бешеный Хаген покачал головой, но его жена и дочь так его уговаривали, что в конце концов ему пришлось уступить.

В назначенный час, когда паруса были подняты и корабли были готовы отправиться в путь, король, королева, принцесса и их свита появились на набережной. Лодки стояли наготове, чтобы отвезти их к кораблям. Прекрасная Хильда и ее служанка быстро спрыгнули в лодку к Хоранду. Но когда Хаген и его вооруженные спутники хотели сесть в другую лодку, Вате Фроуте и Ирольд оттолкнули их и отчалили. Разъяренный вождь тут же схватил копье и бросился за лодкой. Он бежал за ней до тех пор, пока морские волны не покрыли его с головой. Копья полетели в воздух с обеих сторон, но Хоранду удалось благополучно доставить принцессу на корабль. Разъяренный Хаген бежал по берегу и в отчаянии требовал судов и войска, чтобы преследовать беглецов. Но ирландские корабли были не готовы к выходу в море, а тем временем паруса Хегелингов уже скрывались за горизонтом.

Путешествие длилось много дней и ночей. Прекрасная Хильда очень тосковала по отцу и матери, но Хоранд пел ей о великих подвигах и о верной любви, и она потихоньку успокоилась. Наконец они достигли берега, где их ждал король Хеттель. Он вышел им навстречу и сразу же покорило сердце прекрасной Хильды. На следующий день они собирались отправиться в замок Метелан. Они уже готовы были двинуться в путь, когда увидели на западе белые облака, что становились все больше и больше, пока наконец не стало понятно, что это огромный флот. На мачте каждого корабля развивалось знамя с крестом. Хегелинги сначала подумали, что это флот крестоносцев, отправившихся на войну против безбожных вилькинов, что жили на Руси, но вскоре был поднят другой флаг, с гербом Хагена, и они поняли, что приближается враг.

Король Хеттель и Вате выстроили своих людей в боевом порядке на берегу. Старик от всего сердца радовался, что ему удастся сойтись в поединке с воинственным ирландским королем. Другие военачальники выступили вперед со своими отрядами, чтобы не позволить врагу высадиться на берег. Все воины были в отличном расположении духа, но прекрасная Хильда, которая смотрела на все эти приготовления с высокой стены замка, в горе заламывала руки, оттого что ей придется стать причиной кровопролития.

Галеры бросили якорь, и были спущены лодки, полные вооруженных людей. Битва началась, и так крепки были позиции оборонявшихся, что лодки никак не могли добраться до берега. Тогда Бешеный Хаген сам бросился в воду и мечом проложил себе путь на берег, а за ним — храбрейшие из его людей. Его удары были столь ужасны, что он крушил все на своем пути, даже Хеттель пал на землю раненый, и его с трудом удалось унести с поля боя. Тут вперед вышел старый Вате, и они с Хагеном сошлись лицом к лицу. Каждый сражался как лев, и ни один не уступал другому, хотя оба были ранены.

Наконец король Хеттель, с перевязанной головой и бледный от потери крови, прошел через толпу сражающихся рука об руку с Хильдой. Он обхватил руками Вате, а она, обняв отца, уговаривала его заключить мир хотя бы ради нее.

Слова дочери растрогали Хагена. Он сжал ее в объятиях и протянул руку сначала Хеттелю, а потом суровому герою Штурма.

Теперь, когда битва закончилась, Вате, знавший достоинства целебных трав, занялся ранеными, не делая различий между Хегелингами и ирландцами. Вечером был пир горой, и на следующее утро все воины отправились в Мателан, где собирались праздновать свадьбу. Один из кораблей был послан в Ирландию, чтобы привезти королеву Хильду. И вскоре Хеттель и Хильда обвенчались в главном соборе королевства с большой пышностью и великолепием.

ГЛАВА 3

Кудруна

Король Хеттель и прекрасная Хильда счастливо жили в замке Мателан, а подданные, жители Хегелинга, Фризланда и Дитмарса, любили и почитали их за справедливость и заботу о благополучии страны. У королевской четы было двое детей: Ортвин и Кудруна, оба крепкие и цветущие, как розы Норланда. Когда мальчик подрос, его передали на воспитание Вате, герою Штурма, чтобы он мог научиться всему, что пристало уметь воину. Кудруна осталась дома с родителями, и мать сама учила ее всем женским умениям и познаниям. Когда она выросла, по всей земле прошел слух о ее красоте, учености и добродетели.

Многие благородные принцы приезжали к ней свататься, когда она была еще очень молода. Среди них был и мавританский король Сифрит, огромного роста и с темной кожей. Многие короли платили ему дань, и от этого он казался себе великим владыкой, которого все должны бояться. Однако королева Хильда сочла, что герой чересчур капризен, а кроме того, совершенно не умеет обращаться с женщинами. Хеттель разделял ее мнение и поэтому отказал претенденту, сославшись на то, что Хильда слишком юна и не справится с обязанностями королевы. Мавританский король вернулся в свое далекое королевство в великом гневе и ярости. Но перед тем как покинуть Мателан, он подкупил нескольких бесчестных слуг, чтобы они за деньги сообщали ему, что происходит в землях Хегелингов.

В то время в Нормандии и прилегающих к ней землях правил король Людвиг. Это был могущественный и воинственный властитель. Его сын Хартмут был похож на отца характером и помогал ему в трудах и походах. Когда до королевича дошли слухи о красоте Кудруны, он тут же решил посвататься к ней. Король Людвиг не одобрял его на-

мерений, поскольку дед принцессы — Хаген — когда-то давно был его сувереном и так и не простил ему, что Нормандия избавилась от ирландского ярма. Кроме того, он полагал, что королева Хильда унаследовала буйный нрав своего отца. Его супруга, королева Герлинда, придерживалась другого мнения. Она полагала, что ее сын достоин самой лучшей невесты во всем христианском мире и что главное — правильно сделать предложение, тогда оно обязательно будет принято. Совет матери пришлось молодому воину по душе, и ко двору Хегелингов были отправлены послы с богатыми дарами.

Королева Хильда милостиво приняла подарки и, поблагодарив послов за то, что они их доставили, добавила, что считает это знаком того, что король Нормандии решил наконец отдать долг ее отцу — своему суверену. Воинов принимали весьма любезно, хотя короля и королеву их предложение не обрадовало, и они заявили, что жених их дочери должен быть выше по рождению, чем король Нормандии. Послы, видя, что надеяться не на что, решили не задерживаться и вернулись к Людвигу с безрадостными вестями.

Короля Нормандии ничуть не удивил такой исход, но королева Герлинда, чьи предки были могущественными королями, не пожелала терпеть обиду и посоветовала сыну отомстить за оскорбление мечом. Но у молодого принца был другой план. Он владел крепостями и замками в Шотландии. Поэтому он решил поехать посвятаться сам, одевшись в шотландский наряд и взяв с собой большую свиту. Он был настоящим героем, искусным во всех рыцарских забавах, высоким, статным и красивым. Он привык к вниманию дам, приветливо встречавших его везде, где бы он ни появился, и поэтому не сомневался, что завоеует любовь принцессы Кудруны. Корабли были готовы к отплытию, попутный ветер наполнил паруса, но вскоре стих, и из-за этого путешествие их было очень долгим.

Тем временем в Мателан прибыл еще один претендент. Это был отважный Хервиг, король Зеландии. Он был храбрый воин, отпраздновавший немало побед, верный друг и благородный противник. Его лицо обрамляли пшеничные кудри, а голубые глаза сияли умом и проницательностью.

Они с девушкой вскоре подружились и еще до того, как было сказано хоть одно слово о любви, уже знали о чувствах друг друга.

Когда Хартмут приехал под видом шотландского принца, он сразу понял, что тут происходит.

Вскоре Хартмуту представился случай поговорить в принцессой наедине, когда она гуляла в саду. Он сказал ей о своей любви и объяснил, кто он такой. Она была невероятно изумлена, но вскоре, придя в себя, отвечала, что любит другого. Затем она добавила, что ему следует быть осторожным и не раскрывать своего настоящего имени, поскольку ее отец и мать считают короля Людвигу своим вассалом, и, если случайно станет известно, кто он такой, его жизни угрожает опасность. От слова «вассал» щеки героя покраснели от негодования, но он сдержал себя и ничем не выдал своих чувств. Простившись как ни в чем не бывало с девушкой и ее родителями, он отплыл на родину.

Хервиг бродил по дворцу в надежде застать принцессу одну и поговорить с ней. Но случайно ли так получалось, или королева об этом позаботилась, такой возможности все не выпадало. Тогда он смело отправился прямо к королю и попросил у него руки Кудруны. Хеттель выслушал его спокойно и сказал, что его дочь еще слишком молода для замужества. На самом деле это была отговорка, поскольку он считал короля Зеландии неподходящей партией для своей несравненной дочери.

Вернувшись домой, Хервиг собрал войско и приготовился к походу на Хегелингов. В его армии было лишь три тысячи воинов, но они все до одного были опытными бойцами, так что король мог положиться на каждого из них.

Хеттель был застигнут врасплох. Его соратники либо путешествовали за морями, либо мирно жили в своих имениях, но он собрал все силы, что у него были, и выступил против врага. Вскоре на берегу послышался звон мечей, и битва закипела. Сражение длилось долго, и наконец королева Хильда, взяв с собой Кудруну, в сопровождении всех своих дам вышла к берегу. Подойдя к воинам, она обратилась к ним с речью столь рассудительной, что убедила их сложить оружие и заключить мир. Хеттелю так понравились отвага и доблесть Хервига, что он согласился отдать за него свою дочь, но с условием, что свадьба состоится только через год.

Хервиг жил еще какое-то время в Мателане вместе с другими воинами, и в день летнего солнцеворота юный Ортвин и его друзья получили из рук старого Вате свои мечи. Герой Штурма наказывал им вести себя так, чтобы заслужить честь быть посвященным в рыцари. На состоявшемся вслед за этим турнире ученики явили такую доблесть и мастерство, что сердце старого учителя наполнилось радостью и гордостью. Но в самый разгар веселья прибыл гонец из Зеландии, он был ранен и сказал, что мавританский король Сифрит напал на остров и разоряет страну.

Хеттель выразил готовность послать войска, чтобы помочь Хервигу сражаться с маврами, но тот сказал, что не может ждать, пока все соберутся; он отправится домой сейчас же, чтобы люди не думали, что король оставил их в трудную минуту; а войско Хеттеля может потом к нему присоединиться.

Хервиг высадился в маленькой бухте. Сердце у него разрывалось, когда он видел разрушения, причиненные жестоким мавром, но он понимал, что у него не хватит сил, чтобы дать пришельцам бой. Он со своими тремя тысячами воинов разделились на отряды и подкарауливали небольшие банды разбойников, по мере сил чиня противнику урон. Наконец ему на помощь прибыли корабли Хегелингов, где был сам Хеттель и его герои. Они дали Сифриту

большую битву на земле и на море, но, хотя мавры понесли огромные потери как в кораблях, так и в живой силе, это ничего не изменило. Сифрит теперь понял, что выиграть в открытом бою ему не удастся, но надеялся, что счастливый случай поможет ему преодолеть трудности. И надежды эти были не напрасны.

Пока король Хеттель и его герои сражались в Зеландии, Хартмут с большой армией норманнов напал на земли Хегелингов. Людвиг сопровождал сына в походе. Сражаясь вместе во главе своего войска, они взяли штурмом замок и захватили принцессу Кудруну и ее свиту, и в том числе Хильдбургу, внучку той Хильдбурги, что Хаген спас с острова грифонов.

За первым посланцем, принесшим эти вести о вторжении норманнов, вскоре последовал второй, сообщивший о похищении Кудруны. Первой мыслью у всех было броситься в погоню. Король Хеттель послал к Сифриту гонца с условиями перемирия и в том же письме уведомил его о случившемся. Король мавров сразу же предложил свою помощь для спасения принцессы, и между Хеттелем, Хервигом и Сифритом был без дальнейших проволочек заключен союз.

Когда с этим было улажено, они обратили свой взгляд к кораблям, и каково же было их отчаяние, когда они выяснили, что большая их часть сгорела в сражении, а из тех, что остались, очень мало пригодных к дальнейшему плаванию. Хервиг и его люди решили, не дожидаясь остальных, отправиться в погоню сами на немногих уцелевших судах, но Ирольт Фризский обратил его внимание на приближающиеся суда с крестами на парусах. На палубах были видны люди в длинных серых одеяниях.

— Это пилигримы, плывущие в Святую землю, — сказал Хорант, менестрель.

Пилигримы сошли на берег и разбили лагерь на берегу, чтобы немного отдохнуть после долгого и утомительного путешествия.

— У нас нет другого выхода, — сказал Вате. — Этим благочестивым людям придется отложить ненадолго свое путешествие. Им торопиться некуда. Давайте одолжим их суда и провизию. Если мы вернемся назад, то сполна вознаградим их за этот вынужденный заем.

Хорант и Фроуте предупредили товарищей, что за такое злодейство последует суровое наказание. Пилигримы протягивали к ним руки, моля о пощаде. Все тщетно. Король Хеттель решил забрать корабли, и Вате с Хервигом его поддержали.

И вот герои отправились в путь на кораблях с крестами.

После долгого плавания по бурному морю они увидели остров Вюльпензанд. А на острове расположила свой лагерь огромная армия. На ее знаменах был ворон с распростертыми крыльями — эмблема норманнов. На кораблях пилигримов они смогли подойти достаточно близко к острову, не будучи узванными. Но как только король Хеттель высадился на берег, норманны вскочили на ноги и приготовились к бою.

Битва началась. В воздух взметнулись тысячи копий и стрел, и с обеих сторон были проявлены чудеса доблести и отваги. Лишь с наступлением темноты бой утих. Исход его по-прежнему был не определен. Ночь была облачной и темной, и лишь костры часовых проливали свет на поле брани. И тут король Хеттель вызвал Людвига на поединок, заявив, что почтет его трусом, если он не выйдет сражаться с ним один на один. Людвиг принял вызов, и они скрестили мечи. Удары сыпались один за другим, но в конце концов Людвиг исхитрился нанести своему противнику смертельный удар. Видя, что их вождь упал, Хегелинги с боевым кличем бросились вперед, и в темноте случилось настоящее побоище. Никто не мог отличить своих от чужих, и многие храбрые воины полегли в этой битве от рук своих же товарищей. Тогда вожди с обеих сторон приказали горнам трубить отход, и две армии разошлись на еще большее расстояние, чем раньше. Понимая, что на сле-

дующий день Хегелинги будут пылать жаждой мести, норманны решили, что благоразумие — лучшие ножны для доблести, и под покровом ночи отплыли с острова, взяв с собой своих пленников, поскольку они уже почти добрались до дому.

На рассвете старый Вате поднял своих людей. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что противник скрылся. Вате и Хервиг горели желанием, не теряя ни минуты, броситься в погоню за врагами, но Фроуте и Морунг призвали их к благоразумию, напомнив, сколько людей потеряли Хегелинги. Они посоветовали вернуться домой и подождать до тех пор, пока не вырастет новое поколение воинов. Все признали мудрость такого совета. Один только Хервиг был возмущен, но у него не хватало сил, чтобы действовать в одиночку, поэтому ему ничего не оставалось, кроме как вернуться в Зеландию и ждать, когда можно будет возобновить поход.

Сердце королевы Хильды чуть не разорвалось от горя, когда она увидела, что Хегелинги возвращаются разбитыми, без ее мужа и дочери. Но что она могла сделать? Как слабой женщине, неспособной держать меч, отомстить за Хеттеля или Кудруну?

Хорант, Морунг и Ирольт оплакивали вместе с ней мертвого короля, но Вате отругал их за слабость. Он приказал им подняться и идти обучать молодежь военному искусству, чтобы, когда придет их время, они были готовы отомстить за своего короля.

ГЛАВА 4

Королева Герлинга

А тем временем флот норманнов достиг желанного берега. Королева Герлинда и ее кроткая дочь Ортуна, их дамы и многие жители Кассиана спустились в гавань,

чтобы приветствовать героев, вернувшихся домой. Поздоровавшись с героями, Ортуна поспешила к опечаленной Кудруне и, обняв ее, уговаривала не отчаиваться. Кудруну растрогала ее доброта, но она все равно не могла унять слез. А когда королева Герлинда тоже захотела ее поцеловать, Кудруна в ужасе отстранилась: эта женщина с резкими чертами и холодными блестящими глазами показалась ей ядовитой змеей, готовой наброситься на свою жертву и задушить ее в своих кольцах.

— Не бойся, куколка, — сказала обиженная королева. — Ты у меня станешь как шелковая!

Она бы добавила и кое-что еще, но Хартмут вмешался, заметив, что Кудруна будет его женой, когда у нее закончится траур по отцу. Потом он предложил принцессе руку, и против воли она вынуждена была войти во дворец бок о бок с ним. Видевшие это горожане говорили:

— Как же она прекрасна!

На что другие отвечали им:

— Да, но как печальна!

Дни проходили за днями, недели за неделями. Хартмут изо всех сил старался завоевать любовь прекрасной Кудруны, но все его усилия были тщетны. Однажды он спросил ее, почему она его не любит, и она ответила, что хотя он и великий воин, более чем достойный женской любви, но она обручена с Хервигом и никогда не нарушит данного ему слова. Однако королева Герлинда была не столь терпелива, как ее сын, — она решила сломить гордый дух Кудруны и силой добиться согласия на брак с Хартмутом. Начала она со льстивых слов и ласковых речей, а когда это не принесло результата, Герлинда решила перейти к более суровым методам. Но ей пришлось подождать, пока ее сына не будет дома. Хартмут как раз отправлялся в военный поход и, уезжая, поручил Кудруну заботам своей матери, сказав, что та может попробовать «приручить вольную птичку», но только так, чтобы это не роняло ее королевского достоинства.

Как только Хартмут уехал, королева Герлинда взялась за дело. Она одела Кудруну как служанку и заставила ее готовить, мести пол и делать всю тяжелую работу во дворце. Кудруна терпела эти притеснения молча. Тогда Герлинда послала ее на кухню, где она с утра до вечера чистила кастрюли и сковородки, отчего ее нежные ручки покрылись волдырями. И жарким летом и суровой зимой она работала в поте лица, и никто не слышал от нее ни слова жалобы.

Год за годом шли в заботах и невзгодах. Наконец Хартмут вернулся домой с победой. Он радостно поздоровался с отцом, матерью и сестрой, а потом огляделся в поисках Кудруны. Когда он увидел ее, одетую в грубые одежды и измученную тяжким трудом, то очень рассердился на свою мать за то, что она так жестоко обошлась с девушкой. Он умолял Кудруну простить его за прошлые обиды и даровать ему свою любовь, разделив с ним богатое и обширное королевство. На это Кудруна отвечала, что благородная женщина может полюбить лишь раз в жизни и уже навсегда. С тем он и ушел, но все же принял меры, чтобы защитить ее от злобы Герлинды.

Кудруне вернули ее высокое положение, и в ту же ночь она уже спала в своей старой комнате. Проснувшись на следующее утро, она увидела склонившуюся над ней принцессу Ортуну. Давно они не виделись. Все следующее лето девушки провели вместе и всей душой привязались друг к другу. Ортуна тогда призналась, что, поскольку Кудруна не поддавалась на уговоры Хартмута, а оставалась непреклонна, Герлинда сочла ее общество неподходящим для своей дочери.

Пока две девушки разговаривали, Хартмут приблизился к ним и сказал:

— Сударыня, тот, кому вы храните верность, недостоин вашей любви, иначе бы он давно пришел вам на выручку во главе своего войска. Он давно забыл вас и, скорее всего, уже женился на другой.

— Вы не знаете его, — отвечала Кудруна, — только смерть, что разрывает все связи, сможет разлучить нас.

— А что, если он пал в битве или умер от болезни? — спросил молодой король.

— Тогда я останусь верна ему до тех пор, пока мы не встретимся в краях, где нет разлук, — с решительным видом отвечала она.

Тогда Хартмут отступился и снова отправился на войну, чтобы забыть о Кудруне среди тревог и волнений битвы.

Как только он уехал, королева Герлинда лишила Кудруну ее высокого положения и заставила ее работать с утра до ночи, стирая белье. Королева пригрозила девушке розгами в случае, если она будет плохо работать, но принцесса старалась изо всех сил, чтобы Герлинде было не в чем ее упрекнуть.

Так прошло много лет. Наконец Хартмут вернулся с очередной победой, но нашел Кудруну, как прежде, верной слову, что она дала Хервигу.

После этого Герлинда обрушилась на принцессу с еще худшими притеснениями, остальным пленницам давали работу даже легче, чем ей. Они пряли лен и шерсть, в то время как их дорогая госпожа должна была стирать одежду на холодном зимнем ветру. И часто она возвращалась с берега такой усталой, что валилась на свою соломенную подстилку, не в силах даже снять мокрую одежду. Когда дело приняло такой оборот, ее кузина Хильдбурга не могла больше молчать и спросила королеву, как смеет она так жестоко и оскорбительно обращаться с принцессой. В ответ Герлинда отправила ее стирать белье вместе с принцессой.

Хильдбурга только этого и ждала. Больше всего ей хотелось быть со своей госпожой и хоть как-то облегчить ее участь. Но Кудруне по-прежнему часто приходилось ходить на берег одной, если Хильдбурга была занята работой в замке. В один из таких дней она увидела лебедя, плывущего по морю.

— Ах, лебедь, будь у меня твои крылья, я поднялась бы в небо и улетела в родные края.

Как только она это сказала, лебедь нырнул в море, на его месте показалась русалка.

— О, верное, любящее сердце! Близок конец твоим страданиям. Твой возлюбленный и родичи живы, и они спешат к тебе на помощь.

Сказав так, русалка исчезла, и снова белый лебедь поплыл по волнам. Потом он расправил крылья, взмыл в воздух и, описав вокруг принцессы три круга, запел:

Еще можно найти на земле любовь
И сердца, что верны в беде.
Через волны и бури к тебе
Дерзкий витязь стремится, чтоб вновь
Засияло солнце в судьбе.

Так в душе у Кудруны зародилась тайная надежда, поддерживавшая ее силы, хотя Герлинда с каждым днем обращалась с ней все хуже и хуже. Она заставила принцессу и Хильдбургу стирать на берегу в простых льняных платьях и без башмаков. Однажды, когда день выдался особенно холодным, они попросили дать им какую-нибудь обувь, на это их мучительница пригрозила, что выпорет их колючими ветками, если они не выполнят свой урок к вечеру. Дрожа от холода на пронизывающем ветру, они торопливо стирали, когда вдруг вдали показалась лодка. Она быстро скользила вдоль берега, и в ней сидели два витязя в полном боевом облачении. Девушки, смущаясь своего вида, уже готовы были убежать, но незнакомцы крикнули им, чтобы они не уходили, и спросили, чей это замок виден там на горе. Затем они добавили, что если не получат ответа, то побросают все белье в море. Девушки повернули назад, и тут Кудруна прошептала:

— Посмотри, это Хервиг. Я его узнала, но он... Он забыл меня.

И в самом деле, герой даже не догадывался, что это его давным-давно утраченная невеста стоит перед ним сейчас. Но едва лишь девушка убрала с лица растрепавшиеся на ветру волосы, как он кинулся к ней и заключил в свои объятия. Когда второй воин поднял забрало, Кудруна воскликнула:

— Ортвин! — и обняла брата.

Тогда Ортвин повернулся к ее спутнице и сказал:

— Хильдбурга, это ты! Не стесняйся же, скажи, что мы любим друг друга и уже давно обручились бы, если бы норманны не похитили тебя.

Они обменялись поцелуем.

Хервиг хотел сразу же забрать девушек с собой, но Ортвин воспротивился. Он сказал, что завтра они открыто явятся за Кудруной и Хильдбургой, вместо того чтобы похищать их тайно.

Девушки стояли на берегу, глядя вслед удаляющейся лодке, пока она не скрылась из виду. Наконец Хильдбурга стала уговаривать подругу помочь ей закончить стирку. Но Кудруна отвечала, что дни ее рабства кончились. С этими словами она собрала все вещи и бросила их все до одной в море, а потом с улыбкой смотрела, как они уплывают по волнам, но бедная Хильдбурга хорошо помнила, что они всё еще во власти королевы норманнов.

Когда они вернулись в замок, Герлинда вышла им навстречу и спросила, почему они вернулись так рано и куда они дели белье. Кудруна отвечала, что работа была слишком тяжела для них и что она побросала все вещи в море, где слуги королевы могут их найти, если поторопятся и не откладывая пошлют лодки. Королева онемела от изумления, когда услышала, как скромная, терпеливая Кудруна разговаривает с ней в таких выражениях. Но придя в себя, она приказала своим служанкам принести колючие ветки и выпороть девушек за непослушание. Служанки бросились выполнять ее указания, но Кудруна остановила их и сказала, что, если они дотронутся

до нее, могут пенять на себя, потому что завтра она будет их королевой.

— Ты согласна выйти за Хартмута? — с сомнением переспросила Герлинда. — Боюсь, что тут дело неладно.

— Приведите ко мне короля, — отвечала Кудруна, — я поговорю с ним.

Королева в задумчивости пошла к сыну и сказала:

— Хартмут, эта упрямая девчонка наконец сдалась и согласилась стать твоей женой, но...

— Никаких но! — вскричал герой. — Она согласилась! Матушка, я должен услышать это от нее самой! — И он поспешил прочь из комнаты.

Увидев Кудруну, он уже готов был заключить ее в объятия, но она сделала ему знак не приближаться к ней, сказав, что не станет слушать его там, где столько страдала. Но на следующее утро, при свете дня и в присутствии всех его воинов, она согласна обменяться с ним обручальными кольцами. Хартмут распорядился, чтобы ей предоставили все, что необходимо для удобства и удовольствия будущей королевы и чтобы ей вернули ее свиту.

Его приказы были выполнены. Принцесса и Хильдбурга сумели сохранить свою тайну. И когда все девушки были в безопасности в спальном покое, они рассказали им о встрече с Ортвином и Хервигом.

ГЛАВА 5

Битва и побега

До рассвета одна из девушек встала у окна и стала вглядываться в даль моря. Спустя какое-то время она заметила, что к берегу приближаются суда, полные вооруженных людей. С трудом сдержав крик радости, она разбудила свою госпожу, чтобы сообщить ей хорошие новости. Вскоре по-

сле этого забили тревогу на башне, где наконец проснулся задремавший стражник.

Королева Герлинда сразу же поняла, в чем дело. Ей не надо было объяснять, откуда пришел враг, и она начала отдавать необходимые распоряжения гарнизону еще до того, как Людвиг и Хартмут успели открыть глаза. Но, когда короли проснулись, они отменили ее приказы и вместо того, чтобы защищать замок, предпочли выступить навстречу противнику, несмотря на все ее предупреждения и уговоры.

Стороны двинулись навстречу друг другу сомкнутым строем, и, едва сошлись, битва закипела. Ортвин сражался лицом к лицу с Хартмутом и неизбежно был бы повержен, если бы отважный Хорант не пришел ему на помощь. Но и он не мог противостоять норманнскому королю, и с тяжелой раной его унесли с поля боя на носилках. Тем временем Хервиг встретился с Людвигом и в отчаянной схватке убил предводителя норманнов.

— Король мертв! — вскричали его люди и обратились в бегство.

Они бежали, преследуемые мощным Ирольтом и мавром Сифритом. Старый герой Штурма старался закрепить превосходство. Его правая рука без устали наносила удары направо и налево, и он всегда был в первых рядах сражения. Когда испуганные норманны обратились в бегство, они с ужасом обнаружили, что он не отстает. Главные ворота опустились в самый последний момент, не дав Вате ворваться в замок, но это его не остановило. Он приказал нести лестницы и прочие приспособления, чтобы взбираться на стены.

Хартмут, не зная о смерти отца, храбро сражался, пока не увидел, что норманны бегут. Он медленно отступил к замку со своими ближайшими соратниками. Взглянув вверх на крепостную стену, он увидел, что королева Герлинда передает какому-то человеку обнаженный меч и с суровым выражением указывает в сторону женских поко-

ев. Он хорошо знал характер своей матери и заподозрил, что она велела ему убить пленных женщин. Поэтому он громко крикнул:

— Предатель! Если ты поднимешь руку на кого-либо из женщин, еще до заката ты будешь болтаться на виселице.

Человек уронил меч на землю и бросился прочь. В тот же момент Хартмут, к своему удивлению, увидел у ворот замка старого Вате. Он оглянулся в надежде на помощь, но Людвиг нигде не было. Со всех сторон развивались знамена Хегелингов и их союзников, и кольцо врагов быстро смыкалось вокруг его маленького отряда. Отважный Хартмут и не думал бежать: он был намерен стоять до последнего. Владелец Штурма налетел на него как ястреб, и, хотя Хартмут сражался отчаянно, еще неизвестно, чем бы для него все кончилось, если бы Хервиг не встал поперек пути у старого воина и не вступился бы за своего соперника. В пылу битвы Вате не заметил, кто именно попытался его остановить, — он с такой силой ударил Хервига своим молотом по шлему, что он распростерся на земле среди мертвых и умирающих норманнов. Эта ошибка привела владетеля Штурма в чувство. Оставив Хартмута, он склонил колени рядом со своим другом и, к своей радости, обнаружил, что тот цел и невредим. Как только Хервиг смог снова встать на ноги, Вате спросил:

— Что за дьявол в тебя вселился? Почему ты заставил меня пощадить жизнь этого норманнского разбойника?

— Это вовсе не дьявол, — отвечал Хервиг. — Благородная Кудруна подружилась с принцессой Ортуной и ради нее просила меня оставить Хартмута в живых.

— Женщины! Женщины! — воскликнул старый вояка. — Все они одинаковы. Сердца их размягчаются так же легко, как ветерок гонит по небу курчавые облачка. Но надо спешить, чтобы захватить волчицу в ее логове.

Наконец ворота замка распахнулись, и герой Штурма проложил себе дорогу через группу немногочисленных

защитников замка к женским покоям. Тут он увидел Кудруну, окруженную испуганными женщинами. У ее ног на коленях стояли Ортуна и Герлинда, умоляя ее о защите.

— Где волчица? — воскликнул Вате. — Говори, Кудруна, и вы, остальные!

Вид его был ужасен: лицо разгневанно и сурово, а меч и доспехи забрызганы кровью, но Кудруна ни единым словом не выдала женщину, что обходилась с ней так жестоко. Она сидела прямо и спокойно, полная сдержанного достоинства, и глядела на рассерженного старика, не опуская глаз.

Он окинул комнату быстрым взглядом в поисках Герлинды, и в этот момент одна из девушек указала на королеву. В ту же минуту, когда он увидел ее поблескивающие змеиные глаза, Вате схватил Герлинду за волосы и поволок на крепостную стену, где отрубил ей голову и сбросил ее вместе с телом вниз.

— А теперь — вторую! — вскричал он и бросился к испуганной Ортуне. — Я не дам продлиться этому змеиному роду!

Но Кудруна крепко обхватила девушку руками и сказала разгневанному воину, что за любовь и дружбу, что дарила ей Ортуна, Вате должен ее пощадить и удовлетвориться местью, которую уже свершил.

Тем временем сражение за стенами замка стихло. Герой норманнов, уставший до полусмерти, сдался вместе с восемьюдесятью воинами, что у него еще оставались.

Тремя днями позже армия победителей погрузилась на свои корабли и направились в сторону земли Хегелингов, оставив Кассиан под опекой Морунга и его людей. Хармут и Ортуна с тридцатью девушками из своей свиты вынуждены были сопровождать победителей. По пути они пристали в Вельпеньсанде, где королева Хильда построила собор, в котором покоились кости тех, кто пал в давних сражениях. Здесь героини воздали Господу хвалу за свою

великую победу. В это время Ортуна одиноко сидела во дворе церкви и смотрела на могилы. Она думала о своем убитом отце и желала лишь покоиться вместе с ним. Но Кудруна подошла к ней, взяла за руку и подвела к королю мавров Сифриту, что не сводил с Ортуны взгляда. Кудруна постаралась, чтобы за остаток путешествия они побольше сблизились, и часто рассказывала Ортуне о благородных и доблестных делах Сифрита.

В это время королева Хильда и Хергарта, сестра Хервига, часто сидели вместе у окна и глядели на море. Армия Хегелингов должна была скоро вернуться, но с победой они придут или с поражением? И удалось ли Кудруне соблюсти верность? Хильда была в этом не так уверена, как ее молодая гостья, поскольку королева повидала на своем веку немало бед. Однажды они, как обычно, сидели у окна, когда Хергарта увидела вдали паруса кораблей. Она не смогла сдержать крика радости, и королева поняла, что их друзья возвращаются домой.

Королева и ее дамы еще не успели сойти на берег, когда Вате уже высадился на землю. Увидев королеву, он сразу сообщил ей хорошие новости. Остальные суда должны были вот-вот подойти, и вскоре счастливая Хильда уже обнимала свою давно утраченную Кудруну.

Время шло, и радость царила в каждом сердце, кроме одного. Глубокая печаль овладела душой Хартмута. Добрая Хергарта жалела его и уговаривала королеву Хильду использовать свое влияние, чтобы ему вернули свободу и позволили возвратиться в свое королевство. Но Хильда отвечала, что нельзя отпускать человека, чья душа полна ненавистью к Хегелингам. Он постарается расквитаться с ними при первом же удобном случае. Но вышло так, что Хартмут услышал эти речи Хергарты. Ее благородство и рассудительность глубоко его растрогали. Она показалась ему даже красивее, чем Кудруна, и он при первой же возможности заговорил с ней. Очень скоро они всей душой полюбили друг друга. Хартмут сказал об этом королеве и

попросил у нее согласия на брак с Хергартой, на что та сразу же согласилась и незамедлительно вернула ему меч и свободу, поскольку муж милой Хергарты не мог питать к Хегелингам ничего, кроме дружеских чувств.

Через несколько недель состоялась великая свадьба. Четыре пары предстали перед алтарем. Они произнесли брачные обеты и получили божественное благословение. Затем все проследовали в пиршественный зал. И вот тогда старый менестрель Хорант взял свою арфу и запел песню о великих подвигах, что он повидал на своем веку, о благородстве и бесстрашии, о верности и любви. И когда он кончил, глаза у всех, кто был в зале, увлажнились, и даже суровый старый Вате смахнул слезу.

ЛЕГЕНДА О БЕОВУЛЬФЕ, ПОБЕДИТЕЛЕ ДРАКОНА И ВЕЛИКАНА

Великан Гренгель

Однажды вечером воины, пировавшие в замке короля Хродгара, послали за менестрелем. Он пел о Скильде — сыне бога Одина. Отец послал его к людям, чтобы он жил среди них их жизнью. Ребенком Скильда нашли лежащим на щите в лодке, что плыла по морским волнам. Со временем он стал великим воином и могущественным королем Ютландии. Менестрель пел о славной жизни Скильда, о королевстве, которое он оставил своим детям, и, наконец, о Хродгаре, самом знаменитом внуке Скильда, покровителе искусств, защитнике людей и грозе преступников.

Много героев собралось вокруг короля в тот вечер в Хеороте — Палате Оленя, которая получила такое название потому, что ее стены украшали огромные рога королевского оленя, вырезанные из камня. Наконец настало время отходить ко сну, и, поскольку в замке было много гостей, некоторым воинам постелили в большом зале. Тридцать два дружинника расположились на ночлег в зале, но, когда утром слуги пришли их будить, они исчезли. В зале царил беспорядок, повсюду видны были пятна крови и следы борьбы.

Король Хродгар сам явился посмотреть на то, что случилось, и велел обыскать весь замок, чтобы узнать причину несчастья. Он прошел по кровавым следам через зал, вышел за дверь и на мягкой земле увидел глубокие отпечатки огромных ступней. Все стало ясно. Он догадался, что

виною всему чудовище Грендель, что был изгнан из этих краев великим волшебником, но теперь вернулся обратно. Когда о возвращении Гренделя стало известно, несколько воинов вызвались остаться на ночь в зале и сразиться с великаном, если тот попробует проникнуть внутрь. Однако на следующее утро все они исчезли. Некоторые были застигнуты Гренделем врасплох во сне, а другие оказались слишком слабы, чтобы бороться с чудовищем.

Скильдинги были храбры и бесстрашны, поэтому еще двенадцать героев предложили свои услуги. Одиннадцать из них улеглись спать, одетые в доспехи, а двенадцатый, менестрель, остался на страже.

В полночь великан явился, чмокая губами и медленно волоча тяжелое тело. Менестрель слышал все, что происходило, но не мог ни шевельнуться, ни подать голос: страх сковал его, и он свалился без чувств. На следующее утро, когда его с большим трудом привели в сознание, он даже не смог рассказать, что видел. Взяв свою арфу, он указал на пятна крови на полу и побрел к берегу без единого слова, ни с кем не попрощавшись. Там стоял корабль, готовый отплыть в страну гаутов. Менестрель взошел на борт и вскоре навсегда оставил злополучные берега Ютландии.

Отважный пловец Беовульф

В то время в стране гаутов правил Хигелак — отважный воин и мудрый властитель. У него было множество дружинников, начальником над которыми был его племянник Беовульф, сын Эггтеова. Арфист приехал в Гаутландию как раз в то самое время, когда в страну вторглось войско шведов. И вскоре состоялась решающая битва. Плохо бы пришлось гаутам, если бы среди них не было Беовульфа, сражавшегося с невероятной отвагой и доблестью. Несмотря на неудачи, он раз за разом вел свое войско в атаку. Его

мужество и хладнокровие поддержало боевой дух гаутов, и в конце концов шведам пришлось убраться ни с чем, оплакивая смерть короля и многих храбрых воинов.

На пиру, что был дан в честь этой великой победы, никому не известный менестрель пел собравшимся воинам о битвах и подвигах прошлого и настоящего. Он пел о Зигфриде, храбром Вельсунге и о его победах над драконами и великанами. Затем, ударив по струнам еще громче, он запел о победе Беовульфа и призвал его на подвиг еще более великий — покончить с врагом рода человеческого Гренделем, покидавшем ночью свое логово, чтобы приходиться к чертогу Скильдингов и пить кровь героев.

Беовульф обещал, что поедет за море и попробует убить чудовище, которое творит такие невероятные бесчинства. И тогда один из князей, по имени Брека, приревновал к славе Беовульфа. Он предложил герою отправиться в море вплавь и сразиться с чудовищами, что живут в глубинах. Победит тот, кто первым достигнет берега после битвы, и ему же достанется награда. Договорились, что состязание состоится на следующее утро, а король Хигелак обещал даровать тому, кто станет победителем, золотую цепь на шею.

На другой день солнце встало красное, и штормовое море ревело, стонало и билось о берег, словно требуя человеческой жертвы. Два отважных пловца стояли на берегу, облаченные в кольчуги, с мечами в руках. По сигналу они бросились в бушующее море и вскоре пропали из виду. Они старались держаться рядом, чтобы прийти друг другу на помощь, если придется обороняться от чудовищ глубин, но в конце концов ветры и течения увлекли их в разные стороны. Брека вскоре оказался в спокойных водах, где и проплавал, пока не пришла пора возвращаться. Беовульф, напротив, был отнесен в места, где волны свирепо били о гигантские утесы, встававшие из моря. Здесь во множестве водились морские драконы и змеи, что лежали в засаде, поджидая добычу. Когтистые лапы вдруг тянулись к нему из глубины, разные чудовища пытались схватить и заду-

шить его, русалки обнимали его и тащили в глубину, но он разил их своим мечом наповал, и их туши так и остались плавать на поверхности. После долгой борьбы он добрался до открытого моря, где было безопасней, а потом изо всех сил поплыл к берегу, чтобы успеть добраться засветло домой. Брека первым из бесстрашных пловцов достиг берега. С победной улыбкой он обернулся к Беовульфу, но каково же было его удивление, когда герой вытащил за собой на песок убитое морское чудовище. Принцы столпились вокруг страшилища и разглядывали его в безмолвном изумлении.

— Вот золотая цепь, — сказал король Бреке. — Ты победил в трудной борьбе, но мой отважный племянник сделал даже больше — он убил чудовище из морских глубин, поэтому я дарю ему свой добрый меч Наглинг с золотой рукоятью и выгравированными на ней рунами, приносящими удачу.

У гаутов Беовульф был окружен почетом, но душа его жаждала новых подвигов. Ему хотелось освободить королевский замок Скильдингов от чудовища Гренделя, поэтому он в сопровождении менестреля и четырнадцати благородных и отважных гаутов отправился ко двору короля Хродгара.

Едва корабль гаутов пристал к берегу рядом с крепостью, стражник их окликнул и спросил, кто они такие и что привело их в эти края. Узнав о цели приезда, он очень обрадовался и послал гаутов сразу к королю. Хродгар принял гостей с радостью. Менестрель настроил арфу и запел о подвигах Беовульфа, предсказывая ему победу над чудовищем из болотных топей. Услышав такие песни, один из придворных — Унферт — почувствовал укол зависти. Он напомнил, что это Брека, а не Беовульф победил в состязании и получил золотую цепь. А теперь, по его словам, вождь гаутов затеял предприятие, что приведет его к гибели, и не мешало бы ему хорошенько подумать, прежде чем тягаться силой с Гренделем. На это оскорбленный Беовульф за-

метил, что вместо золотой цепи ему достался добрый меч, достаточно острый, чтобы поразить чудовище и отрубить болтливый язык. Хродгар приказал своему придворному угомониться и обещал храброму гауту, что в случае победы он получит богатые подарки и вступит в крепкий союз с его народом.

Когда наступила ночь, Хродгар и его воины удалились. Слуги постелили пришельцам постели в зале. Беовульф был так уверен в победе, что снял шлем и кольчугу, а меч отдал на сохранение слуге.

— Я справлюсь с Гренделем голыми руками, — сказал герой. — Мало чести выходить с мечом на безоружного.

Вот наступила полночь, и враг рода человеческого вылез из своей берлоги. Он надеялся славно попировать этой ночью и, закутавшись в пелену тумана, двинулся к замку. При виде гаутов на лице его появилась довольная улыбка, обнажившая клыки, как у кабана. Он уже вытянул веред волосатые когтистые лапы.

Воины спали глубоким сном, как замороженные. Один только Беовульф бодрствовал, хоть это и стоило ему немалых усилий. Он смотрел на чудовище из-под полуприкрытых век и видел, как он разглядывает спящих воинов, выбирая себе жертву. Наконец он схватил одного из них, убил и тут же с видимым удовольствием принялся пить живую кровь. Затем он повернулся к Беовульфу, но герой схватил его лапу и так стиснул, что тот взревел от боли. Началась страшная схватка между человеком и демоном. Здание содрогалось до самого основания и в любую минуту грозило рассыпаться в прах. Спящие проснулись. Они вытащили мечи и кинулись на чудовище, но их оружие отскакивало от чешуйчатой кожи Гренделя, не причиняя ему никакого вреда, и они вынуждены были искать убежища в дальних углах, чтобы борющиеся случайно их не задела. Наконец Грендель понял, что не одолеть ему в этот раз воина и что единственное, что ему осталось, — спастись бегством. Он рванулся изо всех сил, чтобы освободи-

диться из могучих объятий Беовульфа, но одна лапа, вырванная из сустава, так и осталась в руках его противника. И тогда, с воплем боли и ярости, демон бежал в свою берлогу, оставляя за собой кровавый след.

Вождь гаутов стоял посредине зала, держа в руках свою добычу. Лучи восходящего солнца проникли в комнату и осветили голову героя наподобие нимба. Его спутники столпились вокруг него и славили его силу и доблесть. Затем он прибил оторванную лапу над дверью зала и после этого вознес хвалу Всевышнему за то, что тот даровал ему силы противостоять чудовищу. Воины преклонили колени рядом с ним и присоединились к нему в восхвалении и благодарности.

Когда гауты поднялись с коленей, они увидели короля и его придворных, собравшихся в зале и в удивлении глядящих то на них, то на чудовищную лапу над дверью. Тогда они рассказали Хродгару обо всем, что случилось этой ночью.

Король сначала едва не лишился дара речи от удивления, но, оправившись, приказал своему племяннику Хродульффу принести дары, приготовленные для победителя. Вскоре тот вернулся вместе со слугами, что несли подарки, которые Хродгар отдал Беовульфу со многими словами благодарности за услугу, оказанную ему и его стране. Он выразил надежду, что, пока живы, гауты, как и прежде, будут оставаться его друзьями и друзьями его сына.

Потом король приказал устроить в честь Беовульфа огромный пир. И тогда Унферт выступил вперед и сказал:

— Благородный Беовульф, я был не прав вчера, обратившись к тебе с презрительными словами. В свое оправдание я могу лишь сказать, что не знал тебя раньше. Прошу тебя, прими от меня мой меч Хрунтинг. Он был сделан гномами, и его лезвие закалено в крови дракона. Могу я в обмен на него получить твое прощение и дружбу?

Герои пожали друг другу руки в знак примирения и вместе отправились на пир.

Когда пир закончился и воины наполнили свои кубки, менестрель запел о победе Беовульфа над Гренделем и союзе, заключенном между гаутами и Скильдингами. Когда песня закончилась, королева Вальхтеов наполнила кубки всех присутствующих. Беовульфу она поднесла медовую чашу, а также пожаловала золотую цепь на шею и два витых запястья, добавив, что это — то самое сокровище, что Хама украл у Бросинга.

— Носи их, — добавила она, — нам и себе на радость, чтобы ты выходил победителем из всех битв, что тебе предстоит в долгой жизни.

Беовульф подобающим образом поблагодарил королеву, и Вальхтеов удалилась.

Когда пир закончился, Хродгар со свитой и Беовульф со своими людьми направились в королевские покои. В зале тоже были расстелены постели, поскольку теперь, когда никто не боялся однорукого Гренделя, в замок съехалось так много воинов, что нигде больше места не осталось.

Однако ночь прошла совсем не так спокойно, как ожидали.

Волчица из моря

В полночь над морем поднялся огромный столб воды, и из него вышла огромная женщина с лицом таким же серым, как и ее одеяния. Ее глаза горели, как уголья, жесткие волосы ошетинились, а длинные костлявые руки были вытянуты вперед, словно для того, чтобы моментально схватить жертву. Это была мать Гренделя, пришедшая отомстить за сына. Она вышла из моря, пересекла болотные топи и вошла в большой зал. Там она принялась убивать одного воина за другим, хоть они и сопротивлялись, а потом утолила жажду их теплой кровью.

Глубока была печаль короля и всего народа при виде обрушившегося на них нового несчастья. Тогда Беовульф

сказал, что, пока мать Гренделя жива, она не перестанет мстить Скильдингам. Единственное, что можно сделать, — выследить великаншу и убить в ее же логове. На этом и порешили. Беовульф попросил Хродгара отослать сокровища, пожалованные ему за победу над Гренделем, к его дяде, правителю гаутов Хигелаку, на случай если он падет в сражении с великаншей.

Потом весь отряд сошел на берег, и Беовульф, войдя в море, попытался найти дорогу к жилищу великанши. Когда же выяснилось, что дорога эта длиннее, чем он полагал вначале, он вышел на берег к друзьям, которые стали его уговаривать отказаться от своих замыслов, но напрасно.

— Ждите меня два дня и две ночи, — сказал он, — и, если я не вернусь, можете считать, что ведьма меня одолела. Но исход поединка в руках Господа, на чью милость я уповаю.

Сказав так, герой простился с друзьями и бросился в ревущие волны в полном боевом облачении с мечом Унферта в руках.

Он плыл долго, пока наконец не увидел глубоко под водой свет.

«Вот ее жилище, — подумал он, — милости Божией себя вверяю».

Он нырнул и стал погружаться все глубже и глубже, до самого дна моря. Много разных чудовищ пыталось его схватить, когда он проплывал мимо, но кольчуга служила ему надежной защитой. Внезапно он почувствовал, что его как будто подцепили на крюк и тащат так быстро, что он едва мог дышать. В следующее мгновение он оказался в подводном зале с хрустальной кровлей, лицом к лицу с врагом, которого искал.

И тут началась ужасная битва. Беовульф и великанша схватились не на жизнь, а на смерть. Стены дрожали так, что казалось, подземный чертог вот-вот обрушится. И тут Беовульф оступился и рухнул на землю. Усевшись ему на грудь, злая ведьма вытащила острый нож, готовясь вонзить

его герою в грудь, но его спасли крепкие доспехи. Собрав все силы, он стряхнул с себя чудовище и снова вскочил на ноги. И тогда великанша взяла меч таких огромных размеров, что никому из смертных было не по силам совладать с ним, но он набросился на нее и вырвал оружие у нее из рук. Схватив меч обеими руками, он поднял его над головой и со всего маха отсек великанше голову. И тут он почувствовал такую усталость, что вынужден был опереться на клинок и немного отдохнуть. Оглядевшись, храбрый гаут увидел мертвое тело Гренделя на ложе из морских водорослей. Он отсек ему голову, чтобы забрать ее с собой в память о победе. Но в тот же момент кровь хлынула потоком из тела чудовища и смешалась с кровью его матери. Лезвие меча великанши растаяло в ней, как тает лед под лучами солнца. Золотая рукоять меча да голова Гренделя — вот и вся добыча, что унес Беовульф из морской пучины.

Его товарищи ожидали его на берегу и видели, что воды заводи вспенились и покраснели от крови. От такого зрелища у них сжалось сердце, ведь они не знали, чья кровь пролилась. Когда герой наконец появился из морских глубин, они приветствовали его ликующими криками.

Хродгар и его подданные не находили слов, чтобы выразить свою благодарность герою, спасшему их страну от таких врагов, как Грендель и его мать. Когда Беовульф отправлялся в обратную дорогу, его корабли были доверху нагружены самыми разными подарками.

Хигелак тепло встретил племянника и выслушал рассказ о его приключениях в немом удивлении и восхищении.

Беовульф становится королем

Много лет прошло в мире и спокойствии. Но однажды фризы учинили набег на земли гаутов, сожгли и разграбили множество беззащитных деревень. Прежде чем король

Хигелак успел добраться до места, где они высадились, чтобы дать им сражение, их корабли были уже далеко. Король решил немедленно пуститься в погоню и покарать их за вторжение. Беовульф советовал отложить поход до тех пор, пока не соберется все войско, но тот и слышать про это не хотел.

Гауты беспрепятственно высадились во владениях фризов и в отместку за дерзкий набег прошли по стране, сжигая фермы и разрушая города. Фризы были свободолюбивым и воинственным народом. Их герои в свое время повлияли на исход битвы при Бравалле, и, когда пришло для них время защищать свою отчизну и свободу, они не стали отсиживаться по домам. В решающем сражении войско Хигелака было разбито, а сам он убит. Гауты бежали на свои корабли, и лишь Беовульф с горсткой отчаянных храбрецов держались до последнего, и, хотя многие из них были тяжело ранены, им удалось вынести из боя и доставить на корабль тело убитого короля. Только после этого корабли подняли паруса и отправились в обратный путь.

В первое время после смерти мужа королева Хюгд была так убита горем, что не вспоминала о делах государства. Но когда она немного оправилась, то стала раздумывать, как дальше править страной. И вовремя, поскольку бароны стали ссориться между собой, и в землях гаутов начались раздоры. Тогда королева созвала нотаблей и обратилась к ним за советом. Стране грозила междоусобица, а ее собственный сын Хардред был слишком мал, чтобы править королевством, поэтому она предлагала передать власть Беовульфу. Нотабли откликнулись на ее слова одобрительным гулом, и раздались крики, что Беовульф должен стать королем, но герой выступил вперед и сказал:

— Неужели вы, нотабли гаутов, считаете, что я могу отнять корону у ребенка, сына моего дяди? Пусть Бог, карающий злодеев, сохранит меня от такого преступления! Вот, — воскликнул он, поднимая на щите юного Хардредра и держа его над головой, — вот наш король. Я согласен быть

его опекуном и править от его имени, пока он не станет взрослым и не возьмет бразды правления в свои руки.

Никто не стал ему возражать. Все знали, что это бесполезно. Как сказал Беовульф, так и порешили.

Шли годы, и Беовульф держал свое слово. Он правил строго, но справедливо. С помощью королевы Хюгд он учил молодого короля всему, что ему надлежало знать. Когда Хардред получил власть, его подданные надеялись, что он использует ее во благо своего народа. Но недолго правил Хардред гаутами. Как и его бывший наставник Беовульф, юный король был человеком честным и открытым, верным товарищем для всех, кто не был ему врагом. Поэтому, когда сыновья короля Швеции Оххере — Эанмунд и Эадгильс — бежали к гаутам, он дал им приют в своем доме. Он не раз старался убедить их, что им нужно помириться с отцом, и предлагал посодействовать им в этом деле. Однажды, когда он снова заговорил с ними об этом, Эанмунд, нетерпеливый, вспыльчивый человек, заявил, что Хардред слишком молод, чтобы давать советы такому испытанному воину, как он. Король резко одернул его, напомнив, с кем он разговаривает. И тогда Эанмунд совершенно вышел из себя, выхватил меч и нанес хозяину дома, где его приняли как гостя, удар в самое сердце. Юный Веохстан тут же отомстил за короля, убив Эанмунда, но Эадгильс бежал обратно в Швецию и вскоре унаследовал трон после кончины своего отца.

После того как стало известно о смерти Хардредра, гауты единогласно провозгласили Беовульфа своим королем. Он принял власть над державою и поклялся править по справедливости.

Бой с граконом

Когда известие о смерти Хардредра дошло до соседних стран, их вожди стали устраивать на земли гаутов набеги со своими дружинами, но Беовульф зорко следил за гра-

ницами, и враги были повсюду отбиты. Едва только удалось избавить страну от этих морских разбойников, как Эадгильс, король Швеции, явился во главе огромной армии, чтобы отомстить за смерть брата. Однако в решающей битве он был убит, после чего шведы возвратились на свои корабли не солоно хлебавши и отправились восвояси. После этого сражения настал долговременный мир. Викинги больше не решались устраивать набеги на берега гаутов, зная, что они находятся под надежной защитой, и ничто не нарушало покой королевства, кроме редких ссор между баронами. Беовульф правил мудро и справедливо. Каждый, кто просил о защите, получал ее, и никто не мог по своей воле чинить беззаконие.

Так прошло сорок лет. Герой состарился и надеялся, что мир и благоденствие будут царить в стране до самой его смерти. Но мечтам этим не суждено было сбыться. На земли гаутов напал страшный враг, против которого любое оружие и войско были бессильны. И вот как это случилось. Бесчестный раб, боявшийся разоблачения и наказания, бежал от своего хозяина. Он нашел прибежище в диких горах. В поисках крыши над головой он набрел на большую пещеру. Но оказалось, что там уже жил огромный дракон, он лежал на земле и спал. За ним, в глубине пещеры, лежали горы сокровищ. Вор окинул алчным взглядом сияющую грудку золота и драгоценных камней и подумал про себя: «Владей я таким богатством, я бы давно откупился от хозяина и был сам себе господином».

От этой мысли он осмелел. Тихо проскользнув за спиной чудовища, он похитил золотую чашу, украшенную сияющим карбункулом. Ему удалось благополучно выбраться из пещеры, и, вернувшись к хозяину, он выкупил свою свободу. Но никто и не догадывался, какую беду это навлечет на всю страну.

Дракон, что хранил свои сокровища не одну сотню лет, хорошо помнил каждую вещь и поэтому сразу же заметил отсутствие чаши. Когда настала ночь, он подполз к выходу

из пещеры, чтобы посмотреть, куда ведут следы грабителя. Ничего не найдя, он взревел так громко, что земля содрогнулась, а языки пламени, вырвавшиеся у него из пасти, подожгли дома и постройки во всей округе. Люди, пытавшиеся затушить пламя, пали жертвами его ярости или были утащены в пещеру чудовища, где встретили свой ужасный конец. Многие отважные воины выступили против дракона, но никто из них не смог противостоять яростным потокам огня, которые изрыгала эта тварь на своих противников.

Старый король был бесконечно опечален, когда до него дошли вести о случившемся. Он решил сам сразиться с чудовищем, и, когда друзья стали его отговаривать, он отвечал, что его долг — защищать свой народ от любых врагов и что Бог его не оставит. Более того, он заявил, что сразится с драконом безоружным, как когда-то с Гренделем — сыном морской ведьмы, но опасается, что совсем без защиты он не сможет подойти к нему сквозь пламя. Поэтому он взял себе щит, который был в три раза толще обычного и такой большой, что укрывал его с ног до головы. Потом он выбрал себе в спутники одиннадцать храбрейших воинов, и среди них Виглаф — сын того самого Веохстана, что отомстил за смерть короля Хардредра.

Беовульф со своими товарищами отправился в путь, и в скором времени они добрались до пещеры, где жил дракон. Вода в вытекавшем из пещеры ручейке была горячей, как кипяток, — это ее нагрело горячее дыхание чудовища.

Король приказал спутникам подождать в стороне, пока они не убедятся, что ему нужна помощь. Потом, подойдя к входу в пещеру, он крикнул дракону, чтобы тот выходил на бой. На его зов из недр земли показался огромный огнедышащий змей, и битва закипела. Противников скрыло плотное облако огня и дыма. Горы дрожали от рева дракона, а страшный хвост чудовища молотил по земле, как молот. На какое-то мгновение порыв ветра развеял дым и пламя,

и товарищи Беовульфа увидели, что дракон схватил их конунга своими огромными челюстями. При виде этого зрелища десять из них бросились врассыпную и попрятались за деревьями и камнями, но одиннадцатый, храбрый Виглаф, поспешил на помощь Беовульфу. Его щит сгорел в одно мгновение, поэтому ему пришлось укрыться под щитом короля. Казалось, героев ждет неминуемая гибель. Дракон разорвал железный щит Беовульфа и снова схватил его челюстями, сжав с такой силой, что железные кольца его кольчуги, скованной самим Виландом, рассыпались на кусочки. Но Виглаф воспользовался представившейся возможностью, и, когда чудовище подняло голову, чтобы лучше прожевать свою жертву, он воткнул меч ему прямо в горло. Дракон выронил короля и обвил своих противников хвостом, но тут Беовульф изловчился и вспорол ножом туловище змея, после чего тот сразу издох. Утомленные герои, тяжело дыша, опустились на выступ скалы.

Немного отдохнув, они ослабили доспехи, и Виглаф заметил, что у короля из-под латного воротника сочится кровь. Он хотел перевязать рану, посчитав ее несерьезной, но Беовульф отказался, сказав, что это бесполезно: яд драконьих зубов уже попал ему в кровь.

— Я умираю, — продолжил он. — Я иду к своим праотцам без печали, хоть я и последний в своем роду: моя жена не подарила мне сына и наследника. Я прожил достойную жизнь: никогда я не был предателем и всегда судил по совести.

Потом он попросил Виглафа принести ему глоток воды и вынести из драконьей пещеры сокровища, чтобы он мог своими глазами увидеть последний дар, который он оставляет своему народу.

Его пожелания были исполнены, и вскоре его душа отлетела от тела, и он мирно опочил, оставив Виглафа в глубоком горе. И тут десять воинов, оставившие своего короля, поняли, что опасность миновала, и вышли из укрытия. Увидев, что случилось, они горько заплакали,

но Виглаф приказал им замолчать, поскольку им в первую очередь следовало оплакивать свою трусость, а не смерть героя, павшего в битве. Он посоветовал им поскорее скрыться в чужих краях, поскольку никто не поручится за их жизнь, когда гауты узнают, что они бросили своего короля в трудную минуту.

Опустив головы, с горящими от стыда лицами, воины побрели прочь. Они покинули земли гаутов и укрылись от позора в дальних странах, где их никто не знал.

На мысе Китовом соорудили погребальный костер и положили на него тело Беовульфа. Пламя вспыхнуло, дым поднялся в небо, и весь народ оплакивал кончину владыки. Потом гауты насыпали над телом своего короля высокий курган и сложили туда все сокровища, что Беовульф добыл для них ценою жизни. Так этот клад и лежит в земле, не тревожимый никем, как в те дни, когда дракон сторожил его от смертных. И пусть это золото не принесло людям пользы, но оно больше никому не причинит вреда.

ЛЕГЕНДЫ О КОРОЛЕ АРТУРЕ И СВЯТОМ ГРААЛЕ

ГЛАВА 1

Титурель

Когда отважный Веспасиан покинул войска, осаждавшие Иерусалим, чтобы стать императором в Риме, в Каппадокии жил богатый человек по имени Парилле, или, как называли его римляне, Бериллий.

Бериллий был надежным товарищем в бою и мудрым советником во время мира, поэтому император пожаловал ему большое поместье в Галлии. Его сыновья унаследовали его добродетели и передали своим детям, а те своим потомкам. Один из них — Титурисон — женился на благородной девице по имени Элизабель, но у них не было детей. Рыцаря очень печалило, что его благородный род прервется с его смертью. Однажды, когда он был уже в очень преклонном возрасте, бродячий предсказатель попросился в замок на ночлег. Его, как обычно, пустили, и вечером, сидя с гостем, рыцарь стал жаловаться на свою горькую судьбу. Незнакомец сказал, что он должен совершить паломничество к храму Гроба Господня и положить на алтарь распятие из чистого золота. Титурисон последовал совету мудреца, и вскоре после этого у них с женой родился сын. Когда мальчик подрос, стало ясно, что он наделен острым умом, благочестием и невероятной силой. При крещении ему дали имя Титурель, и очень скоро слава о нем разнеслась по всей земле.

Возмужав, юноша отправился вместе с отцом на войну с язычниками. Он проявил столь выдающуюся доблесть, что отец не мог сдержать похвалу и предсказал сыну великое будущее, но тот скромно ответил, что всего лишь исполнял свой долг.

Когда победоносная армия вернулась домой, Титурель не пожелал остаться при дворе, но поспешил в свой родной город. Там он первым делом отправился в церковь. Босиком, в одежде кающегося грешника, он подошел к алтарю и положил на него все сокровища, которые привез с войны. Помолившись о благословении Господа на все свои начинания, он поднялся с колен и отправился в замок, спеша поскорее обнять свою матушку.

Титурель принимал участие в нескольких крестовых походах против сарацинов. Его подвиги были столь многочисленны, что о них пошла слава за границей, а его имя было в почете как у христиан, так и у неверных.

Прошло много лет. Титуризон и его жена умерли, оставив своему единственному сыну большое наследство. Свалившееся на него богатство совсем не изменило характер Титуреля — он остался так же кроток и благочестив, как и раньше. Теперь он мог больше раздавать бедным и нуждающимся, и в его глазах это было единственное достойное применение богатству.

Одним прекрасным летним утром он вышел погулять в лес. Придя на берег реки, поросший мягким мхом, он присел и огляделся вокруг. Цветы наполнили воздух сладким ароматом, на деревьях пели птицы, легкий ветерок колыхал свежую листву. В душе его царили мир и покой, как будто Бог говорил с ним шелестом листвы и журчанием ручья. Небо было голубое, а на нем — лишь одно белое пушистое облачко. Но вдруг Титурель, к своему удивлению, заметил, что облачко необычайно быстро движется в его сторону, и не похоже, что его несет ветром. Наконец оно опустилось перед ним на землю. Из облака вышел ан-

гел и заговорил с героем. Голос его звучал глубоко и мелодично, как орган в церкви.

— Приветствую тебя, избранный герой! Господь наш поручает тебе быть хранителем Святого Грааля на горе Монсальват. Приведи свои дела в порядок и повинуйся голосу Бога.

Ангел снова скрылся в облаке, оно сомкнулось вокруг него серебряной пеленой и поплыло обратно на небо.

Титурель вернулся домой в упоении и радости. Он разделил свои богатства между нуждающимися, а потом в полном вооружении вернулся на то место, где ему явился ангел. Снова он увидел облако на небе, но на этот раз оно было окружено солнечным сиянием. Оно двигалось перед ним, показывая ему дорогу к цели его паломничества. Он шел вперед и вперед по глухим безлюдным местам. Наконец он добрался до густого темного леса, а затем оказался перед высокой горой с такими крутыми склонами, что забраться на них, казалось, не было никакой возможности. Но облако двигалось вперед, и, следуя за ним, Титурель стал взбираться на вершину. Он карабкался по отвесным скалам, нависшим над бездонными пропастями, и пробирался сквозь густые заросли колючих кустарников. Были минуты, когда усталость одолевала его, и он чувствовал, что не в силах сделать ни единого шага. Но голос из облака обращался к нему со словами ободрения, и у него появлялись силы, чтобы идти дальше. Наконец он достиг вершины горы. И тут Титурель увидел яркий свет, который шел от Святого Грааля, что парил в воздухе, поддерживаемый невидимыми руками. Вокруг на коленях стояли рыцари в сияющих доспехах. Увидев его, они поднялись на ноги и воскликнули:

— Приветствуем тебя, герой, призванный стать хранителем Святого Грааля!

Он не ответил: его взгляд был прикован к священному сосуду — чаше из изумрудной яшмы, с обручем из золота. Завороженный чудесным зрелищем, он молился, что-

бы Господь даровал ему сил хранить вверенную ему святыню.

И Титурель на самом деле оказался достоин такого доверия. С помощью других рыцарей он отбивал любые попытки неверных подойти к священной горе. Годы шли, и сосуд никогда не опускался на землю. Титурель решил построить на вершине горы храм и замок, чтобы охранять и беречь Святой Грааль.

Строительство храма

Когда вершину горы очистили от травы и камней, оказалось, что она состоит из чистого оникса. Его разровняли, а потом тщательно отполировали и построили на получившейся площадке замок. Теперь наступило время для самого важного этапа — строительства храма, но они не могли решить, каким ему должно быть.

Однажды утром Титурель молился об озарении, надеясь получить ответ на вопрос, каким должен быть храм. И вот, выйдя из дома, он увидел на гладкой поверхности оникса детальный план будущего собора, а все необходимые материалы, аккуратно сложенные, лежали рядом. Рыцари приступили к работе. Они усердно трудились с утра до вечера, а по ночам невидимые силы продолжали работу за них. Стены росли с необычайной быстротой, и вскоре новая церковь была закончена. Она была круглой по форме с семьюдесятью двумя восьмиугольными приделами, каждая пара которых служила основанием для колокольни. В середине высилась башня с множеством окон и остроконечных арок. На вершине башни был установлен огромный рубин, а на нем — крест из прозрачного горного хрусталя. На кресте расположился золотой орел с распростертыми крыльями. Изнутри свод опирался на колонны, украшенные розами, лилиями и виноградными лозами. На ветках сидели птицы, сделанные так искусно, что ка-

залось, они вот-вот вспорхнут и улетят. Под каждой аркой строители поместили по сияющему карбункулу, отчего даже ночью в храме было светло как днем. Сапфировый потолок изображал небосвод, по которому перемещались солнце, луна и звезды, вращаясь благодаря чудесному искусству строителей в том же порядке, что и настоящие светила на небесах.

В просторном внутреннем пространстве большого храма они соорудили меньшее святилище, по форме напоминающее первое, но еще красивей. Это место предназначалось для Святого Грааля, если он сойдет на землю.

И когда вся работа была сделана, пришло время освятить церковь. Колокола звонили. Священники пели гимны, и хор ангелов вторил им: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках благоволение».

И тут воздух наполнился дивным благоуханием, и священный сосуд, проплыл по воздуху и опустился на алтарь во внутреннем святилище. Глубокое, торжественное молчание воцарилось в огромном здании, а затем невидимый хор запел:

Сколь славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык.

Священник произнес слова благословения, и таинство свершилось. После того как все ушли, Титурель какое-то время сидел недвижимо. Его переполняла радость и благоговение. Он даже не притронулся к сосуду, хотя никакого запрета не было.

Строительство продолжалось тридцать лет. После освящения храма каждый год в Страстную пятницу к Святому Граалю слетал голубь, неся в клюве воду. Он ронял ее в чашу священного сосуда, тем самым поддерживая его чудодейственные свойства. Святой Грааль давал пищу рыцарям, что его охраняли, и исцелял раны, которые они получали в поединках с неверными.

Женитьба Титуреля и его потомки

Годы шли, Титурелю было уже четыреста лет, но, глядя на него, никто не дал бы ему больше сорока. Однажды вечером, войдя в святилище, он посмотрел на Святой Грааль и увидел послание — текст, написанный огненными буквами. В послании говорилось, что он должен найти себе жену, чтобы не прервался избранный род. Он собрал всех рыцарей храма, и, увидев надпись, они сказали, что он должен повиноваться приказу. По всеобщему согласию избранницей Титуреля стала Рихойде — дочь короля Испании. К испанскому двору отправили посольство, и ни король, ни его дочь не остались равнодушны к сватовству Титуреля. Состоялась свадьба, и в тот же день Титурель был посвящен в рыцари — честь, которую он раньше многократно отвергал из-за своей скромности. От этого брака у него родилось двое детей: сын Фримутель и дочь Рихойде, названная так в честь матери. Двадцать лет спустя Титурель овдовел, и в этом мире у него не осталось никого, кроме двоих детей, к которым он был очень привязан.

Рихойде выросла очень красивой девушкой и вышла замуж за короля, чье царство было очень далеко от ее родного дома, а Фримутель женился на Клариссе, дочери короля Гранады. У них родилось пятеро детей. Два сына — Анфортас и Треврезент и три дочери — Херцелойда, Жуазиана и Репанса.

Титурель был больше не способен носить доспехи. Он проводил время либо в церкви, либо с внуками. Однажды, когда он, по своему обыкновению, зашел в храм посмотреть на Святой Грааль, то увидел огненные буквы на кромке сосуда. Надпись гласила: «Фримутель должен стать королем». Сердце старика исполнилось радостью. Он призвал к себе сына и внуков, а также всех юных героев, что служили Граалю, и сообщил им Господню волю. Потом он попросил свою внучку Жуазину поставить Грааль на алтарь, поскольку лишь она — чистая дева — могла к нему

прикоснуться. Она повиновалась. Затем старик возложил на голову сына корону и благословил его и собравшуюся братию.

До конца жизни ему довелось испытать еще много радостей и много печалей. Жуазина вышла замуж за короля Каталонии Киота и умерла при родах дочери Сигуны.

Которая прекраснее была, чем розы в мае,
Что на рассвете капельки росы на луг роняют.

Ее сестра Херцелойда взяла ребенка на воспитание, и девочка росла вместе с мальчиком-сиротой, также лишившимся родителей — Шионатуландером. Но потом Херцелойда потеряла мужа и вынуждена была скрываться вместе со своим сыном Парцифалем, оставив приемных детей под опекой друзей. Но худшее было еще впереди. Фримутелю казалась скучной уединенная жизнь на горе Монсальват, и он отправился на поиски приключений и вскоре погиб в землях неверных от удара копья. Согласно приказу, начертанному огненными буквами на чаше Грааля, королем стал его сын Анфортас. Но он унаследовал от отца беспокойный нрав и дух бродяжничества, и вместо того чтобы следовать своему предназначению, он так же, как отец, отправился на поиски любви и славы. В конце концов его принесли обратно смертельно раненного отравленным копьём.

Однажды, когда Титурель молился в святилище об исцелении своего внука, чья жизнь не прерывалась лишь благодаря Святому Граалю, он снова увидел огненные буквы. Надпись гласила: «Не ропщи, о добродетельный рыцарь, смиренно неси бремя чужих грехов. Недалек тот день, когда избранный герой поднимется на священную гору. Если до полуночи он спросит о причине бедствий, чары будут разрушены и Анфортас исцелится, но незнакомец станет королем вместо него».

Снова и снова смотрел Титурель на таинственные письма и наконец спросил, когда же придет герой. Он не по-

лучил ответа, но слова «не ропщи» разгорелись ярче, чем раньше, и тогда он склонил голову, положившись на милость Божью.

ГЛАВА 2

Парцифаль

Когда королева Херцелойда после смерти мужа вынуждена была оставить родину, она поселилась в маленьком домике в далекой стране и целиком посвятила себя воспитанию сына. Она никогда не рассказывала ему о рыцарских подвигах, поскольку боялась, что, когда он вырастет, то покинет ее, отправится на поиски приключений и погибнет на каком-нибудь турнире или поединке. Несмотря на это, молодой Парцифаль вырос отважным и сильным юношей, не боящимся никаких опасностей.

Однажды, когда возвращался домой с охоты, он встретил рыцарей, скакавших через лес в боевом порядке и полном вооружении. Один из них задал ему какой-то вопрос, на который он что-то ответил. Затем, подойдя поближе к рыцарю, он поинтересовался, что за странная одежда на нем и его спутниках и почему у них золотые шпоры. Рыцарь был весьма удивлен и ответил на вопрос юноши очень любезно, добавив:

— Если ты хочешь узнать о рыцарях и рыцарстве что-то еще, отправляйся ко двору короля Артура, и тебя самого могут посвятить в рыцари, если ты, конечно, докажешь, что достоин этой чести.

Слова рыцаря долго не шли у Парцифаля из головы. Он потерял интерес к охоте и днями напролет мечтал о мечах, битвах и рыцарстве. Херцелойда спросила сына, что его печалит, и, когда узнала о причинах его грусти, ее сердце сжалось от страха при мысли, что ее сын унаследовал героический дух своего отца. В конце концов

она уступила его желаниям и отпустила его, но это разбило ей сердце.

Парцифалю было нелегко оставить мать, но молодость и мечты оказались сильнее привязанности, а надежда на скорую встречу пересилила горечь расставания.

Раздумывая об этом, он незаметно для себя вышел на луг, где было разбито множество шатров. В одном из них он увидел прекрасную молодую женщину, спавшую на широком ложе. На ней были богатые одежды: сияющий самоцветными камнями пояс, драгоценные перстни, ожерелья и браслеты. Срывая цветок, Парцифаль решился украсть поцелуй с розовых губ спящей красавицы, но, когда он это сделал, дама проснулась и очень рассердилась.

— Не гневайтесь, сударыня, — сказал он, кидаясь к ее ногам. — Я часто целовал свою мать, когда заставлял ее спящей, а вы еще красивей, чем она.

Дама смотрела на него в изумлении и слушала его мальчишеские рассказы про то, как он отправится ко двору короля Артура, где его посвятят в рыцари, и как он потом совершит множество подвигов. Внезапно вдалеке раздался звук рога.

— Это мой муж! — воскликнула дама. — Скорее беги, иначе мы оба погибли!

— Я его не боюсь, — отвечал юноша. — Взгляните, мой колчан полон стрел, я вполне могу защитить себя и вас. Позвольте мне взять один из ваших браслетов как знак того, что вы на меня не сердитесь.

Говоря так, он снял браслет с ее руки, вышел из шатра, сел на коня и ускакал. Вскоре после этого подъехал муж дамы — сэр Орил — и с ним множество рыцарей. Когда он узнал от нее, что случилось, он впал в ярость и поклялся, что поймает и повесит «наглого мальчишку». Он тут же пустился в погоню, но никого не нашел.

А Парцифаль тем временем продолжал свое путешествие. Он переночевал в лесу и на следующее утро не спеша отправился своей дорогой. Когда Парцифаль проезжал мимо

скалы, он заметил девушку, сидевшую над родником, бившим прямо из камня. Она безутешно рыдала, склонившись над мертвым воином, голова которого лежала у нее на коленях. Парцифаль попробовал ее утешить, сказав, что отомстит за убитого, поскольку его, вне всяких сомнений, убили. Девушка оказалась его кузиной — Сигуной, а мертвый рыцарь был другом ее детских лет Шионатуландером, который погиб, исполняя ее глупую просьбу — разыскать пропавшую собаку Сигуны. Она пожалела об этом сразу же, как только слова слетели с ее губ.

— Он был настоящий герой, — продолжала она, — и один из рыцарей Круглого стола короля Артура. Твоя мать доверила ему управлять своими пустующими владениями. Он победил разбойников и убил их главаря, свирепого Лакелина, а также сбил его союзника, сэра Орила из Камберленда, с лошади, так что тот спасся лишь благодаря своим пехотинцам, вынесшим его с поля боя. Когда я попросила его вернуть мне мою собаку, он вызвал Орила на поединок перед лицом короля Артура и его рыцарей. Наградой победителю должен был стать сеттер, которого сэр Орил поймал, когда тот убежал от меня. Вызов был принят, но поединок отложен, поскольку сэр Орил еще не оправился от полученной раны. Джешута, его жена, опасаясь за жизнь супруга, вернула мне мою собаку. Мы с Шионатуландером посчитали, что дело улажено, и отправились в храм Святого Грааля, где должны были обвенчаться. Но судьба распорядилась иначе: мы случайно встретились с сэром Орилом и его женой, и, несмотря на все уговоры Джешуты и мои, рыцари поссорились и сразились. Орил оправился от сокрушительного падения, но мой возлюбленный... Ах, лучше бы я умерла вместо него! Это я во всем виновата, только я одна!

— Не горюйте, кузина, — сказал Парцифаль. — Когда я увижу короля Артура, я расскажу ему вашу историю и попрошу его позаботиться о вас, а меня посвятить в рыцари. Тогда я отыщу Орила и отомщу за ваши несчастья.

Потом он простился с Сигуной и отправился в путь. Добравшись до широкой реки, он спросил паромщика, где найти двор короля Артура. Тот ответил, что сначала надо перебраться через реку, а потом ехать в далекий город Нант. Тогда Парцифаль попросил перевезти его на другой берег и в уплату отдал ему драгоценный браслет, снятый им с руки прекрасной дамы.

Когда он приехал в Нант, то первым встреченным им человеком оказался рыжеволосый рыцарь в красных доспехах на рыжем жеребце. Парцифаль вежливо заговорил с ним и попросил одолжить ему лошадь и доспехи, чтобы он мог должным образом предстать перед королем и быть посвященным в рыцари. Но незнакомец рассмеялся и сказал:

— Деревенский дурачок — вот подходящий посланник, чтобы отправить с ним мой вызов. Видишь, — продолжил он, — этот шутовской колпак? Отвези его королю Артуру в знак того, что я вызываю его и всех его рыцарей на смертельный бой. Сам понимаешь, я не могу одолжить тебе моего коня и доспехи, поскольку они нужны мне самому, но после поединка ты сможешь забрать себе имущество какого-нибудь убитого рыцаря.

Оскорбленный отказом Парцифаль ехал дальше в молчании. Когда он проезжал по главной улице, весь народ потешался над его видом, а мальчишки показывали на него пальцем. По правде сказать, выглядел он действительно нелепо: ленты его полосатого колпака развевались на ветру, его куртка из лоскутов и кожаные штаны изрядно обносились, а его жалкая кляча хромала от усталости. В конце концов оруженосец по имени Иванет вступился за него, разогнал мальчишек и отчитал их за непочтительность к путешественнику. Парцифаль поблагодарил доброго человека и попросил, чтобы тот отвел его к королю Артуру, к которому у него есть послание. Иванет исполнил его желание и проводил юношу ко двору. Войдя в просторный зал, где сидел король со своими рыцарями за знаме-

нитым Круглым столом, Парцифаль в изумлении обернулся к своему спутнику и произнес:

— Сколько же Артуров существует на самом деле? Моя мать говорила мне только об одном.

Иванет улыбнулся и ответил, что Артур и в самом деле только один. Это рыцарь, в чьей бороде проглядывает седина, а на голове надета корона.

И тогда Парцифаль прошел в зал и, поклонившись королю, передал ему послание красного рыцаря, добавив, что хотел бы получить его доспехи и коня, потому что они ему очень приглянулись.

— Юноша, ты просишь у меня шкуру неубитого медведя, — сказал Артур, смеясь. — Но я отдам тебе все эти вещи, если ты сумеешь их взять, — добавил он.

— Спасибо, государь, — ответил Парцифаль. — Они мне пригодятся, если я стану рыцарем.

С этими словами он отвесил поклон и удалился.

Возвратившись к красному рыцарю, он рассказал ему о случившемся и потребовал коня и доспехи, что король обещал ему отдать. В ответ рыцарь ударил его древком копья по голове, да так сильно, что Парцифаль свалился со своей клячи. Но, придя в себя, он бросился на рыцаря и убил его на месте. Парцифаль попытался снять с убитого доспехи, но у него ничего не получилось. К счастью, Иванет как раз проходил мимо и, видя его затруднения, согласился помочь. Вскоре Парцифаль был закован в броню, которую он надел поверх одежды, сшитой ему матушкой. Поблагодарив оруженосца за помощь, он сел на рыжего жеребца и поскакал сам не зная куда.

Он ехал долго и наконец оказался в замке старого рыцаря Гурнеманца. Он пригласил юношу разделить с ним стол и кров, и Парцифаль с радостью согласился. Приветливость и доброта хозяина настолько покорили его, что юноша до самого утра рассказывал ему о своей матери и всех приключениях, что пришлось ему пережить с тех пор, как он ее покинул. Гурнеманц предложил юноше пожить

некоторое время у него в замке, обещая научить его всему, что должен знать настоящий рыцарь и герой. Парцифаль с радостью согласился.

— Не стоит постоянно говорить о своей матери, — сказал он. — Это звучит по-детски. Сохрани ее наставления в своем сердце и верно им следуй. Это порадовало бы ее больше, чем постоянные упоминания. Настоящий рыцарь скромн, верен одной-единственной даме сердца. Он вступает за обиженных и во всем поступает по справедливости. К поверженным врагам он проявляет милосердие, а потерпев поражение, не просит о пощаде. Смело смотреть в глаза смерти — высшая доблесть рыцаря, и лучше погибнуть со славой, чем жить в бесчестье.

Гурнеманц не жалел мудрых наставлений, чтобы превратить неотесанного юношу в настоящего рыцаря. Он одел Парцифалья в приличную для его возраста и положения одежду, объяснив, что нет ничего непочтительного в том, чтобы сменить наконец тот странный наряд, что дала ему матушка. Парцифаль оказался способным учеником, и Гурнеманц гордился им, как родным сыном.

Наконец он сказал юноше, что пришла пора покинуть замок и отправиться в большой мир, чтобы своим мечом защищать справедливость и карать зло. И как раз в это время предводитель язычников Кламид вместе со своим сенешалем Кинграмом осадил город Белрипар, столицу королевы Кондвиратур. Парцифаль охотно согласился и тут же отправился на выручку королеве.

Прибыв в Белрипар, стоявший на берегу моря в устье широкой реки, он переправился на лодке через поток, а его добрый конь плыл с ним рядом. Замок был защищен широким рвом и высокими стенами, но его впустили, потому что он назвал пароль, который сказал ему Гурнеманц. Юношу провели прямо к королеве. Она приняла его любезно, и он сразу же предложил ей свою помощь. Королева стала его уговаривать не губить свою жизнь понапрасну, поскольку ситуация казалась ей безнадежной. Но Парци-

фаль отказался ее покинуть. И он как будто привел за собой удачу: вскоре двум кораблям, нагруженным провизией, удалось пробиться в осажденную крепость, а почти сразу после этого Парцифаль устроил вылазку и захватил в плен сенешаля Кинграма. Он отпустил его при условии, что тот отправится к своему королю и расскажет ему о поражении, которое нанес ему красный рыцарь. А затем подобная участь постигла самого Кламида.

Мир был восстановлен. Юный герой, освободивший город от Кламида, стал любимцем народа, и весть о том, что Парцифаль и королева Кондвирамур намерены пожениться, вызвала всеобщее ликование.

Свадьбу отпраздновали очень пышно и торжественно. На вершине счастья Парцифаль жалел лишь о том, его матушка не может разделить с ним эту радость. Он сказал о своих чувствах Кондвирамур, и она согласилась, что он должен отправиться за своей матушкой и привезти ее в Белрипар. Тогда Парцифаль сел на своего доброго коня и отправился в путь.

Поиски Святого Грааля

Он знал, где примерно надо искать свою матушку, но забыл дорогу, что вела к ее дому. Поэтому не удивительно, что он заблудился. И вот в один прекрасный день он оказался на берегу большого озера, где никогда раньше не бывал. По озеру плыла лодка, в которой сидел какой-то человек и ловил рыбу. Он был богато одет, но лицо его было бледно и печально. Парцифаль спросил, не найдется ли где-нибудь поблизости еды и приюта для него и его усталого коня, и услышал в ответ, что, если он поедет прямо и не собьется с дороги, то попадет в замок, где его примут как дорогого гостя. Он двинулся в том направлении, что указал ему рыбак, и поздно вечером после долгого и утомительного путешествия добрал-

ся наконец до замка. Там его встретили с необычайной заботой и вниманием и даже дали одежду, чтобы он мог переодеться. На все его удивленные вопросы слуги отвечали, что «так приказала королева Репанса». Когда он переоделся, его провели в ярко освещенный зал. Четыреста рыцарей сидело за маленькими столиками, каждый из которых был накрыт на четырех человек. Рыцари сидели молча, как бы ожидая какого-то важного события. Когда Парцифаль вошел, они встали и поклонились, и по их лицам пробежал луч надежды.

Хозяин замка был очень похож на рыбака, встреченного Парцифалем на озере. Он сидел в кресле у огня, завернувшись в соболью шубу, и, по всей видимости, страдал от какого-то тяжелого недуга.

Глубокое молчание, воцарившееся в зале, было в конце концов нарушено хозяином, который тихим, слабым голосом предложил Парцифалю сесть с ним рядом. Он добавил, что его здесь давно ждали, и протянул ему меч необычайно искусной работы. Парцифаль застыл в изумлении. В зал вошел слуга, держа в руках наконечник копья с засохшей на нем кровью, и молча обошел вокруг зала. Парцифалю очень хотелось узнать значение этой странной церемонии и почему его давно ждали, но он боялся, что его любопытство сочтут слишком дерзким. В это время дверь снова открылась, и из нее стали выходить прекрасные голубоглазые и золотоволосые девушки. Четверо несли бархатную подушку, расшитую жемчугом, еще четверо — подставку из эбонитового дерева. Последней шла королева Репанса. Она несла драгоценный сосуд, сиявший так ярко, что человеческий глаз не мог вынести такого света.

По залу пробежал шепот:

— Святой Грааль!

Парцифалю очень хотелось узнать, что же тут происходит, но он не решался задать вопрос, пораженный суровой торжественностью церемонии.

Девы удалились, и вперед вышли пажи и оруженосцы. Из сияющего сосуда хлынул нескончаемый поток изысканных вин и яств. Хозяин замка, однако, попробовал лишь одно блюдо, да и то проглотил только маленький кусочек. Парцифаль оглядел огромный зал. Почему вокруг царило такое уныние?

Когда пир подошел к концу, король поднялся на ноги, опираясь на двоих слуг. Он выжидающе посмотрел на гостя, а потом отвернулся с глубоким вздохом. Слуги подошли к Парцифалю, чтобы проводить его в его спальню.

Войдя в свою комнату, он огляделся, и сразу же его внимание привлек вытканый шелком гобелен, висевший на стене. На нем была изображена битва, где самой заметной фигурой был рыцарь, внешне очень схожий с хозяином замка. Он опустился на землю, пораженный в точности таким копьем, как то, что Парцифаль видел в зале. Как ни хотелось ему узнать, что все это значит, он дал себе слово не задавать вопросов до следующего утра, хотя слуги сказали ему, что его появления давно ждали и он должен был принести с собой спасение, а потом удалились с тяжкими вздохами.

Всю ночь Парцифалья мучили страшные сны, и он проснулся совершенно разбитым. Рядом с кроватью он нашел свою одежду и оружие, но никто не пришел, чтобы помочь ему одеться. Все двери замка были закрыты, кроме тех, что вели во двор, у подвесного моста стоял его конь, оседланный и взнузданный. Как только он переехал через ров, мост подняли, и со стены раздался голос:

— Злосчастный, ты был избран, чтобы свершить великий подвиг, и не сделал этого. Иди и не возвращайся. Следуй своим путем, что приведет тебя прямо в ад.

Герой обернулся и увидел чье-то злобно усмехающееся лицо, глядевшее на него с крепостной стены. Потом оно пропало. Парцифаль пришпорил коня и поскакал прочь. Он ехал весь день по сумрачной, негостеприимной стране и к вечеру добрался до маленького одиноко-

го домика. Тут он спешился, стреножил коня и зашел внутрь. На полу на коленях стояла женщина и молилась. На ней были серые одежды кающейся грешницы, длинные спутанные волосы обрамляли лицо и спускались по плечам. Удивленная, она поднялась на ноги и посмотрела на него.

— Это ты? — воскликнула она. — Несчастный сын Херцелойды? Чего тебе надо от меня? Тело Шионатуландера забальзамировали, и я положила его в гроб. Теперь я должна молиться и каяться, пока Всемилостивейший не освободит меня.

— Господи помилуй! — воскликнул герой. — Это Сигуна, но как же она изменилась.

Несчастливая смотрела на него в молчании, а потом снова заговорила:

— Низкий человек, да знаешь ли ты, что навсегда погубил свою душу? Тебе было позволено взглянуть на Святой Грааль, а ты по своей воле отказался избавить бедного страдальца от боли. Как смеешь ты, недостойный, входить под этот кров! Ступай прочь, и будь ты проклят во веки!

Она стояла перед Парцифалем, как гневная прорицательница. В ужасе, какого он никогда раньше не испытывал, Парцифаль вышел из хижины и побрел куда глаза глядят, ведя коня в поводу. Он все шел и шел, пока наконец не упал на землю без сил и не забылся крепким сном.

Когда Парцифаль проснулся, солнце было уже высоко. Его верный конь пасся неподалеку, и он сел в седло и поскакал сам не зная куда. Вечером ему встретился крестьянин и предложил остаться у него на ночлег. Парцифаль с благодарностью согласился. На следующий день, когда он снова отправился в путь, то смог спокойно обдумать случившееся и пришел к выводу, что должен вернуться к замку и попытаться искупить грех, который совершил по своему невежеству. Но он не мог найти дорогу. У кого он ни спра-

шивал, как проехать к замку Святого Грааля, все смотрели на него как на сумасшедшего. Он печально поехал дальше и тут увидел рыцаря, который вел за собой женщину в цепях. Он сразу же узнал в ней прекрасную даму, у которой он украд поцелуй, когда она спала. Она взглянула на него с молчаливым упреком, и он почувствовал, что обязан ей помочь. Он потребовал от ее мучителя, чтобы тот отпустил бедняжку, но ответом ему был лишь презрительный смех. Последовавший за этим поединок продолжался долго, пока наконец Парцифаль не поверг противника наземь. Он уже приготовился одним ударом прикончить лежавшего без сознания врага, но вспомнил мудрые наставления Гурнеманца и сдержался. Оставив мужчину, он повернулся к даме и освободил ее от цепей. Тем временем поверженный рыцарь пришел в себя, и Парцифаль отпустил его, взяв с него клятву, что он в дальнейшем будет относиться к даме со всем возможным почтением, а кроме того, поедет ко двору короля Артура и скажет, что был побежден Красным рыцарем. Прежде чем они расстались, Парцифаль узнал, что его противник — это сэръ Орил, а дама — его жена Джешута, которую он мучает своей ревностью. Тогда Парцифаль торжественно поклялся, что их свидание было совершенно случайным и невинным, что привело к искреннему примирению.

Герой продолжил поиски Святого Грааля, но тщетно. Он не давал себе отдыха ни в летнюю жару, ни в зимнюю стужу, но так и не приблизился к цели. Однажды судьба свела его с сэром Гавейном, племянником короля Артура, который предложил ему вернуться ко двору вместе с ним, чтобы стать одним из рыцарей Круглого стола. Парцифаль сразу же согласился в надежде, что, если он это сделает, Артур расскажет ему тайну Святого Грааля.

Сэръ Гавейн послал оруженосца к королю, чтобы заранее известить его прибытии Красного рыцаря, и король вышел им навстречу в сопровождении своих рыцарей и горожан, поскольку всем не терпелось увидеть героя, о

чьих доблестных деяниях они были так наслышаны, хотя никто ничего не знал о нем самом. На следующий день в открытом поле Парцифаль получил из рук короля Артура рыцарские знаки отличия и был зачислен в рыцари Круглого стола.

Пока глашатаи выкрикивали имя нового рыцаря и славили его подвиги, к королю подъехала женщина на жалкой кляче. Она отбросила с лица покрывало, и все увидели ее коричнево-желтое лицо, похожее на иссохшую волчью морду. Лишь глаза ее горели как уголья из впалых глазниц.

— Это ведьма Кундри, посланница Святого Грааля.

— Да, это я, — сказала женщина. — И я пришла, чтобы предупредить. Беды постигнут короля Артура и его Круглый стол, если они позволят человеку, чье имя я назову, оставаться среди них. Парцифаль недостоин оказанной ему чести. Он был избран для высочайшей чести, но пренебрег ею, и по его вине делятся муки величайшего страдальца на земле. Горе ему! Горе Артуру и его рыцарям, если они не избавятся от святотатственного присутствия бесчестного рыцаря!

Все глаза устремились на прорицательницу, а потом на сэра Парцифалья. Потрясенный случившимся, он тихо выскользнул из толпы и, сев на коня, поскакал прочь. Среди всех рыцарей Круглого стола один лишь Гавейн стал на его защиту, заметив, что не стоит изгонять цвет рыцарства по первому слову крючконосой ведьмы.

В ответ Кундри пришла в великую ярость, и из уст ее полились потоки ругани:

— О, презренный, пусть же и на тебя падет проклятие! Ступай, если осмелишься, в волшебный замок Клигзора, где спят зачарованным сном твои мать и сестра, а вместе с ними и другие благородные дамы. Попробуй освободить их, если сможешь!

Гавейн отвернулся и молча пошел прочь. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как отправиться на поиски Парцифалья.

Волшебный замок Клингзора

Куда бы Гавейн ни поехал, всюду ему говорили, что видели Красного рыцаря. Он встретил множество вооруженных всадников, потерпевших от него поражение. Так проходили дни и недели, он продолжал преследовать Парцифалья, пока его след не затерялся где-то на востоке. Наконец, после долгих поисков, до Гавейна снова стали доходить слухи о великих подвигах Парцифалья, но отыскать самого рыцаря ему не удавалось.

Подумав, сэра Гавейн решил, что ему следует искать не Парцифалья, а цель, к которой тот стремится, — святой Грааль.

Однажды он скакал в одиночестве по дороге и встретился с рыцарем, которого Парцифаль ранил в поединке. Гавейн предложил ему помощь, но Кингримурсель, как его звали, был так опечален своим поражением, что сердился на весь свет. Он вызвал Гавейна на поединок, пообещав сразиться с ним, как только заживут его раны. Гавейн двинулся дальше и вскоре встретил даму столь дивной красоты, что при виде ее он сразу же забыл о поисках Святого Грааля и о Красном рыцаре. Она была поистине прекрасна: темные кудри волной спадали на длинную шею, а глаза сияли, как звезды. Гавейн приблизился к ней и заговорил. Оказалось, что дама столь же умна и остроумна, сколь хороша собой, и тогда рыцарь признался ей в любви, но в ответ она лишь посмеялась. Однако он не отступался, и тогда она сказала, что, если он хочет добиться ее расположения, пусть пойдет в сад и приведет ее белого жеребца.

Он подошел к воротам сада и спросил стоявшего у ворот старика, где ему найти белого жеребца, принадлежащего красавице.

Старик, печально покачав головой, ответил:

— Будь осторожен, мой друг. Эта дама — волшебница Оргелюза, погубившая многих достойных рыцарей. Сражась по ее прихоти, король Анфортас был ранен отравлен-

ным копьем. Сбрось ее чары, пока не поздно. Смотри, вот твой конь. Садись на него и скачи прочь во весь опор.

Но все предупреждения были напрасны. Надменная Оргелюза как будто околдовала сэра Гавейна, и он стал игрушкой в ее руках. Рыцарь привел ей ее жеребца, и, хотя она высокомерно отвергала его помощь, когда садилась в седло, он покорно последовал за ней. Они проехали через многие земли и страны, и по дороге рыцарю не раз пришлось вступать в схватку с серьезными противниками. Он не мог не заметить, что каждый раз его дама старалась раздуть ссору там, где для этого не было ни малейшего повода. Однако из всех поединков сэр Гавейн неизменно выходил победителем, стойко храня верность даме своего сердца. Оргелюза была так польщена, что позволила ему ехать рядом с собой.

Наконец они достигли вершины холма, откуда открылся вид на широкую долину. В ее противоположном конце, на уступе скалы, примостился замок, укрывшийся в тени огромной сосны. Указав на него, Оргелюза сказала, что в том замке живет Грамофланц — ее заклятый враг, погубивший ее возлюбленного.

— Если ты, — продолжила она, — принесешь мне ветку с того волшебного дерева и победишь Грамофланца, который непременно вызовет тебя на поединок, я выйду за тебя замуж.

За такую награду рыцарь готов был сразиться с самим князем тьмы, поэтому он, не колеблясь ни минуты, прищипил коня и поскакал к замку. Он пересек долину, переплыл через глубокий ров и приблизился к дереву. Оборвав несколько маленьких веточек, он попытался сплести из них веночек, но тут послышался сердитый голос:

— Что ты здесь делаешь, неотесанный юнец? Как осмелился ты прикоснуться к моему волшебному дереву? Я тебя знаю, ты сэр Гавейн — рыцарь Круглого стола. Много лет назад твой отец убил моего отца, и теперь я намерен за него поквитаться. Жди меня через восемь дней перед

волшебным замком Клингзора. Со мною будут двенадцать сотен воинов, чтобы они видели, как я отомщу за смерть отца. Ты можешь привести столько же или даже больше.

Так сказав, Грамофланц повернулся к герою спиной и скрылся в замке.

Гавейн преподнес венок своей даме, которая приняла его очень спокойно. Она не стала тратить слов на выражение благодарности и продолжала ехать молча, а рыцарь следовал за ней, куда бы она ни направлялась. Спустя какое-то время они подъехали к двум укрепленным замкам. Оргелюза сказала, что один из них — Логрейс, родовое поместье ее отца, а второй — замок великого волшебника Клингзора, где похищенные им знатные дамы томятся в заточении, закованные в кандалы. Она сама, добавила она, купила свою свободу, лишь отдав злодею все золото, что она унаследовала от отца. Едва она успела промолвить эти слова, как появился угрюмый рыцарь и крикнул сэру Гавейну, чтобы он защищался. Оргелюза удалилась, напомнив герою о своем обещании. В два счета одолев противника, Гавейн сел в лодку, что только что отвезла его даму на другую сторону рва, и переправился сам. Он расположился на ночлег в домике паромщика, который рассказал ему все местные сплетни и, среди прочего, о подвигах доблестного рыцаря, облаченного в красные доспехи.

Когда стемнело, Гавейн подошел к окну. Он увидел освещенные окна волшебного замка, и в каждом окне — по женскому лицу. Каких лиц тут только не было: от совсем детских до старческих. Сэр Гавейн в гневе отошел от окна и поклялся, что убьет подлого рыцаря и освободит несчастных дам, но паромщик посоветовал ему быть поосторожнее, поскольку Клингзор — сильный противник и, кроме того, владеет черной магией. Но ничто не могло заставить сэра Гавейна отступить от задуманного предприятия.

На следующий день рано утром он сел на коня и отправился к волшебному замку, чьи темные башни вставали вдалеке из тумана. Огромного роста привратник

открыл дверь и беспрепятственно пропустил его во двор. Внутри, казалось, никого не было. Нигде не было видно ни хозяйственной утвари, ни женщин. Он шел из комнаты в комнату в полном изумлении. Наконец он добрался до зала, где стояло удобное ложе, и, почувствовав усталость, решил прилечь отдохнуть. Но к его величайшему удивлению, кушетка отодвигалась всякий раз, как он к ней приближался. Потеряв терпение, Гавейн одним огромным прыжком вскочил на ложе, и в следующее же мгновение на него обрушился ураган стрел, копий и булыжников. Герой защищался от них как мог, но, если бы на нем не было доспехов, он был бы сразу убит, хотя и так он получил множество ран.

Ужасный град оружия прекратился так же внезапно, как и начался. В зале воцарилась мертвая тишина. В конце концов послышался звук тяжелых шагов, и в комнату вошел огромного роста крестьянин с дубинкой в руке. Следом за ним из-за двери появился устрашающего вида лев.

— Тише, Лео, — произнес крестьянин низким, грубым голосом. — Сначала я размозжу ему череп, а потом отдам тебе его тело. Что? — воскликнул он удивленно. — Он в доспехах и все еще жив? Тогда, Лео, ты сам с ним разбирайся.

С этими словами он со всех ног бросился наутек.

Лев бросился на героя и попытался разорвать его когтями, но тут же отскочил назад и взревел от ярости и боли: сэр Гавейн отрубил ему переднюю лапу. Рыцарь вскочил с ложа и бросился на льва с такой отвагой и решимостью, что в конце концов одолел его. Но долгий поединок утомил его, и он без чувств упал рядом с тушей убитого зверя.

Придя в себя, он увидел, что вокруг него склонилось множество женщин, называя его своим избавителем. Среди них он увидел свою бабушку, мать и сестру. Чары были разрушены, и Грамофланц бежал. Как только Гавейн немного оправился от усталости, он послал гонцов к королю Артуру, чтобы рассказать ему о случившемся. Рыцарь про-

сил, чтобы король приехал и стал свидетелем поединка между ним и Грамофланцем.

Артур не отказал в его просьбе, и Гавейн был на седьмом небе от счастья, когда представил своему дяде прекрасную Оргелюзу.

Наконец наступил назначенный день. Появился рыцарь в черных доспехах, на угольно-черном жеребце. Гавейн поскакал ему навстречу. Их мечи скрестились, и поединок начался. Король и дамы подъехали поближе, чтобы лучше разглядеть происходящее. Постепенно черный рыцарь стал брать верх. У Гавейна оставалось все меньше сил, чтобы отражать удары противника. Тогда какая-то девушка вылетела стрелой из толпы зрителей и крикнула:

— Благородный рыцарь, пощадите моего брата Гавейна! Он еще не оправился от ран, полученных в волшебном замке!

— Гавейн! — эхом откликнулся незнакомец и поднял забрало.

И тут всем открылись хорошо знакомые черты сэра Парцифала.

Пока друзья, встретившиеся после долгой разлуки, беседовали, к ним приблизился еще один рыцарь. Это был Грамофланц. Он предложил им примирение и свою дружбу. Но Гавейну непременно нужно было убить этого человека, иначе Оргелюза не согласилась бы стать его женой. Положив руку на рукоять меча, он уже собрался заговорить, но тут король приблизился и остановил его. Артур дал слово чести, что смягчит сердце гордой красавицы. Он послал за ней и, когда Оргелюза явилась, отвел ее в сторону и поговорил с ней. Его мудрость и благородство так на нее подействовали, что гнев ее прошел, и она согласилась простить своего врага.

Через несколько дней в замке справили две свадьбы: Гавейн сочетался узами брака с Оргелюзой, а Грамофланц женился на сестре Гавейна. Королева Гвиневера следила, чтобы никто не был обделен заботой и внима-

нием. Сэра Парцифалья принимали как рыцаря Круглого стола наравне с другими, но это его не радовало. У него не шли из головы слова проклятия, сказанные ведьмой. Он видел перед собой страдающее лицо Анфортаса, Святой Грааль, а чуть дальше свою милую жену и плачущую мать. Не в силах этого вынести, он тихо выскользнул из замка, ни с кем не попрощавшись. Невинная радость друзей лишь усиливала его печаль.

Он поскакал прочь, и душой его овладевало отчаяние. Найдет ли он когда-нибудь Святой Грааль? Сумеет ли он исправить то зло, что причинил, сам того не ведая?

Парцифаль, Треврезент и Святой Грааль

Прошло лето, а за ним и осень, и земля покрылась снегом, когда однажды вечером Парцифаль заметил вдалеке одинокую хижину. Он очень замерз и так устал, что, спешившись, с трудом дошел до двери. На стук вышел высокий, осанистый, хоть и немного изможденный человек и пригласил героя войти внутрь, а сам вышел, чтобы позаботиться о его коне.

Отшельник накормил его и расстелил для него постель из мха. Лежа на ней, Парцифаль огляделся и заметил на стене меч с украшенной золотом рукоятью. Когда он спросил, чей это меч, отшельник вздохнул и ответил, что в те давние времена, когда он мечтал лишь о любви и славе и забывал о Святом Граале, что был ему вверен, этот меч принадлежал ему.

— Да будет тебе известно, незнакомец, — продолжил он, — что я Треврезент, брат несчастного Анфортаса, и что, как и он, я посвящал свою жизнь погоне за переходящими удовольствиями. Когда Анфортас был ранен отравленным копьем, я отложил в сторону меч и доспехи и удалился в пустыню, чтобы молиться и каяться и тем ис-

купить прегрешения брата и свои собственные. Тщетная надежда! Рана до сих пор причиняет Анфортасу ужасные страдания. Но хуже всего, что тот, кому предназначено было избавить моего брата от мучений, не исполнил своего долга и в наказание обречен на вечные скитания, хотя мог бы стать королем Грааля.

— Я — тот, кто согрешил так сильно, сам того не желая! — воскликнул Парцифаль. — Но если Бог — это высшая любовь и справедливость, то почему Он карает так жестоко за столь малый грех, как невежество?

— Так, значит, ты — Парцифаль, сын моей сестры Херцелойды, — сказал Треврезент. — Ты не познал Всемилоливейшего, чей глас слышен лишь тем, кто принял его в сердце своем. Потому-то, найдя дорогу к Граалю, ты не обрел спасения. Выслушай меня: я открою тебе чудеса Господа нашего и Его любовь к сынам человеческим. После этого ты навсегда избавишься от сомнений в Его милости.

Треврезент поведал племяннику о Божьих деяниях от начала времен до пришествия и смерти Христа и объяснил, какие уроки он должен для себя извлечь. От Треврезента Парцифаль также узнал, что его мать умерла от тоски вскоре после его отъезда и что перед смертью она благословила его. Треврезент посоветовал герою продолжать искать Святой Грааль, но теперь уже с чистым сердцем и просветленным разумом, веруя в Господа, чья милость безгранична.

Парцифаль прожил несколько дней у своего дяди, который укрепил его дух и внушил мужество для исполнения его предназначения.

Наконец, простившись с Треврезентом, он уехал. Долгое время он путешествовал, безуспешно пытаясь отыскать дорогу к священной горе. Однажды он встретился с рыцарем-язычником, и тот вызвал его на поединок. В ходе сражения меч Парцифаля внезапно сломался.

— Будь со мной меч отца моего — Гамурета, он бы меня не подвел! — воскликнул герой.

Узнав, что Парцифаль — сын Гамурета, его противник очень удивился и воскликнул:

— Тогда мы с тобой братья! Во время своего путешествия на Восток Гамурет женился на королеве мавров, а после ее смерти вернулся домой и женился на твоей матери. Меня воспитали родственники, и теперь я стал королем мавров. Мое имя — Фейрефиц.

С этими словами он поднял забрало, открыв красивое смуглое лицо.

Братья с радостью обнялись, и Парцифаль сказал:

— Меч, что дал мне страдалец Анфортас, отказался пролить братскую кровь, и это первый знак того, что Бог внял моим молитвам. Но что это?.. Я узнаю это место! Я уже видел это озеро и скалы... А вот и дорога к святой горе! Поедем со мной, брат мой, по крутой тропинке к горным высям, где нас ожидает благодать Божья!

Герои решительно двинулись вперед по извилистой дороге, но их путь был так труден, что, когда они добрались до замка, солнце уже садилось. Приезда героев ждали. Их коней, которых они большую часть пути вынуждены были вести в поводу, отвели в конюшню. Парцифалья и Фейрефица отвели прямо в зал, ярко освещенный множеством свечей. Король Анфортас и его рыцари сидели на своих обычных местах. В зал, как и в прошлый раз, вошел паж с окровавленным копьем, за ним девушки с бархатной подушкой и подставкой и, наконец, прекрасная королева Репанса со Святым Граалем в руках.

— Всемилостивый Господь и Спаситель наш! — прошептал сэр Парцифаль. — Вразуми меня, как достичь спасения!

И ему показалось, что ангел произнес прямо ему в ухо одно лишь слово:

— Спрашивай!

Разум его просветлился. Теперь он знал, что нужно делать. Встав, он подошел к Анфортасу и сказал:

— Что мучит тебя, о великий король? Почему жилище Святого Грааля наполнено горем и тоской?

Свечи погасли, но сияние, исходившее от Святого Грааля, стало еще ярче, и на боку чаши появилась надпись огненными буквами: «Анфортас исцелен! Парцифаль становится королем Грааля!»

В ту же минуту по воздуху полилась чудесная неземная мелодия, и невидимый хор запел: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках благоволение».

Герой стоял молча, его сердце переполнялось радостью и ликованием. И тут к нему подошел незнакомый старик, державшийся с необычайным достоинством. В руках он держал корону, которую возложил на голову избранного короля, сказав:

— Да здравствует Парцифаль! Долго мы ждали твоего прихода! Я — твой прадед Титурель. Меня призвали, чтобы передать тебе этот знак высочайшей чести. Теперь я могу умереть с миром. Мои земные дни уже сочтены, и я предстану перед своим Создателем.

Исцеленный Анфортас поднялся со своего места и, торжественно поприветствовав Парцифалья, возложил на его плечи королевскую мантию, наказав ему защищать добро и карать зло и несправедливость.

Собравшиеся рыцари хором провозгласили нового короля и поклялись ему в верности.

И ангельский хор запел:

Слава Парцифалю, королю Грааля!
Он избег гибели
И пребудет в вечной благодати!
Слава Парцифалю, королю Грааля!

Парцифаль был горд и растроган. И тут дверь отворилась, и в зал вошла закутанная в покрывало дама в сопровождении свиты. Когда он посмотрел на нее вопросительно, она отбросила с лица вуаль. Парцифаль увидел свою возлюбленную супругу Кондвирамур, с которой он так давно не виделся.

Хотя Святой Грааль проливал яркий свет на весь зал, один-единственный человек по-прежнему оставался в темноте. Это был король мавров Фейрефиц. Он стоял окутанный темным облаком и никак не мог понять, почему яркие лучи, освещающие зал, не рассеивают тьмы вокруг него.

— Священный сосуд, — ответил Титурель, — который вобрал в себя кровь нашего Спасителя, освещает лишь тех, кто верует. Ты по-прежнему блуждаешь в темноте неверия, в цепях Сатаны. Преклони голову перед распятым Христом, и сердце твое озарится Его светом.

Слова старого рыцаря произвели на Фейрефица сильное действие, и он пожелал тут же принять крещение. Как только Титурель совершил обряд, Фейрефиц сразу же увидел Святой Грааль и был озарен исходящим от него сиянием.

И тогда Титурель опустился на колени перед священным сосудом и произнес слова молитвы. Потом, поднявшись, он торжественно попросился со всеми и сказал, что теперь Сигуна умерла. И с этими словами он вышел из зала, и никто из смертных его больше не видел.

За время, что Фейрефиц гостил в замке на священной горе, он получил наставления в христианской вере, а уезжая, забрал с собой прекрасную королеву Репансу, которая стала его женой. Вскоре у них родился сын Иоанн. Повзрослев, он встал великим воином и основателем сильного и славного рыцарского ордена, подобного ордену храмовников, охранявших Святой Грааль.

ЛЕГЕНДА О ЛОЭНГРИНЕ

Серебряный колокольчик

Сэр Гавейн и остальные, и даже сам король Артур, тщетно искали то, что лежало так близко, но казалось столь недостижимо, потому что их затуманенное зрение не могло проникнуть сквозь тщету земных дел, закрывающую от нас

небеса. Говорили, что ангелы перенесли святую гору дальше на Восток, и ее охраняет пресвитер Иоанн, и что, когда сарацины грозили гибелью христианскому миру, храмовники явились неведомо откуда. На щитах и шлемах у них сиял серебряный голубь. Они помогли одержать победу над врагом, а потом исчезли, и никто не знает куда.

Тем временем Парцифаль и Кондвирамур счастливо жили в замке Грааля. Детей своих они воспитывали с величайшей заботой и вниманием. Когда их старший сын, Кардейс, вырос, он стал править королевством своей матери — Белрипаром. Под его опекой находились также Анжу и Уалес. Младший сын, Лоэнгрин, оставался дома с родителями, а дочь, Арибадал, заняла место королевы Репансы и выносила Святой Грааль из святилища в зал и обратно. Давно уже рыцари храма не слышали звука серебряного колокольчика, зовущего их сразиться с неверными, поскольку сарацины были полностью разгромлены христианами. Но однажды, когда они все собрались в королевском зале, вдали послышался отчетливый звук серебряного колокольчика. Звук приближался, и в нем можно было разобрать крик о помощи. В это время на боку священного сосуда появилась надпись огненными буквами, что Лоэнгрин — герой, избранный Богом для защиты невинных, и что должен он отправиться к ним на помощь в лодке, которую тянет лебедь.

— Да здравствует Лоэнгрин, избранный Богом! — вскричали рыцари храма.

Парцифаль очень обрадовался, обнял и благословил своего сына. Сердце Кондвирамур наполнялось гордостью за сына и тревогой за его жизнь. Она принесла ему доспехи, украшенные золотом и серебром, когда-то принадлежавшие Анфортасу, и меч, сломавшийся в руках Парцифаля, когда он сражался со своим братом Фейрефицем, но потом откованный заново в замке Святого Грааля.

Вошедший в зал паж объявил, что на озере под горой стоит лодка с лебедем. Это был знак, что час расставания

настал. Король, королева и все придворные проводили Лоэнгрин до берега, где его ожидала лодка. Когда герой уже готов был сесть в лодку, Парцифаль вручил ему золотой рог и сказал:

— Когда ты окажешься в мире людей, протруби в рог три раза и еще раз три раза протруби, когда будешь возвращаться домой. Если кто-нибудь спросит тебя о твоей семье и откуда ты пришел, ты должен сразу же вернуться на святую гору. Это нерушимый закон братства Святого Грааля.

Лоэнгрин спрыгнул в лодку, и лебедь повез ее за собой к морю. В воздухе лились чудесные мелодии, но Лоэнгрин не мог понять, кто это пел — лебедь или ангельский хор. Музыка оборвалась, когда лодка достигла моря. На место чудных песен пришел рев бури и шум воды. Когда наступила ночь, юноша лег на дно лодки и уснул, не обращая внимания на волны и ветер.

Прекрасная Эльза Брабантская

Юная герцогиня Брабантская Эльза была так красива, что ее называли не иначе как Прекрасная Эльза. Однажды она отправилась на охоту и случайно отстала от своих спутников. Однако девушка ничуть не огорчилась, поскольку ей давно хотелось побыть одной, чтобы обдумать положение, в котором она оказалась. Сев на траву под старой липой, она погрузилась в невеселые мысли. У Прекрасной Эльзы было множество поклонников, но она с радостью избавилась бы от них от всех, а особенно от могущественного графа Тельрамунда, ее бывшего опекуна. Граф утверждал, что отец Эльзы на смертном одре предназначил ее ему в жены. Юная принцесса боялась графа и одновременно ненавидела его. Несмотря на все его угрозы, она отказалась выходить за него, и теперь он грозил ей войной и вдобавок собирался выдвинуть против нее тяжкие обвинения

при дворе нового короля Генриха Саксонского. Хотя на сердце у Эльзы было тяжело, но жужжание пчел и шелест ветра в кроне звучали так убаюкивающе, что она не заметила, как уснула. Девушке снилось, что из лесу вышел рыцарь в лучезарных доспехах и протянул ей серебряный колокольчик. Если ей нужна будет помощь, сказал он, пусть она только позвонит в этот колокольчик, и он явится без промедления. Эльза хотела протянуть руку, чтобы взять его подарок, и от этого усилия проснулась. Озадаченная странным сном, Эльза не сразу заметила, что над ее головой кружится сокол. Он сделал несколько кругов и опустился ей на плечо. У него на шее висел серебряный колокольчик, в точности такой, как тот, что она видела во сне. Эльза аккуратно сняла его, и сокол тут же вспорхнул с ее плеча и улетел.

Вскоре после того, как она возвратилась домой, явился гонец с известием, что ей приказано предстать перед королевским судом в Колоне на Рейне. Она с легким сердцем повиновалась, поскольку чувствовала себя под покровительством высшей силы и верила, что ее чудесный сон сбывается.

Король Генрих в то время собирал войска для похода против венгров, опустошавших юг его страны, и поэтому нуждался в поддержке, а граф Тельрамунд был опытным воином, и его помощь была особенно важна для короля.

Суд начался. Граф представил троих свидетелей, заявивших, что юная герцогиня влюблена в одного из своих вассалов, что было нарушением всех законов королевства. Однако двое свидетелей были объявлены лжецами и злопыхателями, а одного свидетеля было недостаточно. Тогда граф поднялся и предложил, чтобы, согласно старинному обычаю, их рассудил суд Божий. Он готов сразиться с рыцарем, который пожелает вступить за герцогиню Эльзу, и пусть честный поединок решит, на чьей стороне правда.

Отклонить этот вызов было невозможно. Эльзе предоставлялось три дня сроку, чтобы подыскать себе защитни-

ка. Эльза огляделась, но никто из присутствовавших на суде благородных рыцарей не решался меряться силой и мастерством с графом Тельрамундом. В зале воцарилась гробовая тишина. И тогда девушка вспомнила про серебряный колокольчик. Она достала его и позвонила. Чистый звук разнесся по притихшему залу, отозвался эхом под сводами крыши и унесся к вершинам гор, затихая вдали.

Прошло три дня. Король сидел на троне, установленном перед ареной, и задумчиво глядел на спокойные воды Рейна, протекавшего рядом с местом, где должен был состояться поединок. Его окружали рыцари и князья, а перед ним стояли граф Тельрамунд в полном боевом облачении и юная Эльза, прекрасная, как никогда.

Три раза граф выкрикнул рыцаря, готового стать на защиту герцогини, но никто не отозвался. Все глаза устремились на короля: теперь ему ничего не остается, кроме как признать виновность Эльзы, но он колебался. И в это время с Рейна послышилась отдаленная мелодия, прекрасная, как ангельское пение. И скоро к берегу подплыла влекомая лебедем лодка, в ней спал закованный в серебряные латы рыцарь. Когда нос лодки коснулся земли, он проснулся и трижды протрубил в золотой рог. Это был знак того, что он готов вступить за невинную. Рыцарь сошел на берег и ступил на арену, где его уже ждал граф Тельрамунд.

Перед началом поединка глашатай вышел вперед и попросил незнакомца назвать свое имя и род.

— Меня зовут Лоэнгрин, — отвечал тот. — В моих жилах течет королевская кровь, но больше я ничего не могу вам сказать.

— Этого достаточно, — произнес король. — Благородное происхождение написано у тебя на лице.

Трубы протрубили сигнал к началу поединка, и противники ринулись друг на друга. Удары Тельрамунда сыпались один за другим, но незнакомый рыцарь поначалу лишь оборонялся. Но неожиданно он сменил тактику:

бросившись в атаку, он одним ударом рассек шлем и голову графа.

— Значит, на то воля Божья, — изрек король, — и нам остается лишь повиноваться. Скажи, благородный рыцарь, согласен ли ты отправиться вместе с нами в поход против захватчиков, вторгшихся в нашу страну во главе отряда, что прекрасная герцогиня посылает от Брабанта.

Лоэнгрин с радостью принял это предложение, и тут Эльза подошла к нему, чтобы поблагодарить за свое избавление. Она с первого же взгляда узнала в нем рыцаря из своего сна, и ее сердце переполнилось счастьем и благодарностью.

Лоэнгрин отправился в Брабант вместе с Эльзой, и, чем больше они узнавали друг друга, тем крепче становилась их взаимная привязанность. Добравшись до Антверпенского замка, они объявили о своей помолвке и вскоре поженились.

Когда новобрачные вышли из собора, Лоэнгрин сказал своей жене, что она не должна его спрашивать, откуда он пришел и кто его родители. Если же она задаст этот вопрос, то он вынужден будет ее покинуть.

Их медовый месяц еще не закончился, когда король призвал свои войска к оружию. Бесчисленные орды венгров вторглись в границы его королевства, и Генрих собирал армию в городе Колоне, чтобы оттуда вести ее в поход на врага. Герцогиня, как и другие дамы, отправилась в столицу вместе с мужем. Там собралось множество великих воинов, и дамы обсуждали их подвиги, а также подвиги их предков, но никто не упоминал имени мужа Эльзы. Среди придворных даже прошел слух, что Лоэнгрин — сын колдуна-язычника и одержал победу над графом Тельрамундом благодаря искусству черной магии.

Когда до Эльзы дошли эти гнусные сплетни, они уязвили ее в самое сердце. Еще бы! Ведь она хорошо знала благородную натуру своего мужа. Ей очень хотелось оправдать своего героя и заставить клеветников взять назад свои

слова. И так сильно ее это заботило, что она забыла о мужнином предупреждении и однажды, подойдя к нему, спросила, чей он сын и откуда прибыл.

— Любимая, — ответил он в глубокой печали, — я расскажу тебе то, что должно было храниться в тайне, но помни, приближается час нашей разлуки.

На следующий день, когда все рыцари и бароны собрались перед королем на берегах Рейна, он рассказал им о своем великом отце Парцифале и своем прибытии в Колон по приказу свыше, переданному ему через Святой Грааль.

— Я бы с радостью сразился с варварами вместе с тобой, благородный король, — продолжил он, — но судьба распорядилась иначе. Не унывай, ты разгромишь неприятеля и заслужишь неувядаемую славу.

Герой говорил вдохновенно, как пророк, и добавил, что империю ждет славное будущее. Когда он замолчал, послышалась мелодия, под звуки которой он здесь появился, но на этот раз она звучала медленно и печально, как на похоронах. Музыка все приближалась, и вскоре все увидели белого лебедя, тянущего лодку.

— Прощай, любимая, — сказал Лоэнгрин, обнимая плачущую жену. — Я полюбил тебя и был счастлив в этом мире, но теперь высшая воля приказывает мне его покинуть.

Со слезами на глазах он оторвался от жены и ступил в лодку. Лебедь отплыл от берега, и вскоре лодка навсегда скрылась из вида.

Эльза не смогла пережить расставание с любимым мужем. Умирая, она была твердо уверена, что воссоединится с ним на небесах и увидит Святой Грааль.

ЛЕГЕНДА О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ

Верный Руаль и его приемный сын

Яростное сражение кипело перед воротами замка. Его хозяин, Ривалин, не снес притеснений своего суверена, Моргана, и тот решил наказать непокорного вассала. А в это время в замке жена Ривалина — Бланшфлер — молилась за жизнь мужа, сжимая в слабых руках маленького сына, рожденного только что под грохот битвы.

Бой продолжался весь день. А вечером маршал Руаль ворвался в зал весь в крови и крикнул жене, чтобы она собрала в дорогу самое необходимое: король Ривалин убит, и враг грозит отрезать им пути отступления. Услышав такие слова, королева Бланшфлер вскрикнула и упала за-мертво. Руаль, видя, что ей уже ничем не поможешь, приказал женщинам поторопиться. Он не обращал внимания на собственные раны: надо было успеть переправить сына хозяина в безопасное место.

Но хоть они и спешили, времени им не хватило. Замок был окружен, и все пути к спасению отрезаны. Они перенесли тело королевы в другую комнату, и жена маршала сделала вид, что это ее ребенок. Никто из слуг не выдал их хитрости, и, когда Морган захватил замок, он так и не узнал, что у Ривалина остался сын. Король-победитель отдал должное верности маршала Руаля и назначил его правителем покоренного королевства, а сам вернулся домой.

Время шло, и приемные родители не могли нарадоваться на своего сына. Они нарекли его Тристаном, что

значит «печальный», из-за печальных обстоятельств его появления на свет. Руаль сам обучал его воинскому искусству и нанял учителей, чтобы дать ему образование, достойное короля.

Однажды к их берегам приплыли заморские купцы и разложили свои товары для продажи. Юный Тристан стал часто приходить к ним, чтобы послушать их рассказы о дальних странах, где они побывали. Необыкновенная красота мальчика и его познания в науках возбудили в них алчность. Они решили похитить его и продать в рабство за большие деньги. Поэтому однажды, когда он поднялся на борт их корабля, они тихо подняли якорь и поставили паруса. Руаль гнался за ними, но им удалось скрыться, поскольку их судно оказалось быстроходней. Но их поджидала другая опасность — на корабль обрушился ужасный шторм, какого они никогда раньше не видели. Купцы посчитали это знаком Божьего гнева и преисполнились страхом и раскаянием. В смятении они поклялись отпустить мальчика на свободу и слово свое сдержали, высадив его на незнакомом берегу. Купцы были уверены, что необычные таланты помогут ему раздобыть средства к существованию. Они не ошиблись. Тристана подобрала проходившие мимо пилигримы, и вместе с ними он отправился ко двору короля Корнуолла — Марка. Король сделал мальчика своим пажом и очень к нему привязался.

Тем временем Руаль повсюду искал своего приемного сына и уже отчаялся напасть на его след. Он странствовал по разным землям, добывая себе пищу попрошайничеством. Наконец, усталый, со сбитыми в кровь ногами, он появился во дворе короля Марка. Тристан очень ему обрадовался и проводил к королю.

Когда Марк узнал, кто скрывался под видом попрошайки, он сердито воскликнул:

— Так ты бывший маршал изменника Ривалина, похитившего мою сестру Бланшфлер?

— Государь, — отвечал Руаль, — он сделал это из любви к ней. Они с принцессой Бланшфлер тайно поженились еще до того, как она покинула родительский дом. Теперь и она и ее муж — оба мертвы. А этот мальчик, которого я воспитывал с младенчества и потом много лет разыскивал, — их единственный сын.

Король выслушал его рассказ в глубочайшем удивлении. Однако он был рад, что его любимый паж оказался к тому же его племянником. Руаль остался в Корнуолле вместе со своим приемным сыном. Его жена к тому времени уже умерла, а возвращаться домой и снова терпеть деспотизм Моргана ему не хотелось.

Тристан вырос высоким и красивым, храбрым воином и благородным рыцарем, равно полезным королю как в дни войны, так и мира. И хотя жилось ему весело, он никак не мог забыть родной земли и своих соотечественников, томящихся под гнетом иноземцев. В конце концов Тристан рассказал королю Марку о том, что его угнетало, и тот дал ему людей и корабли, чтобы он мог освободить свой народ, но взял с юноши клятву, что тот вернется в Корнуолл, поскольку хотел сделать его наследником трона.

Тристану сопутствовала удача. Морган был убит, а войско его разгромлено. Тристана короновали королем Пармении. Он прожил на родине год, улаживая споры между подданными и устанавливая порядки, которые способствовали бы процветанию страны, а потом, как обещал, возвратился в Корнуолл, оставив наместником верного Руаля.

Изольда

Возвратившись, он нашел жителей страны в великой тревоге. Король Ирландии Гурмун во время его отсутствия вторгся в Корнуолл и с помощью своего шурина

Морхульт — влиятельного вождя и могучего воина — покорил страну и заставил короля Марка платить ему дань. Дань эта была тяжела и позорна: по договору с Гармуном король Корнуолла должен был каждый год посылать в Ирландию тридцать красивых мальчиков, чтобы там их продали в рабство. В день возвращения Тристана король Марк как раз собирался передать несчастных детей посланнику Гурмуна — Морхульту, который приехал за ними.

Услышав такую новость, Тристан очень рассердился и заявил рыцарям, что они трусы, если согласились на такие условия. Затем отправился к Морхульту и разорвал договор, поскольку посчитал его невиданной низостью. На это Морхульт лишь вытащил из ножен клинок и вызвал Тристана на поединок. Тот принял вызов, и сражение началось. Тристан был тяжело ранен, и Морхульт крикнул ему:

— Сдавайся, Тристан, и я пощажу твою юность. Сдавайся, и тогда моя сестра, королева Изольда, вылечит тебя. Кроме нее, никто в целом свете не умеет врачевать раны, нанесенные моим отравленным клинком.

— Лучше смерть! — воскликнул юный рыцарь и тут же, изловчившись, могучим ударом расколол голову противника от макушки до подбородка.

С данью было покончено. Ирландцы вернулись домой, увезя с собой на родину тело павшего героя, а победитель вернулся в замок своего дяди. Его рану промыли и перевязали, но она никак не затягивалась и продолжала нарываться, несмотря на лечебные травы и бальзамы. Позвали самых искусных докторов, но те сказали, что никто, кроме ирландской королевы Изольды или ее дочери, названной в честь матери, не сможет извлечь яд из раны. Тогда Тристан решил отправиться в Ирландию под видом менестреля и просить королеву излечить его, хотя он знал, что Гурмун поклялся убить всякого корнуолльца, который отважится ступить на его землю.

В конце концов он добрался до ирландского двора, где пел и играл так чудесно, что королева послала за ним и, когда он явился, попросила его обучить своему искусству ее дочь Изольду. Принцесса оказалась прилежной ученицей, и, слушая, как она своим чистым голосом напевает печальные песенки, он даже забывал о боли, что причиняла ему рана. А она полюбила своего учителя музыки со всей страстью чистого юного сердца.

Время шло, рана Тристана болела все больше и больше. Тогда он, наконец, рассказал королеве о своих страданиях и попросил ему помочь. Она сразу же согласилась, и пару недель спустя он снова был здоров. Теперь он пел еще лучше, чем раньше, и король, очарованный его музыкой, желал оставить его при дворе. Однако Тристан, опасаясь разоблачения, твердо решил уехать, пока не поздно.

В Корнуолле все встречали его как героя. Не радовались его возвращению только первые лорды, которые знали, что король Марк назначил Тристана своим наследником. Они не желали, чтобы ими правил чужеземец, и требовали от короля, чтобы он выбрал себе жену. Зная их настроения, Тристан сам посоветовал дяде жениться, добавив, что лучшей супруги, чем ирландская принцесса Изольда, ему не найти. После недолгих раздумий было решено, что Тристан отправится к королю Гурмуну просить руки его дочери.

Прибыв в Ирландию, Тристан направился к королевскому дворцу. По дороге он услышал, как герольды возвещают, что король выдаст свою дочь за любого, кто убьет дракона, разоряющего его земли, при условии, что тот окажется человеком благородного происхождения.

Тристан отыскал дракона и после долгой борьбы убил его. Он вырезал из его пасти язык как доказательство своей победы, но ядовитое дыхание чудовища так на него подействовало, что он оступился и провалился в болото, из которого выполз дракон.

Тристан изо всех сил старался высвободиться, но все напрасно — он по самые плечи увяз в болоте. Пребывая в этом ужасном положении, он видел, как какой-то всадник подъехал к дракону, отрубил голову и поскакал с ней прочь.

Этот всадник был сенешалем во дворце. Он предъявил королю драконью голову и нагло потребовал своей награды. Но королева хорошо разбиралась в людях и поэтому всегда считала сенешаля трусом. Она не поверила ни единственному его слову и поэтому отправилась к драконьему логову, чтобы посмотреть на место поединка своими глазами. Тут-то она и нашла настоящего героя. Его окровавленный меч и отрезанный драконий язык яснее всяких слов свидетельствовали о том, что именно он совершил этот подвиг. Почти бесчувственного Тристана извлекли из болота и отнесли во дворец. Принцесса сразу же узнала менестреля, что незадолго до этого приезжал в Ирландию, и в глубине души пожелала, чтобы обещанная награда досталась ему.

Королева дала ему сонного зелья и, когда он уснул, отвела дочь в соседнюю комнату, где показала ей ужасный драконий язык и окровавленный меч, которым было убито чудовище.

— Смотри, — сказала она, — менестрель — вот кто настоящий герой, а вовсе не трусливый сенешаль.

Королева вышла, добавив, что правда вскоре станет известна всем. Изольда взяла меч и осмотрела его: на лезвии была заметна выщерблина.

— Боже милосердный! — воскликнула она. — Не может быть!

Она бросилась к сундуку и, достав оттуда осколок клинка, приложила его к щербинке. Осколок в точности подошел к клинку. Ее подозрения подтвердились.

— Ах так! — воскликнула она, дрожа от гнева. — Так вот кто убил моего дядю Морхульта! Пусть же он умрет от моей руки — я заколю его его собственным оружием.

Сжав покрепче рукоять меча, она вошла в комнату, где спал Тристан, и занесла клинок у него над головой. Но в эту минуту он улыбнулся во сне, как будто увидел что-то хорошее, и у Изольды не хватило духу прикончить спящего. Но тут ей показалось, что дядя смотрит на нее с упреком, и она уже совсем было решила нанести удар, но тут королева, которая незаметно вошла в комнату, остановила ее.

— Дурная девчонка! — вскричала она. — Что ты делаешь? Ты сошла с ума?

Изольда сказала королеве, что это — Тристан, убийца ее дяди, и ее мать ответила:

— Я очень любила брата, но я не стану мстить за него, поскольку этот человек спас нашу страну от дракона, а это значит гораздо больше, чем жизнь одного человека, как бы он ни был нам дорог.

Изольда согласилась, что королева права, и ее неприязнь к Тристану прошла.

Когда Тристан оправился, он никому не стал показывать драконий язык как доказательство своего подвига, но вызвал сенешаля на поединок. Тому нередко случалось участвовать в турнирах, но, когда он увидел выходящего на арену Тристана, мужество его покинуло, и он сразу же признался в подлоге. Король Гурмун приказал разбить щит трусливого рыцаря, а его самого отправить в изгнание.

Все очень удивились, когда Тристан, вместо того чтобы самому просить руки принцессы, посватался к ней от лица короля Корнуолла. Однако Гурмун был невысокого мнения о короле Марке и ни за что не согласился бы отдать за него свою дочь, если бы королева Изольда не вмешалась и не уговорила его. И вот Тристан получил милостивый ответ от короля и его согласие на брак. Но никто и не подумал спросить саму принцессу, что она думает о предстоящем замужестве. У принцесс нет выбора, их судьбы определяют интересы государства, а не их собственные желания.

Любовный напиток

Принцесса поднялась на корабль, готовый отплыть в Корнуолл. Все ее платья и драгоценности были уже на борту, и все было готово к отплытию — не хватало лишь старой няньки и верной наперсницы принцессы — Бранжъены. В последнюю минуту королева захотела сказать ей несколько слов наедине.

— Слушай меня, Бранжъена, — сказала королева-мать. — Возьми этот кувшин и береги его как зеницу ока. В нем любовный напиток — волшебное питье, что я приготовила своими руками. Дай моей дочери и ее мужу выпить его в день свадьбы, и они будут счастливы до конца жизни.

Нянька обещала все исполнить, как приказано, и простилась с королевой.

Ветер и течения благоприятствовали плаванию. Однажды Тристан, сидя на палубе, развлекал принцессу пением, чтобы отвлечь ее от мыслей о погибшем дяде, родном доме и неизвестности, ожидающей ее в будущем. Было жарко, и его одолела жажда. Тогда он попросил что-нибудь, чтобы промочить горло перед следующей песней. Один из слуг заглянул в буфет и, увидев там кувшин с питьем, решил отнести его Тристану, а тот, в свою очередь, протянул чашу Изольде, как велел обычай. Принцесса поднесла чашу к губам, отпила немного и хотела уже протянуть чашу своему собеседнику, но тут вдруг почувствовала такую жажду, что отпила чашу до половины. Затем она протянула чашу Тристану, и он dokonчил ее одним глотком.

Тут их взгляды встретились, и они поняли, что любят друг друга.

Когда через несколько минут Бранжъена поднялась на палубу и увидела пустой кувшин на столе, она разразилась слезами, оплакивая случившееся. Она сказала, что напиток ей дала королева, чтобы она вручила его Изольде и королю Марку в день их свадьбы. Но принцесса успокоила ее, заверив, что никакой беды не случилось, поскольку

каждый человек наделен свободой воли и может бороться с наваждением. И они боролись, но любовь оказалась сильней.

Корабль благополучно прибыл в гавань, и король Марк вышел ему навстречу, чтобы встретить своего племянника и нареченную невесту. Красота принцессы очень его обрадовала, и он принял ее со всеми почестями. Потом отпраздновали свадьбу, и король Марк почитал себя счастливым.

Поначалу все было спокойно. Бранжьена свято берегла тайну любви своей госпожи к Тристану. Но со временем при дворе начались пересуды, и в конце концов они достигли ушей короля Марка. Сперва он не хотел верить тому, что говорили люди, но вскоре тайное стало явным. Король решил судить любовников, но Бранжьена обо всем догадалась и предупредила Тристана. Все трое бежали в лес и долгое время скрывались в пещере. Надвигалась зима, и нянька боялась, что ее любимое дитя погибнет, если в мороз и снег останется без крыши над головой.

Однажды они сидели и обсуждали, что можно сделать, когда вдруг перед ними появился король Марк собственной персоной. Бранжьена стала убеждать короля, что все сплетни — ложь, и король, любивший как Изольду, так и Тристана, с радостью поверил ей и забрал их всех домой.

Но сила колдовства не ослабевала, и молодые люди так и не смогли победить свою любовь. При дворе снова пошли пересуды, и Тристан не мог призвать никого из сплетников к ответу, поскольку знал, что он опорочил рыцарскую честь и оплатил своему дяде злом за добро. Изольда тоже была несчастна. Они решили расстаться в надежде, что, когда они снова встретятся после долгой разлуки, любовный напиток потеряет свою магическую силу.

Тристан уехал. Он путешествовал по Нормандии и Алемании, участвовал во многих битвах и жил жизнью, полной приключений. Но не мог позабыть Изольду. Наконец

он оказался в королевстве Арундел, захваченном бандой убийц и грабителей. Король Джовелин и его сын Каэдин прятались в лесу, в соломенной хижине, где и нашел их Тристан. Был уже поздний вечер, когда он подъехал к их одинокому жилищу, где ему оказали теплый прием. Пригожую дочь хозяев, по странному совпадению, тоже звали Изольдой по прозвищу Белорукая. В обществе девушки и ее отца Тристан немного отвлекся от своих грустных мыслей. Он обещал им свою помощь, но для этого ему надо было вернуться в свое королевство. Его возвращение пришлось как нельзя кстати, поскольку старый Руаль умер и в стране царил беспорядок. Тристан восстановил законную власть и назначил новое правительство, а затем собрал войска и отправился в Арундел, на помощь королю Джовелину. Он победил разбойников, выгнал из страны и восстановил Джовелина на троне. Они очень подружились с Каэдином. Недели шли, и Тристан обручился с Изольдой Белорукой. Он знал, что принцесса его любит, и надеялся, что, женившись на ней, излечится от своей любви к королеве Корнуолла.

Но помолвка не принесла мира его душе. Страсть к Изольде становилась все сильнее, и отчаяние охватывало Тристана при мысли о предстоящем браке и необходимости изображать чувства, которые он не испытывал. Чтобы отсрочить свадьбу, он отправился на войну с полчищами грабителей, наводнившими страну, разбил их и обратил в бегство. По возвращении Тристана был назначен день свадьбы, но незадолго до того он вместе со своим другом Каэдином ввязался в опасное приключение и был ранен копьем в грудь. Бесчувственного, его принесли во дворец, где благодаря Изольде он пришел в себя.

Все надеялись, что он скоро оправится, но ему становилось все хуже. Однажды он сказал, что только у королевы Корнуолла есть лекарство, способное его излечить. Каэдин тут же отправился в Корнуолл, чтобы просить ее о милости. Как только Изольда узнала о случившемся, она

уговорила короля Марка отпустить ее в Арундел, чтобы спасти Тристана — его племянника. С разрешения короля она отправилась в долгое путешествие за море и нигде не останавливалась; пока не добралась до дворца короля Джовелина. Он встретил ее печальным известием:

— Слишком поздно, он умирает.

Ее провели к ложу Тристана, и она, опустившись на колени, взяла его за руку. Легкое пожатие сказало ей, что он узнал ее. На следующее утро он открыл глаза, печально и с любовью взглянул на нее и умер. Она наклонилась к нему и поцеловала, и с этим поцелуем душа ее отлетела. Через три дня их похоронили в одной могиле в далеком Арунделе.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Амелунги

Глава 1

Гутдитрих и прекрасная Гильдбурга.....	11
Вольфдитрих и одиннадцать его соратников.....	17
Зигмина.....	20
Метатель ножей.....	27
Дракон.....	31
Одиннадцать.....	36

Глава 2

Король Самсон.....	39
--------------------	----

Глава 3

Дитварт.....	47
--------------	----

Легенда о Дитрихе и Гильдебранде

Глава 1

Юность Дитриха.....	52
Меч Нагелринг.....	53
Зигенот.....	56

Глава 2

Королева Виргиналь.....	63
-------------------------	----

<i>Глава 3</i>	
Соратники Дитриха.....	68
Хайме.....	68
Виттиг.....	70
Вильдебер, Эльсан и другие.....	76
Дитлиб.....	80
<i>Глава 4</i>	
Король Лаурин и Малый розовый сад.....	83
В царстве короля Лаурина.....	88
<i>Глава 5</i>	
Монах Ильсан и Большой розовый сад.....	93
<i>Глава 6</i>	
Верность Дитриха.....	97
Поход против Римштайна.....	103
<i>Глава 7</i>	
Гарлунги.....	104
<i>Глава 8</i>	
Король Этцель, Вальтер и Хильдегунда.....	113
<i>Глава 9</i>	
Этцель и Дитрих против русских.....	116
Битва при Равенне.....	117
Смерть Альпхарта.....	118
Битва.....	120
<i>Глава 10</i>	
Странное приключение.....	122
В Берн.....	123
Смерть Дитриха.....	124

Повесть о Нибелунгах

<i>Глава 1</i>	
Юность Зигфрида.....	126
Юный Зигфрид отправляется в Исландию.....	130

<i>Глава 2</i>	
Зигфрид в Бургундии	134
<i>Глава 3</i>	
Драконий камень.....	138
<i>Глава 4</i>	
Сватовство к Брунгильде	145
<i>Глава 5</i>	
Измена и смерть.....	151
<i>Глава 6</i>	
Сватовство короля Этцеля.....	163
<i>Глава 7</i>	
Бургунды приезжают в страну гуннов.....	167
Первая кровь. Бледель и Данкварт.....	173
Побоище	175
Переговоры и поджог.....	177
Еще одно убийство. Гибель владетеля Бехларена	178
Дитрих и Амелунги	181
Смерть Нибелунгов	183
<i>Глава 8</i>	
Похороны Нибелунгов	186
В Бехларене	187
Вормс	188

Легенда о Хегелингах

<i>Глава 1</i>	
Хаген	191
<i>Глава 2</i>	
Хеттель из рода Хегелингов и его соратники	197
<i>Глава 3</i>	
Кудруна.....	203

НОРВЕЖСКИЕ, КЕЛЬТСКИЕ И ТЕВТОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

<i>Глава 4</i>	
Королева Герлинда.....	209

<i>Глава 5</i>	
Битва и победа.....	215

Легенда о Беовульве, победителе дракона и великана

Великан Грендель.....	221
Отважный пловец Беовульф	222
Волчица из моря.....	227
Беовульф становится королем	229
Бой с драконом	231

Легенды о короле Артуре и Святом Граале

<i>Глава 1</i>	
Титурель.....	236
Строительство храма	239
Женитьба Титуреля и его потомки.....	241

<i>Глава 2</i>	
Парцифаль	243
Поиски Святого Грааля	249
Волшебный замок Клингзора	255
Парцифаль, Треврезент и Святой Грааль	260

<i>Легенда о Лознгрине</i>	
Серебряный колокольчик	264
Прекрасная Эльза Брабантская	266

Легенда о Тристане и Изольде

Верный Руаль и его приемный сын	271
Изольда	273
Любовный напиток	278

Вагнер Вильгельм
НОРВЕЖСКИЕ, КЕЛЬТСКИЕ
И ТЕВТОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгелая*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *Т.В. Соловьева, А.В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.12.2008.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 12,85.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 8443

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» — www.centropoligraf.ru

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ		
От кого	<u>Ивановой Г.П.</u>	
Откуда	<u>г. Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5</u>	
<small>Индекс места отправления</small> 680011		
Кому		<u>«Центрполиграф»</u>
Куда		<u>г. Москва, а/я 18</u>
<small>Индекс места назначения</small> 111024		 <small>ПОЧТА РОССИИ</small>
		
<small>Подача государственных знаков почтовой оплаты производится по заказу © Издательство «Мир», Москва, Россия, 2003. З. 178448. ПП017</small>		

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на ваше понимание.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

Москва — ул. Октябрьская, д. 10, тел. для справок: (495) 684-49-89, мелкооптовый отдел — тел. (495) 684-49-68; пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН». Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net

Вильгельм Вагнер

НОРВЕЖСКИЕ, КЕЛЬТСКИЕ И ТЕВТОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Средневековый героический эпос богат историями, которые из века в век пленяли целые поколения — от седобородых старцев до пылких юношей. Исчезающая германская фольклорная традиция повествует о нравах и обычаях предков, их радостях и горестях, трудах и досуге, добродетелях и пороках, победах и поражениях. Зло, торжествующее вначале, неизменно встречается с добром и терпит поражение. Образы благородных героев и поныне находят отклик в умах и сердцах, рождая неиссякаемый источник вдохновения и воскрешая веру в чудо. В книге Вильгельма Вагнера собраны давно знакомые многим легенды: о короле Артуре и Святом Граале, о Тристане и Изольде, Беовульфе, Нибелунгах — и малоизвестные сказания: о Хегелингах, Лоэнгрине, Дитрихе и Гильдебранде. Мир отважных рыцарей и прекрасных дам, всемогущих богов и своенравных валькирий, кроважидных драконов и добрых волшебниц открыт для каждого, но в то же время непостижим и таинствен.

ISBN 978-5-9524-4121-7

9 785952 441217

ЦЕНТРОЛИГРАФ®